

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Выпуск
3 (7)

2016

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ЛИНГВИСТИКА

- 5 *Н.Г. Блохина* Явление изоморфизма в простом и сложном предложении с детерминантом
- 10 *А.М. Григораш* Это обобщающее множественное число (личностные перифразы, обозначающие различные группы деятелей Украины, в русскоязычной украинской прессе)
- 17 *М.А. Захарова* Роль перцептивных характеристик в идентифицирующей интерпретации (на материале лексических категорий, объективирующих область «животный мир» в немецком языке)
- 24 *М.Е. Прохорова* Особенности концептуализации характеристик человека, описываемых посредством цветowych сравнений
- 31 *Р.Д. Елибаева,
Г.Ш. Джумагулова,
Л.Р. Асилбекова,
Ж.К. Жунисбаева,
Г.Т. Сейдишева* Языковые особенности изучения юридического текста в гуманитарном вузе

ОНОМАСТИКА

- 39 *Е.Р. Николаев* Отражение национальной картины мира в якутских личных именах (по материалам трудов тюрколога Н.К. Антонова)
- 45 *К.С. Федотова* Влияние семантической ауры поэтонимов на выбор варианта именования референта
- 53 *С.К. Сапиева* Кавказский ономастикон в прозе Гария Немченко как отражение концепта «Кавказ»

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

60 В.В. Колчанов

Древнеримский культ Фавна: мотив Луперкалий в фильме Ларса фон Триера «Европа»

70 С.В. Коростова

Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмотивно-оценочных смыслов

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. филол. н., проф. А.С. Щербак.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. филол. н., д. ист. н., А.А. Бурыкин (научный редактор серии) (г. Санкт-Петербург), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. К.М. Абишева (г. Астана, Казахстан), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский (г. Москва), д. филол. н., проф. Р. Гольдт (г. Майнц, Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва), д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная (г. Минск, Беларусь), д. философии, доц. Дж. Куртис (Оксфорд, Великобритания), д. филол. н., доц. О.Н. Новикова (г. Уфа), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская (г. Нижний Новгород), д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг (г. Пенза), д. филол. н., проф. В.И. Супрун (г. Волгоград), д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина (г. Павлодар, Казахстан), д. филол. н., доц. А.Б. Туманова (г. Алматы, Казахстан), д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, М.И. Филатова.

Редакторы английских текстов: Т.А. Ковалева, Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Вып. 3 (7). – 80 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 15.08.2016. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,70. Тираж 1000 экз. Заказ № 1226. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2016

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2016.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

ВЕСТНИК Тамбовского университета

**ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

**Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля**

**Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год**

**Выпуск
3 (7)**

2016

Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Вып. 3 (7). – 80 с. – ISSN 2413-6859.

О Т Д Е Л Ь Н Ы Й О Т Т И С К

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.367.33

ЯВЛЕНИЕ ИЗОМОРФИЗМА В ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ С ДЕТЕРМИНАНТОМ

© **Нина Георгиевна БЛОХИНА**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: post@tsutmb.ru

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии и журналистики
E-mail: filology@tsutmb.ru

Рассмотрены простые и сложные предложения по признаку сходства: наличие в них детерминанта. Доказывается, что в этом случае происходит т. н. явление изоморфизма, которое проявляется в структурно-композиционном, семантическом и функциональном планах и в плане детерминации. Выявление и установление сходства между простым и сложным предложениями рассматривается как наиболее эффективное применение одного из характерных принципов системного описания языка, а именно: принципа унификации, что дает возможность представить в компрессии работу языковой системы на уровне синтаксиса. Устанавливается, что такой подход к изучению русского языка в русскоязычной и особенно в аудитории, где изучается русский язык как иностранный, минимизирует и облегчает процесс освоения структуры простого и сложного предложения в русском языке. «Настоящими» сложными предложениями будут те, у которых на первом уровне вычленяется тема и рема и которые являются не простыми членами предложения, а целыми предикативными синтагмами. На второе место по сложности следует отнести сложноподчиненные предложения, в которых есть детерминант – член предложения, относящийся ко всем предикативным синтагмам, входящим в состав сложноподчиненного предложения. На третье место следует поставить простые детерминированные предложения, в которых в плане актуального членения на первом уровне сразу же вычленяется тема и рема, где тема – член предложения, относящийся ко всему предложению, а рема – предикативная синтагма.

Ключевые слова: русский синтаксис; детерминант; изоморфизм

При классификации простых и сложных предложений признак «детерминированность» является самым мощным, который одинаково действует как среди простых предложений, так и сложных. Этот языковой признак заслуживает особого внимания. Что означает детерминант?

В лингвистический обиход термин «детерминант» был введен в работах Н.Ю. Шведовой с целью отграничить словоформы косвенного падежа имени от словоформ, наличие которых в структуре предложения не обусловлено лексико-грамматическими признаками какого-либо слова, в частности глагола, которые являются распространителем всего предложения. Это особый тип второстепенного члена с обстоятельственными или объектными значениями, в структуре

предложения детерминант стоит в абсолютном его начале, поэтому, как правило, отдалась от сказуемого, относится к предикативной основе или ко всему предложению в целом. Детерминант образует с ним слабую связь, т. е. может сочетаться с любыми конструкциями предложения.

Особое внимание уделяется этому второстепенному члену предложения, характеризующемуся нечеткой связью с другими членами предложения, потому что он отличается некоторой независимостью функционирования словоформ с обстоятельственным значением. При наличии такого второстепенного члена предложения В.В. Виноградов выделял распространенные и нераспространенные предложения. Этот второстепенный член и получил название «детерминант», или

«детерминирующий член предложения», а связь с другими членами предложения стала называться «свободным присоединением» [1, с. 194, 199, 298, 562, 563].

В системе второстепенных членов детерминанты не являются новыми членами предложения, это лишь особые случаи функционирования обстоятельств и дополнений, специфическим свойством которых является нечеткость связей с другими членами предложения [2]. Еще в работах Е. Куриловича, Е.В. Кротевича, А.Б. Шапиро, М.Н. Петерсона был подчеркнут выдвигающийся ранее в синтаксической науке тезис о том, что некоторые падежные (предложно-падежные) формы и наречия в составе предложения могут выступать в периферийной по отношению к глаголу позиции, определяя все предложение в целом [3].

Детерминанты, преимущественно обстоятельства места и времени, обычно располагаются в начале предложения. Ср.:

«Над городом осенний мрак повис» (Моршак).

«К полудню ветер усилился» (Коптяева).

«Без тебя я – звезда без света. Без тебя я – творец без мира» (Брюсов).

Детерминанты функционируют как общие второстепенные члены предложения в сложных предложениях. Например:

«Ягоды лесной малины жестки и невкусны. Летом их не клюют птицы и не трогают люди». В предложении «Летом их не клюют птицы и не трогают люди» имеются два общих второстепенных члена: обстоятельство времени *летом* и дополнение *их*.

В сложноподчиненном предложении «Только поздней осенью, когда опадает с деревьев пожелтевший и покрасневший лист, прижмут первые осенние заморозки, ягоды рябины становятся сладкими» (Соколов-Микитов) общим второстепенным членом является союзное слово *когда*.

Предложения с детерминирующими членами могут иметь различное значение. Детерминирующее обстоятельство определяет предикативную основу предложения по характеру и условиям проявления предикативного признака, обозначая место («Их хаты повеяло сыростью»); время («После экзаменационной сессии студенты отдыхают»); причины («После болезни вынужден оставить институт»); цель, соответствие или не-

соответствие чему-либо, следствие и т. д. Первым признаком детерминирующих членов можно считать их формальную независимость, т. е. детерминанты соединены сразу со всем предложением в целом по смыслу.

Соотнесенность детерминанта со всем предложением и его самостоятельность можно установить таким путем: предложения бытия, наличие при синтаксическом значении настоящего времени трансформируются в безглагольные предложения. Например:

«Со мной случилось смешное приключение» (прошедшее время глагола-сказуемого) – «Со мной смешное приключение».

«В Подмоскowie установилась теплая погода» (прошедшее время глагола-сказуемого) – «В Подмоскowie теплая погода».

Оба предложения являют собой безглагольный тип данной синтаксической единицы. Этот признак детерминирующих членов подтверждает мысль о том, что они, детерминирующие члены, и в глагольных формах (с глаголом-сказуемым в прошедшем времени) опираются не на глагол, а на предикативную основу в целом.

Вторым признаком детерминирующих членов следует считать их позиционную закреплённость: случаи расположения детерминирующих членов в абсолютном начале предложения составляют большинство. Отсутствие тяготения распространителей предложения к глаголу способствует выдвиганию их на первый план. Например:

«В погоне за цифрами забывают о качестве», «До войны он был сталеваром», «У него не было другого выхода», «С погодой не везет», «За исключением нескольких человек, вся группа была в сборе», «Корысти ради этот человек готов на все» и ряд др.

Постановка детерминанта меняет смысл предложения, поскольку она придает предложению просторечную разговорную окраску. Ср.:

«Забывают о качестве в погоне за цифрами», «Он был сталеваром до войны», «Не везет с погодой» и т. д.

Детерминированными могут быть и сложные предложения. В этом случае детерминантом в них является отдельное слово или целая предикативная единица.

Многими лингвистами, в т. ч. и автором этих строк, утверждается мысль, что простые предложения с детерминирующими членами

предложения важнее и «сложнее» тех сложноподчиненных предложений, в которых придаточные предложения являются всего лишь развернутыми членами главного предложения. «Настоящие сложноподчиненные предложения, т. е. такие, в которых придаточная часть является детерминантом, называются сложными предложениями двучленной (по Н.С. Поспелову) или расчлененной (по В.А. Белошапковой) структуре [4, с. 325-357; 403-411; 461-466]. Для недетерминированных сложноподчиненных предложений главным признаком является отнесенность придаточной части к одному слову главной части. От этого слова можно задать вопрос к придаточному предложению. Для детерминированных сложных предложений характерна отнесенность придаточной части ко всей главной части в целом. Например:

а) недетерминированное сложноподчиненное предложение: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» (Лебедев-Кумач). В главной части этого предложения от слова *страны* можно задать вопрос: *страны* не знаю какой? – «Где так вольно дышит человек»; «Я люблю, что солнце грело, чтобы гром звучал сильнее» (Ворошильский). *Люблю* что? – «чтоб солнце грело, чтобы гром звучал сильнее»;

б) детерминированное сложноподчиненное предложение: «Если осенью птицы певучи, жди зимою морозов трескучих» (пословица). Вся придаточная часть предложения соотнесена с главной частью. Вопрос к придаточной части ставится от всей главной части: *когда, при каком условии* «ждать зимой морозов трескучих» (придаточная часть с условно-временным значением) – если «осенью птицы певучи»; «Чтобы в мире не было войны, за мир бороться мы должны». Вопрос к придаточной части ставится от всей главной части – с какой целью за мир бороться мы должны? – «чтобы в мире не было войны».

Из приведенных примеров видно, что сложноподчиненные детерминированные предложения близки по структуре и по значению простым предложениям с детерминирующим членом: детерминирующий член простого предложения и детерминирующая придаточная часть сложноподчиненного предложения соотнесены соответственно со всей предикативной единицей простого

предложения и главной части сложноподчиненного предложения. Ср.:

Временное значение: «Под осень старику заскучал» – «Когда наступила осень, старик заскучал».

Целевое значение: «В порядке обмена опытом в нашу область приехали кубанские механизаторы» – «Чтобы обменяться опытом, в нашу области приехали кубанские механизаторы».

Между главной и придаточной частью предложения устанавливается та же семантическая соотнесенность, как и между моделью простого предложения и распространяющей ее свободной формой. Ср.:

«Из-за головной боли он плохо понимал прочитанное» – «Из-за того, что болела голова, он плохо воспринимал прочитанное»; «За обедом он забавлял гостей рассказами» – «Когда обедали, он забавлял гостей рассказами».

Придаточные предложения обстоятельственные (времени, места, цели, причины, уступки, следствия и т. д.), как и свободные синтаксические формы имени, распространяют добавочным смыслом всю предикативную модель в целом, не вступая в непосредственные синтаксические связи с синтаксическими формами слов, составляющими эту модель. Придаточное предложение связывается с главным по смыслу, а не по синтаксической обязательности. Относительная самостоятельность придаточных-детерминантов определяется тем, что придаточные предложения могут употребляться в качестве заголовков. Например: «Хотя письмо не опубликовано...», «Когда пренебрегают интересами народа...», «Чтобы Родина стала богаче...».

Детерминирующие члены простого предложения позиционно закреплены (как было отмечено, в большинстве своем стоят в начале предложения). Придаточные предложения в детерминированных сложноподчиненных предложениях могут находиться и в начале сложного предложения, и в конце. Однако тот факт, что придаточные детерминанты могут употребляться в заголовках, подтверждает мысль, что они тяготеют к началу предложения и к структурно-семантической самостоятельности.

На наш взгляд, детерминированные сложноподчиненные предложения и простые предложения с детерминантом гораздо бли-

же друг к другу, чем сложноподчиненные детерминированные и недетерминированные предложения между собой. Пути развития последних совершенно разные: сложные предложения с придаточными предложениями причинного или следственного, целевого, временного, условного, уступительного значений выявляют в двучленном своем составе качественный переход от двух отдельных предложений к одному сложному путем установления между ними определенного логического соотношения при подчинении одной мысли другой в составе единого высказывания, тогда как придаточные предложения в других сложных, недетерминированных, предложениях придаточные предложения могут рассматриваться только в функции развернутого члена главного предложения. Эти т. н. «сложные» предложения образуются, «вырастают» изнутри. Исходя из данного исследования, можно утверждать, что не только простое предложение служит для образования сложных конструкций, но и сложные конструкции, в свою очередь, оказываются исходной точкой для возникновения новых типов простого предложения.

Изучение синтаксических единиц с позиций наличия или отсутствия в них детерминантов позволяет по-новому их классифицировать [5, с. 386]. Особенно наглядно это проявляется в плане актуального членения. «Настоящими» сложными предложениями будут те, у которых на первом уровне выделяется тема и рема и которые являются не простыми членами предложения, а целыми предикативными синтагмами. К таковым следует отнести сложноподчиненные предложения, у которых придаточные предложения являются детерминантами.

На второе место по сложности следует отнести сложноподчиненные предложения, в которых есть детерминант – член предложения, относящийся ко всем предикативным синтагмам, входящим в состав сложноподчиненного предложения.

На третье место следует поставить простые детерминированные предложения, в которых в плане актуального членения на первом уровне сразу же выделяется тема и рема, где тема – член предложения, относящийся ко всему предложению, а рема – предикативная синтагма.

Следующее место займут недетерминированные сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть будет соотноситься с одним из членов главного предложения, следовательно, и будет являться детерминантом только какого-либо члена предложения.

Таким образом, наличие или отсутствие детерминанта в простом и сложном предложениях играет важную коммуникативную роль, а в плане актуального членения дает возможность по-новому определять «простоту – сложность» синтаксических единиц.

Детерминант простого предложения и детерминант сложного предложения играют изоморфную роль: это не обычные, соответственно, члены предложения или предикативные единицы, а такие компоненты, которые несут дополнительную информацию.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
2. Казарина В.И. Понятийный словарь // Казарина В.И. Современный русский язык. Структурная организация простого предложения. Елец: ЕГУ, 2007. 337 с.
3. Казарина В.И. История и теория синтаксиса. Елец: ЕГУ, 2005. 265 с.
4. Лекант П.А. Современный русский язык. М.: Юрайт, 2014. 559 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса: монография. М.: URSS КомКнига, 2007. 366 с.

References

1. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical study of a word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p. (In Russian).
2. Kazarina V.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Strukturnaya organizatsiya prostogo predlozheniya* [Modern Russian language. Structural organization of a simple sentence]. Yelets, ESU Publ., 2007. 337 p. (In Russian).
3. Kazarina V.I. *Istoriya i teoriya sintaksisa* [History and theory of syntax]. Yelets, ESU Publ., 2005. 265 p. (In Russian).
4. Lekant P.A. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 559 p. (In Russian).
5. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Rus-

sian syntax]. Moscow, URSS KomKniga Publ., 2007. 366 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.03.2016 г.
Received 14 March 2016

UDC 81.367.33

THE PHENOMENON OF ISOMORPHISM IN SIMPLE AND COMPLEX SENTENCES WITH DETERMINANT

Nina Georgievna BLOKHINA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsional'naya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: post@tsutmb.ru

Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department

E-mail: filology@tsutmb.ru

The simple and complex sentences according to similarity characteristics are considered: the presence of determinant. It is proved that the so called phenomenon of isomorphism appear, which is in structural-composed, semantic and functional plans and plan of determination. The common features of simple and complex sentences are revealed and considered as the most efficient use of one of characteristic principles of system language description that means: the principle of unification that gives the ability to present in compression the functioning of language system at syntax level. It is established that this approach to Russian language studying in Russian language auditory where Russian is learned as a foreign language, minimizes and makes easier the process of simple and complex sentences structure in Russian language. The "real" complex sentences are those having the theme and rheme at the first level which are not simple members of the sentence but predicative syntagma. The second place take complex sentences which have determinant the member of a sentence which refer to all predicative syntagma included in the complex sentence. The third place take simple determined sentences in which the thematic-rhematic articulation exist, there theme is a part of sentence referring to the whole sentence and rheme is a predicative syntagma.

Key words: Russian syntax; determinant; isomorphism

УДК 81.373.43

**ЭТО ОБОБЩАЮЩЕЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО
(личностные перифразы, обозначающие различные группы
деятели Украины, в русскоязычной украинской прессе)**

© Антонина Михайловна ГРИГОРАШ

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова

01601, Украина, г. Киев, ул. Пирогова, 9

E-mail: rector@npu.edu.ua

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: inet-1@ukr.net

Посвящено структурному анализу личностных перифраз, обозначающих различные группы деятелей Украины и функционирующих в русскоязычной украинской прессе. Подчеркивается, что в настоящее время современный русский язык заметно пополнился фразеологическими инновациями, в частности – актуальными личностными перифразами, в основном благодаря периодической печати, радио и телевидению. Ярко отражая новизну современного состояния общества во всех его проявлениях, многие новые перифразы в силу своей актуальности в короткий срок (что в принципе не характерно для основной массы фразеологических единиц любого языка) прошли процесс фразеологизации – от свободных сочетаний слов до устойчивых сочетаний с большой степенью мотивированности. Выделены основные структурные модели образования перифраз указанного типа, как продуктивные, так и непродуктивные. Язык СМИ – это сфера языкового новаторства, постоянный поиск свежих форм и способов лингвистического выражения. В частности, именно газеты представляют свежую актуальную информацию из различных сфер деятельности человечества и адресуют ее широкому читателю. Доказывается, что многие актуальные перифразы входят благодаря языку прессы в лексикон всех словесов общества. Личностные перифразы дают представление о популярности и востребованности того или иного деятеля Украины, пусть даже в большинстве случаев его популярность носит негативный характер.

Ключевые слова: фразеологические неологизмы; язык СМИ; перифразы

Процесс пополнения языка новыми устойчивыми сочетаниями происходит, как правило, вследствие тенденции к образованию наиболее ярких, эмоционально насыщенных обозначений. Поворот к антропоцентризму в научной парадигме XXI в. вызвал определенный «ономастический бум» [1, с. 7], отражающий возросший интерес к имени собственному и всему, что связано непосредственно с ним, в т. ч. и к вторичным наименованиям отдельного человека или групп людей. «На современном этапе изучение всего многообразия языковых репрезентаций такой широкой референциальной сферы, как Человек, приобрело особую актуальность в связи с исследованием роли человеческого фактора в языке и распространением антропоцентризма» [2, с. 212].

В настоящее время современный русский язык заметно пополнился фразеологическими инновациями, в частности – актуальными личностными перифразами, в основном благодаря периодической печати, радио и телевидению. Ярко отражая новизну современного состояния общества во всех

его проявлениях, многие новые перифразы в силу своей актуальности в короткий срок (что в принципе не характерно для основной массы фразеологических единиц любого языка) прошли процесс фразеологизации – от свободных сочетаний слов до устойчивых сочетаний с большой степенью мотивированности. В развитии русского языка конца XX – начала XXI в. заметную роль играли и продолжают играть фразеологические неологизмы, тесно связанные с внеязыковой действительностью и социальными факторами. При этом фразеологические изменения в русском языке выражаются не в появлении отдельных, частных инноваций общественно-политического направления, а носят системный характер, затрагивающий языковую структуру, отражающий глубокую перестройку стиливой системы, укрепления норм русского литературного языка.

Именно язык СМИ с его современной информационной открытостью, стилистической раскованностью, растущей тенденцией к броскости, эпатажности представляет собой широкое поле для образования самых

разнообразных личностных перифраз. Известные люди – политики, бизнесмены, деятели культуры и спорта – деятельно обсуждаются на страницах газет, постоянно ищут повод напомнить о себе, вследствие чего как их реальные имена, так и вторичные наименования – актуальные перифразы – становятся устойчивыми сочетаниями и в результате функционируют в речи читательских масс в качестве основной характеристики того или иного деятеля.

Личностные перифразы обобщающего характера – достаточно редкое явление на страницах современной русскоязычной прессы Украины по сравнению с единичными личностными перифразами, обозначающими одного украинского деятеля. При этом в основе образования подобных перифраз наиболее продуктивным является множественное число имени существительного, лежащего в основе устойчивого сочетания. Как правило, перифразы подобного рода обозначают прежде всего группы деятелей культуры, искусства, моды.

Так, изобразительное искусство представлено достаточно банальными перифразами **«легендарные мастера»** и **«классики нового времени»**, которые мы причисляем к публицистическим штампам: *«В субботу в Доме ученых открылась выставка «Украинское искусство XX–XXI вв.». 137 лотов, которые уйдут с молотка 21 февраля, – это работы трех категорий. Первая – картины «легендарных мастеров» Марины Примаченко, Николая Глущенко, Сергея Шишко, Александра Шовкуненко и других мэтров. Вторая – живопись «классиков нового времени», к примеру, Бориса Егизаряна, Елены Придуваловой и Давида Тихолуза. А третья – «душевные работы молодых авторов» (Христофор Груша. «Смотрите Малевича – пока не продали!» Рубрика «Стоит сходить», – «Газета по-киевски», 2009, № 28 (1428), 16 февраля, с. 13).*

Зато новой неизбитой обобщающей перифразы удостоились мастера парикмахерского искусства: *«В Киеве в неформальной обстановке была презентована модная коллекция для пикников. К слову, оценить старания непрофессиональных дизайнеров Егоровой и Мухарского пожаловали признанные мастера ножниц Андре Тан и Алексей Залевский. Последний даже выступил в непривыч-*

ной для себя роли модели» (Екатерина Каменская. «Украинских звезд позвали на сеновал». – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», 2009, № 99 3209/246040, 12 мая, с. 21).

Не остаются без внимания и группы бизнесменов Украины, в основном миллионеры и миллиардеры, причем, как правило, они обозначаются несколькими обобщающими перифразами: *«Журнал «Фокус» опубликовал список десяти крупнейших производителей украинских продуктов. В списке всего десять имен, но каких! Есть бизнесмены, которых раньше всегда связывали главным образом с металлургией и финансами – Ринат Ахметов, Вадим Новицкий, Сергей Тарута и Игорь Коломойский. Теперь они тоже кормят страну. Причем делают это как в прямом, так и в переносном смысле, отметил журнал. «Аграрные короли» поставляют на стол соотечественников основные продукты и поддерживают на плаву всю экономику: увеличивают производство и расширяют географию экспорта, в то время как остальные отрасли переживают стагнацию»* (Дмитрий Наумов. «Кто кормит страну, или Рейтинг аграрных королей». Рубрика «Картина недели». – «Комсомольская правда в Украине», 2013, № 174/32 (4458/25853), 9–15 августа, с. 6); *«Так, известно, что первым бизнес-партнером Константина стал его сокурсник, сын главы «Укргростроя» (а позднее – глава Госкомитета по строительству и архитектуре), «пятикратного» народного депутата Украины Валерия Черепя – Сергей. Позднее он сотрудничал с известными политиками и бизнесменами: братьями Суркисами, Виктором Медведчуком, Александром Волковым и Игорем Бакаем. Приобретенные в общении с такими китами бизнеса опыт, а также связи и некоторый капитал позволили нашему герою в 1996 г. провести комбинацию века – приватизировать практически за бесценок оказавшееся в состоянии банкротства одно из стратегических предприятий Украины – Полтавский горно-обогатительный комбинат»* (Денис Зубко, Виктор Яницкий. «Вундеркинд из Днепрорудного». Рубрика «Лики олигархии». – «2000: Свобода слова», 2014, № 46 (722), 14–20 ноября, с. 2).

Достаточно редко в одном газетном контексте функционируют две обобщающие пе-

рифразы личностного характера (в данном случае – характеризующие некоторых членов Центральной избирательной комиссии): «*Эксперты, опасаясь сбиться со следа, «выясняют» новые тенденции. Президент видит новую Центральную избирательную комиссию без хорошо знакомых «лиц» и специалистов по «организации правильных выборов», многолетних своих представителей – Михаила Охендовского, Андрея Магеры, Жанны Усенко-Черной. Чем не угодили Администрации и посольству США «классики организации нужного результата» выборов, пока понять трудно. Ведь как лихо была проведена кампания избрания президента в 2014 г.! А с какой ювелирной точностью был выполнен заказ американских кураторов при подборе депутатского корпуса нынешней Верховной Рады! Как озвучили накануне в известном посольстве – такие результаты и получили! А теперь всех «кудесников бюллетеня» вон за двери и даешь «новую смену?» («Двенадцать уйдет, одиннадцать зайдет?» Рубрика «О выборах и не только». – «Рабочая газета», 2016, № 66 (15937), 10 июня, с. 1).*

Обобщающие перифразы, связанные с юриспруденцией, делятся на два основных типа. Первый их них – наименование политиков, угодивших в разное время за решетку: «*Не думаю, что саммит Украина – ЕС не оправдал ожиданий украинской власти: наши руководители на самом деле особых иллюзий по поводу данного мероприятия и не питали, демонстрируя в лучшем случае осторожный оптимизм. Конечно, украинские дипломаты также понимали, что на встрече не удастся обойти и такой острый угол, как вопрос о знаменитых заключенных – которых в Европе называют политзаключенными. Ответ достаточно очевиден: помирить Луценко и отправить Тимошенко на лечение в Европу. Такие шаги помогут продемонстрировать европейским политикам, что в стране происходят «серьезные изменения в сфере правосудия». Кроме того, возможно принятие новых законов, которые бы либерализовали Уголовный кодекс» (Вадим Довнар. «Свобода» открывает торги». Рубрика «Нам пишут и звонят». – «2000: Свобода слова», 2013, № 10 (645), 8–14 марта, с. 7).*

Следует отметить, что некоторые актуальные личностные перифразы рассматриваемого типа позиционируются как фразеологические единицы, подтверждением чему служит их словарная фиксация: «*Приоритетом для оппозиции остается борьба за освобождение ее лидеров. Имена Тимошенко и Луценко поднимают на свои знамена практически все демократические силы, но далеко не каждую реально слышат на Западе. По мнению оппозиции, от внимания европейских стран во многом зависит свобода «узников совести»* (Сергей Медведев. «Евроремонт» для Украины». Рубрика «Есть проблема». – «Комсомольская правда в Украине», 2012, № 69/13 (4063/25468), 30 марта – 5 апреля, с. 9). Ср. в словарных материалах В.М. Мокиенко «Новая русская фразеология»: «**Узник совести**. Публ. эвфем. Лицо, подвергаемое властями аресту или заключению по политическим, религиозным и т. п. мотивам; политзаключенный» [3, с. 127].

Второй тип – обобщающие личностные перифразы, обозначающие непосредственно самих юристов, совершивших неблагоприятные поступки, несовместимые с занимаемыми ими должностями: «*Под залог вышел второй фигурант дела о бриллиантовых прокурорах. Вслед за бывшим замруководителя Главного следственного управления ГПУ Владимиром Шапакиным на свободу вышел второй фигурант скандального дела о прокурорских бриллиантах и трехмиллионной взятке – экс-зампрокурора Киевской области Александр Корниец. Но в отличие от коллеги, который благодаря залогоу избежал решетки с первых дней ареста, Корнийцу пришлось провести в СИЗО три недели» (Валерия Чепурко. «Свобода ценой в миллион». Рубрика «Картина дня». – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», 2015, № 165 (5033/26428), 1 августа, с. 3).*

Основа второй продуктивной модели обобщения обобщающих личностных перифраз – количественные числительные два и три (удивительно, но личностных перифраз рассматриваемого типа с другими количественными числительными нами не зафиксировано). Эти перифразы касаются в основном действующих политиков Украины: «*Участых гостей военных госпиталей Дмитрий Яроша и Семена Семенченко (за истекившие полгода – по две ходки) пока врачи*

не обнаруживали признаков психологических расстройств. Поэтому и нет никаких врачебных противопоказаний к тому, чтобы эти два «видных деятеля Революции достоинства» могли возглавлять штаб добровольческих батальонов от националистических движений» (Виктор Толокин. «Когда плюрализму в голове тесно...» Рубрика «Здравомыслие». – «Рабочая газета», 2015, № 27 (15729), 24 февраля, с. 2).

В некоторых случаях одна обобщающая перифраза объединяет украинского политика и представителя политической элиты другой страны: «В Тбилиси действо под названием «экспорт цветной революции» совершилось раньше, чем у нас. Поэтому те, кто готовил подобный сценарий для Украины, навязчиво рекламировали опыт Грузии и ее тогда еще нового президента. Очевидно, понимали, что **Виктор Ющенко** вот так сразу выборы не выиграет. Откуда такой вот комплекс второсортности? Не исключено, причиной стала поразительная разница стартовых условий двух баловней Запада. **Саакашвили** родился в столице. Мать – профессор, дядя – дипломат. Словом – Европа! Ясно, что на таком фоне **Ющенко** с его босоногим детством в Хорунжевке выглядел безнадежным провинциалом. Но ведь это же не причина дарить грузинам вакантное после распада СССР место нашего старшего брата!» (Владимир Синеокий. «Демократия с кавказским акцентом». Рубрика «Эхо события». – «Коммунист», 2012, № 93 (1551), 23 ноября, с. 3).

Подобные перифразы функционируют и в далеких от текущей политики газетных материалах, например, в особо любимых массовым читателем спортивных материалах: «Скауты «Манчестер Юнайтед» посетили матч «Днепр» – «Динамо», чтобы оценить в действии **Ярмоленко** и **Коноплянку**. Кто еще следит за этими двумя звездными украинцами, а также на каких других игроков из наших команд могут претендовать зарубежные клубы, выясняла «Комсомолка» (Оксана Баюлова. «Большой клуб следит за тобой». Рубрика «Спорт». – «Комсомольская правда в Украине», 2014, № 247/45 (4823/26218), 6–13 ноября, с. 28).

Что касается обобщающих личностных перифраз с опорным компонентом *три*, то разнообразные переносные наименования

касаются трех политиков (очевидно, для цифровой симметрии), так или иначе постоянно присутствующих в украинской текущей политике. Разумеется, их имена и фамилии уже достаточное время практически не сходят со страниц газет Украины: «Изначально в повестку дня планировалось внести два законопроекта. Параллельно **Арсений Яценюк**, **Виталий Кличко** и **Олег Тягнибок** вчера внесли в Раду собственный законопроект и настаивают именно на его рассмотрении. Говорить на языке ультиматумов в Партии регионов не намерены. По словам заместителя главы фракции регионалов Елены Бондаренко, такие действия представителей оппозиционных фракций лишний раз подтверждают, что **трем оппозиционным «князькам»** гуманизация украинского законодательства очень невыгодна, и они будут всячески противодействовать пусть и временно, но нахождению вне колонии (больницы) экс-премьера. Более того, провластные депутаты уверены, что нельзя принимать законы под одного человека» (Елена Галаджий. «Парламентская Юлиада». Рубрика «Об этом говорят». – «Комсомольская правда в Украине», 2013, № 239/43 (4522/25917), 25–31 октября, с. 2); «Если бы нам бог дал пробную попытку подписать ассоциацию в настоящем виде, как предлагают эти **три мушкетера** с майдана, и посмотреть, чем это закончится, я бы согласился. Только с условием, что эти господа возьмут на себя всю ответственность за последствия. Но так как такой шанс на попытку нам никто не даст, придется эту ношу нести самим. **Яценюк** явно перезревает как политик, и никакой там заботой о стране и не пахнет. **Кличко** завязывает со спортом, а **Тягнибок** после успешного одурманивания простых людей у себя на вотчине легко пролез в парламент и при благоприятно складывающихся для него условиях может попасть и в руководство страной» (И. Волохов. «Украина уже проиграла». Рубрика «Нам пишут». – «2000: Свобода слова», 2013–2014, № 52 (683), 27 декабря – 2 января, с. 3); «Совершенно несопоставимыми по значимости для державы являются процесс развития национального законодательства, остановленный «стараниями» **Яценюка**, **Тягнибока**, **Кличко**, и желание данных господ воочию увидеть главу государства, чтобы высказать

ему свою позицию по тем или иным вопросам. До недавнего времени **три украинских «богатыря»**, тянувших колымагу олигархической оппозиции, утверждали, что у них нет идеологических расхождений» (Валерий Казнин. «Парламентский кризис или «оранжевый» пиар?» Рубрика «В Верховной Раде». – «Киевский вестник», 2013, № 60 (7151), 13 июня, с. 1).

Основа третьей модели образования личностных перифраз обобщающего характера – имя существительное с количественным значением. Здесь также доминируют **тройка** и **трое** вышеупомянутых действующих политиков Украины: «Буквально в последнюю минуту пришло сообщение, показывающее, что **«оппозиционная тройка»** в пылу противостояния готова выйти за последнюю грань: «Народная Рада избрала президиум в составе **Кличко, Тягнибока и Яценюка**». Об этом сообщил вице-спикер Верховной Рады Руслан Корчинский. Народной Раде еще необходимо получить легитимизацию от украинского народа» (Сергей Бурлаченко. «Шантаж». Рубрика «Майдан». – «2000», 2014, № 4 (686), 24–30 января, с. 7). Следующую обобщающую личностную перифразу рассматриваем как вариант первой: «Чем дальше, тем радикальнее становились призывы и заявления **оппозиционной тройцы**, словно пытавшейся переплюнуть в экстремизме спровоцировавших кровавое побоище боевиков «Правого сектора». Ультрарадикалы заказали музыку – **Кличко – Яценюк – Тягнибок** согласились под нее танцевать. Это все равно как если бы кто-то из уважаемых европейских политиков – желая снискать симпатии агрессивно настроенной толпы – подхватил лозунги Ле Пена или Йорга Хайдена» (Сергей Лозунько. «В отставку должны подать лидеры оппозиции». Рубрика «Горячая тема». – «2000: Держава», 2014, № 5 (687), 31 января – 6 февраля, с. 4).

Выделяется журналистами и **«судейская тройка»**, т. е. обобщающая перифраза – вторичное наименование неправедных украинских судей: «В целом последний месяц для генпрокурора действительно выдался продуктивным. В ведомстве с закатанными рукавами взяли за бывших власть имущих. Прокор случился только с тремя судьями Печерского суда (**Оксаной Царевич, Викто-**

ром Кицюком и Сергеем Вовком). После того как Шокин добился от депутатов Верховной Рады снятия неприкосновенности с **«судейской тройки»**, взять их под стражу так и не удалось» (Алла Коник. «Генеральный прокурор решил отдохнуть?» Рубрика «Отдел кадров». – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», 2015, № 54 (4923/26318), 13 марта, с. 3).

Другие модели образования подобных обобщающих перифраз личностного характера являются менее продуктивными. Они встречаются на газетных полосах значительно реже. Например, в основе такой модели находятся собирательные имена существительные: «С начала года в «2000» одно за другим появились интервью с **Сергеем Соболевым, Анатолием Гриценко и Виталием Кличко**. Слишком много чести вышеуказанным господам мелькать на полосах «2000». Кто они такие? **Гриценко** – евроатлантический выкорыш и «грантчмок» (неологизм Олега Зарубинского), **Кличко** – германский орденосец, **Соболев** – мальчик на побегушках. Что они могут сказать нового или предложить для подъема экономики? Это **политическая шпана**, которую даже на пушечный выстрел нельзя допускать во властные коридоры. Да вот еще Яценюк вообразил себя лидером нации» (В. Квас. «Рык Бешеного Апельсина». Рубрика «Нам пишут и звонят». – «2000: Свобода слова», 2013, № 29-30 (662), 18–25 июля, с. 6). Обращает на себя внимание тот факт, что теперешний мэр Киева **Виталий Кличко** находится и в этом списке...

Достаточно часто обобщающие перифразы личностного характера, сами по себе абсолютно нейтральные стилистически, помещаются в такой безвыходный газетный контекст, что автоматически приобретают негативные коннотации: «Депутаты Верховной Рады от объединения «Свобода» – **Александр Мирный и Игорь Мирошниченко** поставили на поток лоббирование интересов различных групп и частного бизнеса. В середине мая **депутатский тандем** зарегистрировал в ВР сразу 4 законопроекта, предложив разрешить ношение огнестрельного оружия адвокатам, освободить органы госсельхозинспекции Минагрополитики от судебного сбора, ввести новый налог на экспорт аграрной продукции и внести изменения

в закон об электроэнергетике» (Ярослав Дмитренко. «Свободолюбие». Рубрика «Курс». – «2000: Держава», 2014, № 24 (599), 23–29 мая, с. 4).

Приведем также пример менее эмоциональной обобщающей перифразы личностного характера подобного рода, включающей в себя семь фигурантов, в т. ч. – уже хорошо знакомого нам **Арсения Яценюка**: «Кто поехал в Карпаты, чтобы лично вручить подарки Юценко, достоверно неизвестно. По некоторым сведениям, вызвалась **«группа товарищей»** в составе олигарха и депутата ВР **Рината Ахметова**, его соратника **Бориса Колесникова**, секретаря СНБО **Раисы Богатыревой**, главы президентской канцелярии **Виктора Балоги**, руководителя Государственного управления делами при президенте **Игоря Тарасюка**, бывшего спикера ВР **Арсения Яценюка** и нардепа от НУ-НС **Вячеслава Кириленко**. Основная часть поздравлений и презентов ждет главу страны сегодня» (Оксана Богданова, Тарас Козуб. «На свой юбилей Юценко спрятался в Карпатах». Рубрика «Сообщаем подробности». – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», 2009, № 41 (3151/24546), 24 февраля, с. 3).

Подобные обобщающие перифразы личностного характера могут касаться деятелей искусств, а точнее – группы украинских певцов, объединенных единым, но отнюдь не творческим признаком: «В последний день весны **отряд звездных блондинок** решил отметить свой профессиональный праздник – Всемирный день блондинок и День защиты детей. В общем, **Ольга Горбачева** с группой «Арктика», **Ира Билык**, **Юлия Nelson**, **Stereoliza** и **Алина Гроссу** приехали в детдом «Колыбель детской надежды», где живут малыши, лишенные родительской опеки» (Андрей Соколовский. «Ирина Билык привезла детям шарики. И Деда Мороза со Снегурочкой». – «Блик», 2008, № 120 (608), 9 июня, с. 11). Аналогичный пример с некоторыми повторяющимися знаковыми именами: «Сегодня в эфир М1 возвращается обновленная программа «Гутен Морген». С 1 декабря популярное утреннее шоу будет выходить с новой командой телеведущих. На сей раз руководство канала решило привлечь **«тяжелую артиллерию»**. Теперь над проектом будут работать сразу три звездные пары

ведущих: **Настя Каменских – Потан, Ольга Горбачева (Арктика) – Кузьма (Скрябин) и Максим «Ледокол» Бахматов – Таниуська**. Новые лица программы «Гутен Морген» готовят зрителям немало сюрпризов» (Ольга Мицкевич. «Потан, Каменских и Кузьма стали ведущими утреннего шоу». Рубрика «Посмотрим!» – «Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск», 2009, № 268 (3378/24773), 1 декабря, с. 22).

Наконец, единичными являются модели образования обобщающих перифраз личностного характера, в основе которых лежит имя существительное в единственном числе: «О том, что наш **трехглавый змей оппозиции** не дружит с головой, давно известно. Этот постулат они – **Яценюк, Кличко и Тягнибок** – закрепили в общественном сознании накрепко. Но, как оказалось, нет предела совершенству» (Евгений Коротков. «Начало конца». Рубрика «Политдозор». – «Рабочая газета», 2014, № 8 (15543), 17 января, с. 1). Во множественном числе в данном случае употреблено определение, относящееся к имени существительному.

Таким образом, средства массовой информации обладают богатым арсеналом языковых средств, обновляющихся иногда в течение нескольких лет. При этом масштаб подобного обновления находится в прямой зависимости от масштабов общественных изменений.

Постоянное возникновение на страницах современных русскоязычных газет Украины фразеологических инноваций (в т. ч. и актуальных перифраз, как личностных, так и неличностных) и их новых значений, не зафиксированных соответствующими фразеологическими и ономастическими словарями, является одной из основополагающих особенностей современной публицистики Украины.

Список литературы

1. Намитокова Р.Ю., Адзинова А.А. Проблемы изучения региональной ономастики Северного Кавказа: итоги и перспективы // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 10 Международной научной конференции. Майкоп, 2016. С. 7-12.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца

- XX века: сборник статей. М., 1995. С. 144-238.
3. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
- References**
1. Namitokova R.Yu., Adzinova A.A. Problemy izucheniya regional'noy onomastiki Severnogo Kavkaza: itogi i perspektivy [Problems of regional onomastics of Northern Caucasus studies: results and prospects]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy obshchey i regional'noy onomastiki"* [Materials of 10th International Scientific Conference "Problems of general and regional onomastics"]. Maykop, 2016, pp. 7-12. (In Russian).
2. Kubryakova E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of XX century (experience of paradigm analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sbornik statey* [Language and science at the end of XX century: a collection of articles]. Moscow, 1995, pp. 144-238. (In Russian).
3. Mokienko V.M. *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian phraseology]. Opole, 2003. (In Russian).
- Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 81.373.43

THIS COMMODITIZING PLURAL (personal periphrasis with the meaning of different groups of Ukraine doers in Russian-language Ukrainian press)

Antonina Mikhaylovna GRIGORASH

National Pedagogical Dragomanov University

9 Pirogova St., Kiev, Ukraine, 01601

E-mail: rector@npu.edu.ua

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department

E-mail: inet-1@ukr.net

It is devoted to structural analysis of personal periphrasis denoting different groups of Ukrain doers and functioning in Russian-language Ukrainian press. It is highlighted that at the moment modern Russian language has got much more phraseological innovations, particularly relevant personal pariphrasis, due to periodicals, radio and TV. Many new periphrasis reflecting the new modern state of society got through the process of phrasologization from free phrases to stable motivated collocations due to their relevance for a short period of time (that is not characteristic feature for most of phrasological units of every language). The basic structural models of periphrasis formation of this type, both productive and non-productive are revealed. The language of mass media is a sphere of language innovations, the search of fresh forms and ways of linguistic expressiveness. Particularly, the newspapers present fresh relevant information from different spheres of human's activity, adress it to the general readers. It is proved, that many relevant periphrasis are included in the language of mass due to press. Personal periphrasis give an idea of popularity and need of the Ukrainian doer even though in most cases his / her popularity are of negative nature.

Key words: phraseological neologisms; mass media language; periphrasis

УДК 80

**РОЛЬ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(на материале лексических категорий, объективирующих
область «животный мир» в немецком языке)**

© Мария Андреевна ЗАХАРОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: post@tsutmb.ru

магистрант, факультет филологии и журналистики

E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Изучены роли перцептивных характеристик при образовании интерпретирующих значений лексических единиц как продукта вторичной номинации, основанной на интерпретации определенных признаков исходного концепта, стоящего за лексемой. В основе формирования интерпретирующих значений лежат процессы концептуальной деривации, которая осуществляется за счет когнитивных механизмов метафоры, метонимии, а также метафтонимии. Отмечено, что ведущая роль принадлежит когнитивному механизму метафоры. Исследование производилось на материале лексических категорий, объективирующих область «животный мир», которые в процессе интерпретирующей концептуализации развивают вторичные значения, фиксирующие знание об объектах тематической области «растительный мир» в современном немецком языке. Таким образом, областью-источником интерпретации служат животные, а областью-целью интерпретации – растения. Также представлены различные структурно-семантические модели, включающие фитонимы с компонентом зоонимом. Выявлены три основные структурно-семантические группы среди изучаемых лексем. Проанализированы интерпретирующие признаки, обеспечивающие перенос. Актуальность данного исследования определяется его теоретической базой, которая опирается на положения когнитивного подхода, что позволяет рассмотреть специфику интерпретирующей деятельности сознания человека с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур. Исследование, проведенное на материале немецкого языка, способствует пониманию того, что основные принципы, когнитивные механизмы и интерпретирующие форматы знания лексических категорий, определяющие процессы интерпретирующей концептуализации и категоризации, носят универсальный характер.

Ключевые слова: языковая интерпретация; концептуальная деривация; метафора; репрезентация мира; вторичная номинация; перцептивный формат признаков

Данная статья посвящена изучению возможности моделирования структур знания интерпретирующего характера, лежащих в основе значений лексем. В качестве эмпирического материала для исследования были выбраны немецкие композитные фитонимы, содержащие в своей структуре тот или иной зооним.

Ключевым понятием исследования является понятие интерпретации, которая, по мнению Н.Н. Болдырева, представляет собой процесс и результат субъективной репрезентации мира [1, с. 11]. Данное понятие неотделимо от понятия модусных концептов, выражающих субъективное отношение человека к миру. Их интерпретирующий характер обуславливает их вторичность и зависимость от первичного знания.

Следует определить два основных типа интерпретации: идентифицирующую и характеризующую. Под первым типом понима-

ется процесс вторичной номинации, когда происходит освоение знания в заданной языковой единице концептуальной проекции. Характеризующая интерпретация ориентирована на передачу не только фрагмента знания, но и мнения индивида относительно этого знания [2, с. 7-8]. В работе важное место отводится идентифицирующей интерпретации.

Представляется верным, что соотношение концептуально-тематических категорий основано на их аналогии по определенным их свойствам, что делает возможным использование одной лексической категории для интерпретации элементов другой [3, с. 121].

В данном исследовании в качестве методики выступало обращение к широким когнитивным контекстам энциклопедического характера, включающих также и анализ дефиниций, и выявление компонентов, определяющих интерпретирующий признак.

Очевидно, что интерпретируемые концепты типизируются в виде определенных предметных областей на основе категориальных характеристик, свойственных для идентифицирующей интерпретации. В данном исследовании межконцептуальная проекция происходит на основе перцептивных признаков разных классов растений и животных. Областью-источником интерпретации служат животные, а областью-целью интерпретации – растения.

Отметим, что актуальность исследования перцептивного формата признаков иллюстрируется статистическими данными, согласно которым из 75 исследованных фитонимов у 41 межконцептуальная проекция происходит именно по внешним признакам. Одной из задач работы является также конкретизация данных признаков, их группировка по размеру, цвету и т. д.

Далее отметим, что идентифицирующая интерпретация может обеспечиваться метонимическим или метафорическим механизмом концептуальной деривации, а также механизмом генерализации [4, с. 260]. Представляется верным, что идентифицирующая интерпретация образования фитонимов на основе зоонимической лексики обеспечивается преимущественно метафорическим механизмом концептуальной деривации. Однако в ходе исследования были выявлены также метонимический и метафтонимический механизмы.

Действие того или иного механизма тесно связано с интерпретирующими признаками формата интерпретирующего потенциала лексической категории. Л.А. Панасенко выделяет в своей диссертации форматы перцепции, функции экспериенциальных эффектов, операционального опыта, наблюдения, а также ассоциативного знания [2, с. 12].

В настоящем исследовании в основном рассматривается перцептивный формат интерпретирующих признаков. Под перцептивным признаком следует понимать признак, основанный на психическом восприятии, непосредственном отражении объективной действительности органами чувств [5].

При восприятии образов исследуемых фитонимов ведущую роль играет зрительный канал восприятия.

Следует также отметить, что особое место в процессе образования новой лексики

играют особенности словообразования в исследуемом языке. Так, для немецкого языка характерно частое словосложение, обеспечивающее создание многочисленных композитов, среди которых имеются фитонимы. Определяя структурно-семантическую классификацию исследуемых лексем, можно выделить 3 основных группы:

- 1) зооним + фитоним;
- 2) зооним + соматизм;
- 3) иная структура.

Заметим, что если в первой группе из 35 фитонимов лишь у 12 процесс межконцептуальной проекции осуществлялся по перцептивному признаку, то во второй группе работа формата перцепции наблюдается у 20 из 22. Также среди общего числа фитонимов возможно выделить группу, имеющую структуру «зооним + действие, выполняемое животным», однако в ней отсутствуют примеры проекции по перцептивному признаку.

Данные факты обусловлены тем, что включение в наименование соматизма предполагает использование внешнего образа вербализированной им части тела, т. е., например, отдельно взятая лапа животного едва ли сможет нести информацию об особенностях его поведения, среде обитания и т. п. В противоположность этому примеру, незатронутая перцептивными признаками структура «зооним + действие, выполняемое животным» предполагает перенос на основе схожего «поведения» растения и животного, практически исключая их внешний вид. Первая структура имеет наиболее обобщенный характер, что позволяет говорить о вариативности форматов признаков. Однако в процессе определения формата признаков существуют также спорные случаи, которые рассмотрены в работе.

Далее следует обратиться к исследуемому материалу. Итак, среди фитонимов структуры «зооним + фитоним» доминирующем перцептивным признаком стала форма, в числе перцептивных признаков представляется верным отметить цвет и фактуру, т. е. качество оболочки растения. Метафорический перенос на основе общего цвета или окраса осуществляется у растений *Gänseblume* (маргаритка, букв. «гусиный цветок») и *Tigerlilie* (тигровая лилия).

Отметим, что, несмотря на общий родовой перцептивный признак, по которому

происходит процесс перенесения наименования из одной когнитивной области в другую, оба растения имеют разную детализацию данного признака: у *Tigerlilie* данным признаком становится 'пестрый цвет', в то время как у *Gänseblume* – 'одноцветность'. В данном случае когнитивным механизмом становится метафора. Любопытен также тот факт, что иным мотивирующим признаком названия *Gänseblume* стало также место произрастания растения на лугах, где пасутся гуси, ввиду чего растение служило их средством питания. В данном случае перенесение признака осуществляется посредством метонимии. Но поскольку в реальности наблюдается тесное взаимодействие вышеназванных мотивационных признаков, то представляется верным говорить о механизме метафоричности относительно данного растения.

Примечателен также тот факт, что, согласно энциклопедии лекарственных растений, тигровая лилия описывается как растение с крупными, оранжевыми с темно-фиолетовыми пятнышками цветами (<http://nature.health-ua.org>). В это же время в немецкой электронной энциклопедии у растения отмечаются несколько иные цвета, а именно ярко-красный, с темными пурпурными точками (*Die Grundfarbe der Blüten ist zinnoberrot mit dunklen purpurnen Punkten*) (<https://de.wikipedia.org>). Однако ни в одном источнике нет прямого указания на сходство с тигром, что позволяет сделать вывод, что словарные дефиниции не всегда полностью отражают результаты перцептивного восприятия различных объектов окружающего мира.

В определении *маргаритки* можно обнаружить указание на белый, розовый или пурпурный цвет, зависящий от вида растения (<http://flower.onego.ru>), определение *Gänseblume* вовсе не содержит указание на цвет, однако ввиду номинации родового, а не видового понятия позволим себе предположить, что сравнение по месту обитания и играет решающую роль в номинации растения.

Пестрый окрас учитывается также при номинации фитонима *Affenblume* (губастик, букв. «обезьяний цветок»), поскольку пестрота в немецкой языковой картине мира часто имеет связи с образом обезьяны (ср. *geputzt wie ein Affe* – слишком пестро одетый) (<http://translate.academic.ru>). Данный факт, возможно, обусловлен метафорическим пе-

реносом из области 'яркий, заметный цвет' в область 'вызывающее, заметное поведение' (рис. 1). Однако в данном случае наблюдается синкретизация идентифицирующих признаков перцептивного и формата наблюдения.

Фактура и частично цвет определяют также название *Kätzchenweide* (верба, букв. «кошачья ива»), поскольку пушистые беленькие почки вербы напоминают маленького котеночка. Также в номинации *Alligatorbirne* (авокадо, букв. «груша аллигатора») наблюдается установление сходной фактуры панциря крокодила и растения. А названия *Igelföhre* (сосна приморская) и *Igelkaktus* (эхинокактус) имеют спорное определение перцептивного признака, приближенного как к фактуре, так и к форме ежа.

Любопытно название *Adlerfarn* (орляк), поскольку перенос признака животного происходит опосредованно. Сосудистые пучки в корневище расположены так, что на поперечном разрезе представляют подобие государственного орла (<http://karpolya.ru>). Неоднозначно можно определить перцептивное восприятие, мотивирующее названия *Aalbaum* (жимолость, букв. «дерево угря») и *Schlangenknoeterich* (горец змеиный), поскольку феномен S-образной формы (<http://www.natur-lexikon.com>) животного, являющегося областью, источником, можно интерпретировать как его форму, а также как особенность конфигурации животного (под S-образной формой понимается соответствующая пространственная конфигурация, которую тело животного принимает в отдельные моменты движения и напоминает форму буквы «S»).

Однозначную роль играет форма при номинации *Hirschschwamm* (рогатик, букв. «оленья губка») ввиду очевидного сходства с формой оленьих рогов. Отметим также, что форма стала мотивирующим признаком и у названия этого растения в русском языке.



Рис. 1.

Рассматривая подробнее вторую группу композитов, следует отметить, что здесь практически единственным перцептивным признаком стала форма, поскольку выделение цвета или фактуры отдельной части тела животного представляется маловероятным. Среди частей тела животного, образующих вторую часть композита, особое внимание заслуживают названия с частями Fuß (стопа), Huf (копыто), Pfötchen (лапка). При этом самым частотным становится сравнение с лапой животного листа растения (Bärenfuß (остролист) (www.freegarden.ru), Gänsefuß (марь) [6, S. 332], Eselhuf (мать-и-мачеха) [7, S. 851], Hahnenfuß (лютик) [8, с. 52]). Сравнение с плодами обнаруживает название Vogelfuß (сераделла), форма стручков которого имеют внешнее сходство с птичьими лапками (<https://de.wikipedia.org>). Растение Katzenpfötchen (кошачья лапка) названо из-за нежных бархатистых головок, схожих внешне с кошачьими лапками [8, с. 53]. А название Elefantenfuß (бокаря отогнутая) обнаруживает сопоставление ствола растения со слоновой ногой (<http://www.zuhause.de>).

Среди иных соматизмов были также отмечены Horn (рог), Bart (борода), Schwanz (хвост), Kopf (голова), Maul (пасть), Zunge (язык), Ohr (ухо), Kropf (зоб) и Lippe (губа). Любопытно, что пажитник сенной (лат. *Trigonella foenum-graecum*) имеет в немецком языке два схожих названия: Bockshornklee и Kuhhornklee. Поскольку удлиненная форма бобов напоминает рога, то в качестве области источника метафорического названия в одном случае стали рога коровы, а в другом – рога козла.

Представляется интересным тот факт, что некоторые названия имеют схожие языковые единицы в разных языках. Так, немецкое название Bockbart (букв. «козлиная борода») соответствует русскому «козлобородник», при этом научное название рода также происходит от др.-греч. *τράγος* (tragos) – козел и *πώγων* (pogon) – борода – отцветшая корзинка с недозрелыми плодами похожа на козлиную бороду [9, с. 591]. Очевидное сходство прослеживается в названиях Igelkopf и ежеголовник, названных таким образом ввиду того, что плоды собраны в плотные, почти шаровидные головки, напоминающие ежа [8, с. 52].

Также немецкий фитоним Löwenmaul (букв. «львиная пасть») имеет сходный русский эквивалент «львиный зев», хотя внешний вид растения не дает прямую отсылку именно на львиную пасть как на область-источник. В качестве мотивационного признака номинации данного фитонима может стать относительно большой размер цветка, соотносимый с крупным размером самого животного, длина которого может составлять до 2,5 метра [10].

Немецкое название Schweinsohr (белокрыльник, букв. «свиное ухо») вновь основано на сопоставлении формы растения с формой уха свиньи, при этом русский эквивалент в качестве мотивационного признака использует цвет. Несколько неоднозначным представляется мотивационный признак номинации растения Fuchsschwanz (амарат), соцветия которого внешне схожи с хвостом животного, однако имеют ярко-малиновую окраску, которая, возможно, стала причиной именования растения именно «лисий» хвостом.

Отметим также название Ziegenlippe (моховик зеленый), которое сравнивается с козьей губой по своим «бархатисто-мягкой консистенции и цвету» (<http://tintling.com>). Очевидно, что в данном случае отсутствует сопоставление по форме.

Рассмотрим далее группу с иной структурой, которая приближается в большинстве случаев к структуре «зооним + неодушевленный предмет». При этом диапазон тематики данных предметов весьма широк. Наиболее частотными первыми компонентами стали зоонимы Igel (еж) и Vogel (птица). Так, было обнаружено 3 фитонима – Igellock (роголистник), Igelpolster (акантолимон), Igelsame (липучка). Все эти растения имеют отличительной чертой колючки, однако вторые части композитов переводятся по-разному, а именно «приманка», «покрытие», «семья».

Среди фитонимов с элементом Vogel были обнаружены Vogelmiere (звездчатка средняя, лат. *Stellariamedia*), Vogelmilch (птицемлечник, лат. *Ornithogalum*) и Vogel-Nestwurz (гнездовка, лат. *Neottianidus-avis*). Представляется интересным тот факт, что последние названия имеют совпадающие эквиваленты в латинском и русском языках, что подчеркивает мотивацию номинации. Например, фитоним Vogelmilch определен

окраской цветов, что также отражено в латинском и русском языках. Любопытен тот факт, что в английском языке название растению дано из-за звездообразных цветов и звучит как “Star of Bethlehem” (Звезды Вифлеема) (<https://ru.wikipedia.org>). Также название растения Vogel-Netzwurz (букв. «корень птичьего гнезда») мотивировано формой корневища, напоминающей птичье гнездо (<https://de.wikipedia.org>).

Наиболее затемненным остается мотивационный признак номинации фитонима Vogelmiere. Если названия на русском и на латинском детерминированы наличием беленьких цветов у растения, напоминающих звезды (<https://landkraeuter.wordpress.com>), то лексема Miere отсутствует в современном немецком языке и, возможно, не связана этимологически с понятием ‘звезда’.

В противоположность последнему, весьма прозрачную мотивацию названия имеет фитоним Froschlöffel (частуха), поскольку листья растения напоминают по форме ложки, а ареалом обитания растения стало место у речной воды, где, конечно, и обитают лягушки (<http://www.botanikus.de>).

На периферии с предыдущей структурно-семантической группой обнаруживается фитоним Wolfstrapp (зюзник), который буквально переводится на русский язык как «волчий трап». Название происходит от формы листьев, напоминающих волчий отпечаток. Этот же мотивационный признак лег в основу номинации фитонимов в латинском и греческом языках. Однако в народе растение называют Uferwolfsfuß, Wasserandorn или Sumpfindorn ввиду частого произрастания около водных объектов (<http://ptaforum.pharmazeutische-zeitung.de>).

Очень важным является также и тот факт, что формат перцепции может органично сочетаться с иными форматами интерпретирующих признаков.

Для подтверждения данного утверждения рассмотрим фитоним Schwalbenwurz (ластовень). Если его латинское название Vincetoxicum происходит от двух корней “vincere” (побеждать) und “toxicum” (яд) и значит растение, действующее как противоядие, то немецкое название представляет собой метафорический перенос: летающие семена с пушком напоминают полет ласточки (<https://de.wikipedia.org>). Пушок на семенах

выступает в качестве перцептивного признака интерпретации, однако сходство в траектории, скорости и иных особенностей полета ласточки и семян растения затрагивает уже формат наблюдения.

Таким образом, изучение немецких фитонимов с компонентами зоонимами представляет особый научный интерес, поскольку зоонимы способны отражать представления носителей данного языкового коллектива об окружающем мире, что обуславливает установление межконцептуальных проекций взаимодействия двух концептуальных областей – флоры и фауны. Были выявлены три основные структурно-семантические группы среди фитонимов с компонентом зоонимом: зооним + фитоним, зооним + соматизм и фитонимы иной структуры. В числе интерпретирующих признаков, обеспечивающих перенос, в первой группе представляется верным выделить форму, цвет, а также фактуру. Перцептивный признак формы выступил фактором мотивации фитонимов второй группы. Третья группа, имеющая вторым компонентом неодушевленный предмет, является собой набор разнообразных мотивационных признаков номинации фитонимов.

Также было выявлено, что в качестве когнитивных механизмов, способствующих переносу интерпретирующих признаков, можно выделить метафору, метонимию и метафтонимию, при этом метафора имеет наибольшее значение.

Список литературы

1. *Болдырев Н.Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 1 (93). С. 9-16.
2. *Панасенко Л.А.* Интерпретирующий потенциал лексических категорий: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014. 35 с.
3. *Болдырев Н.Н.* Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 118-121.
4. *Панасенко Л.А.* Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «птицы» в английском языке) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 4 (108). С. 257-264.

5. Гамезо М.В. Словарь по педагогической психологии. М., 2001. 413 с.
6. Sauerhoff F. *Pflanzennamen im Vergleich: Studien zur Benennungstheorie und Etymologie*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. 432 s.
7. Marzell H., Paul H. *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen IV*. Stuttgart; Wiesbaden, 1979. 516 s.
8. Каримова Р.Х. Структурно-семантическая характеристика сложных слов с компонентом-зоонимом (на материале немецкого языка) // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2012. С. 49-54.
9. Животные и растения. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1248 с.
10. Nowak R.M. *Walker's Mammals of the World*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

References

1. Boldyrev N.N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The role of an interpretative function in linguistic category formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 1 (93), pp. 9-16. (In Russian).
2. Panasenکو L.A. *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy*. [Interpretative potential of lexical categories]. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Tambov, 2014. 35 p. (In Russian).
3. Boldyrev N.N. Rol' kognitivnogo konteksta v interpretatsii mira i znaniy o mire [The role of cognitive context in world interpretation and the world knowledge]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 6 (335), pp. 118-121. (In Russian).
4. Panasenکو L.A. Problema modelirovaniya interpretiruyushchego potentsiala leksicheskikh kate-

- goriy (na materiale kategorii "ptitsy" v angliyskom yazyke) [Problem of modeling of interpretative potential of lexical categories on the basis of category "bird" in English language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 4 (108), pp. 257-264. (In Russian).
5. Gamezo M.V. *Slovar' po pedagogicheskoy psikhologii* [Pedagogic psychology dictionary]. Moscow, 2001. 413 p. (In Russian).
6. Sauerhoff F. *Pflanzennamen im Vergleich: Studien zur Benennungstheorie und Etymologie* [The names of plants in comparison: the study of nomination and etymology theory]. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2001. 432 s. (In German).
7. Marzell H., Paul H. *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen IV* [The dictionary of names of plants in Germany 4]. Stuttgart, Wiesbaden, 1979. (In German).
8. Karimova R.Kh. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika slozhnykh slov s komponentom-zoonimom (na materiale nemetskogo yazyka)* [Structural and semantic characteristics of compounds with zoonym components (based on materials of German language)]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennye paradigmy lingvisticheskikh issledovaniy: metody i podkhody"* [Digest of materials from International research and application conference "Modern paradigms of linguistic investigations: methods and approaches"]. Sterlitamak, 2012, pp. 49-54. (In Russian).
9. *Zhivotnye i rasteniya. Illyustrirovannyi entsiklopedicheskiy slovar'* [Animals and plants. Encyclopedic dictionary with illustrations]. Moscow, EksmoPubl., 2007. 1248 p. (In Russian).
10. Nowak R.M. *Walker's Mammals of the World*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1999.

Поступила в редакцию 28.06.2016 г.
Received 28 June 2016

UDC 80

THE ROLE OF PERCEPTIVE CHARACTERISTICS IN IDENTIFYING INTERPRETATION (basing on the material of lexical categories, objectifying the sphere "animal world" in German language)

Mariya Andreevna ZAKHAROVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsional'naya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: post@tsutmb.ru

Master's Degree Student, Philology and Journalism Faculty

E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

The role of perceptual characteristics in the process of interpretive meanings of lexical units formation as the result of secondary nomination that is based on the interpretation of certain properties of the source concept represented by lexical units is studied. The formation of interpretive meanings is based on conceptual derivation enabled by the cognitive mechanisms of metaphor, metonymy and metaphonymy. It is noted that metaphor has the leading role. The research is made on the material of lexical categories representing the domain "animal world" and developing the secondary meanings in the process of interpretation. These meanings fix the knowledge about objects in the domain "plant world" in modern German. Therefore, the source domain of interpretation is animals and the target domain is plants. In this research certain structural-semantic models are shown, which include fitonyms with a zoonym component. In this respect the lexical units under study are classed into three basic structural-semantic groups. An analysis of interpretive properties, which enable inter-conceptual projections is given. The urgency of this research is determined by its theoretical prerequisites based on the principles of cognitive approach. This fact allows dealing with specificity of interpretive activity of human's mind in the view of mental and language structures relation. The research made on German contributes to our understanding of the universal character of the basic principles, cognitive mechanisms and interpretive formats of knowledge of lexical categories determining the processes of interpretive conceptualization and categorization.

Key words: language interpretation; conceptual derivation; metaphor; representation of world; secondary nomination; perceptual format of properties

УДК 81'33

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА, ОПИСЫВАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ ЦВЕТОВЫХ СРАВНЕНИЙ

© **Майя Евгеньевна ПРОХОРОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: post@tsutmb.ru

кандидат филологических наук, старший преподаватель

E-mail: may_tmb@mail.ru

Рассмотрены языковые и когнитивные механизмы формирования смыслов при описании человека посредством цветowych сравнений на материале русского, английского и французского языков. Сравнение исследуется как механизм взаимодействия концепта объекта сравнения и концепта репрезентанта цвета, результатом которого является новое содержательное наполнение первого, не выраженное эксплицитно в сравнительной конструкции. Проанализированы основания привлечения объектов и явлений в качестве репрезентантов определенного цветового признака, и приводится схема прототипической категории репрезентантов цвета. Приведены художественные контексты, иллюстрирующие описание объективных и оценочных характеристик человека посредством сравнений. Определены механизмы их языкового выражения и когнитивные основания их актуализации при косвенном выражении. Обоснована аналогическая связь между особенностями внешнего облика человека и объектами, выбранными для репрезентации их цветовых оттенков, на когнитивном уровне. Описан ряд функций цветowych сравнений, таких как: характеристика внешности человека на основе цветового оттенка; интенсификация цветового признака внешности человека; характеристика человека на основе цвета как результата воздействия; характеристика дополнительных параметров внешности человека; оценочная характеристика особенностей внешности и физического или эмоционального состояния человека; оценка внутренних качеств человека. Выявлены такие типы оценки репрезентантов цвета, как общая, сенсорно-вкусовая, эстетическая, этическая, эмоциональная, утилитарная, нормативная.

Ключевые слова: языковые и когнитивные механизмы; концептуальный анализ; оценочная категоризация; цветowych сравнения; репрезентант цвета; прототипическая категория; экспликация; импликация; объективные и оценочные характеристики

На современном этапе большое внимание уделяется проблеме изучения базовых когнитивных сфер и средств их языковой репрезентации, в т. ч. антропоцентрической сферы и сферы восприятия и интерпретации цвета [1]. Сравнение с объектами и явлениями окружающей действительности является одним из основных способов концептуализации и категоризации действительности, в связи с чем особую значимость приобретает изучение сравнительных словосочетаний как языкового средства репрезентации результатов данного когнитивного процесса [2; 3].

Целью данного исследования является изучение специфики содержания концептуальной области «цветowych особенности внешности человека» как объекта описания и оценочной интерпретации в языке. О значимости и перспективах развития концептуального анализа см. [4]. Материалом исследования выступают русские, английские и французские цветowych сравнения.

Цветowych сравнения используются при описании природных особенностей внешности людей (постоянный признак) либо внешних сигналов физического или психологического состояния человека (переменный признак). Являясь природной особенностью или внешним сигналом важных внутренних изменений, цвет оценивается положительно или отрицательно [5]. Критерии оценки цвета и той сущности, атрибутом которой он является (внешние данные, физическое и эмоциональное состояние), выделены в соответствии с классификацией оценочных значений Н.Д. Арутюновой [6]. Цвет как составляющая индивидуального облика человека, как правило, оценивается с позиции эстетики, а как сигнал физического или психологического состояния человека – с точки зрения нормы. Кроме того, он может быть объектом эмоционального отношения субъекта оценки как вызывающий приятие или неприятие, или оцениваться по общеоценочному критерию как хороший или плохой в целом.

В основе описания человека через сопоставление с другими объектами лежит когнитивный механизм сравнения. Вслед за Н.Н. Болдыревым мы рассматриваем сравнительные словосочетания, с одной стороны, как средства описания цветовых признаков объектов, не получивших в языке конвенциональных названий (*белый как слоновая кость, red as fire, noir comme l'aile d'un corbeau*), а, с другой стороны, как способ сообщения не выраженной эксплицитно дополнительной информации об объекте сравнения. Реализация первой функции обеспечивается привлечением в качестве репрезентантов цвета объектов отличительных цветовых оттенков (*слоновая кость, огонь, оперение ворона*). Вторая функция подразумевает активизацию дополнительных объективных или оценочных характеристик объекта сравнения под воздействием типичных или потенциальных характеристик репрезентанта цвета [7; 8]. Например, сравнение *красный как самовар* помимо собственно цветового признака имплицитно говорит о лоске, горяченности, полноте, *красный как индюк* (*red as a turkey cock, rouge comme un coq (d'Inde)*) о высокомерии, напыщенности, а *красный как роза* (*red as a rose*) о красоте и женственности. Взаимодействие концептов объекта сравнения и репрезентанта цвета схематично изображено на рис. 1.

Данный механизм позволяет понять, как концепт объекта сравнения получает новое содержательное наполнение, и читатель выводит дополнительную, не выраженную в

сравнительной конструкции информацию об объекте сравнения.

Анализ устойчивых и индивидуально-авторских цветовых сравнений, использующихся для описания человека, позволяет определить предметные области объектов и явлений, выполняющих в русском, английском и французском языках функцию репрезентации знаний о цвете. К ним относятся предметы и явления живой природы, артефакты, человек, библейские персонажи и вымышленные существа, а также абстрактные понятия. Наличие элементов всех этих категорий в трех языках позволяет нам говорить об универсальности данных областей как источников репрезентантов цвета.

Были проанализированы основания привлечения объектов в качестве репрезентантов определенного цветового признака [9] и построена схема прототипической категории репрезентантов цвета (рис. 2).

Позиция элементов данной категории определялась по степени присущности цветового признака объекту. К ядру категории были отнесены объекты, цвет которых является для них сущностным признаком: например, кровь в категории репрезентантов красного цвета. К центру категории отнесены объекты, цвет которых является характерным типичным признаком, например, рак или омар в категории репрезентантов красного цвета. К ближней периферии отнесены объекты, цвет которых является вероятным признаком, например, яблоко (*vert comme une pomme*) в категории репрезентантов зеленого

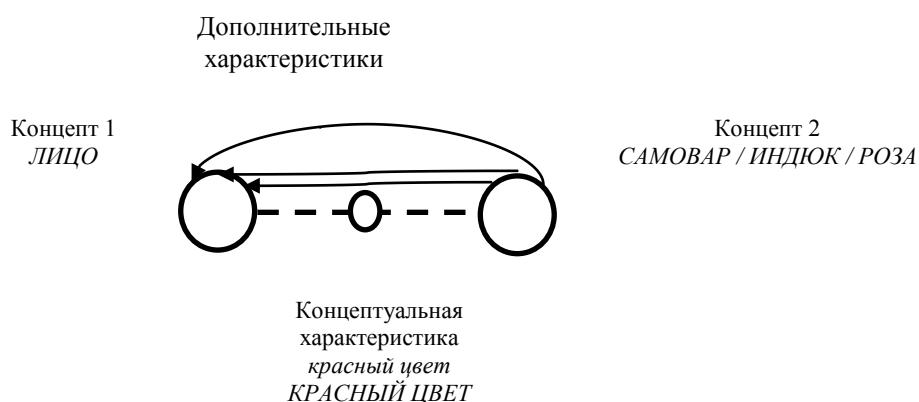


Рис. 1. Взаимодействие концептов объекта сравнения и репрезентанта цвета



Рис. 2. Схема прототипической категории репрезентантов цвета

цвета. На дальней периферии расположены объекты, цвет которым приписан на основании метонимического переноса, например, индюк в категории репрезентантов красного цвета или смерть (белый как смерть) в категории репрезентантов белого цвета. Непрототипичность членов категории репрезентантов цвета свидетельствует об их способности передавать дополнительную информацию об объекте сравнения, что обеспечивается активизацией других более существенных, чем цвет, признаков этих объектов и их проекцией на концепт объекта сравнения [10].

В ходе исследования художественных контекстов был выявлен ряд функций цветовых сравнений, реализуемых при характеристике человека.

Первой функцией является характеристика внешнего облика человека на основе цветового оттенка, которая базируется на представлении о реальном цветовом признаке объекта-репрезентанта цвета, закрепленном в сознании говорящих как отличительный по тону или степени интенсивности, и проекции данных знаний на концепт внешности человека. Если возможный оттенок детали внешности человека объективно близок типичному оттенку репрезентанта, сравнение выполняет функцию уточнения:

(1) ...вертялый дворový мальчик с белыми, как лен, волосами... (Григорович Д.В. Переселенцы);

(2) Ben was brown as mahogany from the sun (Long J. Year Zero);

(3) Ajoutez un cou blanc comme l'ivoire... (About E. Les Mariages de Paris).

Отличительные оттенки репрезентантов цвета закреплены системно льняной – «напоминающий цветом волокна льна; белый с желтоватым оттенком» [11, с. 36]; mahogany adj. – “a rich reddish-brown color like that of mahogany wood” [12]; ivoire – “matière fine, résistante, d’un blanc laiteux...” [13, p. 1037].

Если оттенок репрезентанта цвета характеризуется высокой степенью интенсивности или деталь внешности человека объективно не может достигать степени интенсивности его оттенка, сравнение способствует интенсификации цвета детали внешности:

(4) Николаас никогда не видел, чтобы человек моментально делался белым как мед... (Акунин Б. Алтын-Толобас);

(5) ...the cook told me one of his mates had just gone down with gas from last night. And the S.M. [sergeant-major. – М. П.] looks as green as grass (Aldington R. Death of a Hero);

(6) On ne voyait, de cette face jaune comme du safran et dévastée par la fièvre... (Sand G. Le meunier d'Angibault).

Другой функцией является характеристика человека на основе цвета как результата воздействия объективных или внутренних факторов, способствует выбору репрезентантов, цветовой признак которых имеет аналогичное происхождение и проявляется при воздействии на объект:

(7) Пекли свёклу в печурках. И без того смуглые, волосом темные, казахи сделались

черны, что головешки (Астафьев В. Прокляты и убиты);

(8) *And, after being out in the sunshine with the children most of the day, she'd lost her pale, city complexion, becoming as brown as a berry and looking much younger* (British National Corpus);

(9) *Il [le commandant] me regarde, fier comme Artaban, ouvre la letter, la lit, devant rouge comme une écrevisse* (Sue E. Les Mystères de Paris).

Третьей функцией цветовых сравнений является передача дополнительных объективных признаков внешности человека параллельно с цветом. Среди таких признаков выделяются: блеск, форма, величина, текстура, тактильно воспринимаемые свойства, тепловое состояние организма, статика и динамика.

Дополнительные характеристики внешности человека могут получать прямое выражение и / или передаваться посредством цветовых сравнений косвенно. При прямом выражении дополнительные характеристики внешности человека эксплицируются с помощью определенных языковых средств за пределами сравнительной конструкции (10, 11) или в рамках сравнительной конструкции (12).

(10) *...принимая из коричневой, как половина копченой курицы, ручки аборигена грязный документ...* (Славникова О. Бессмертный...);

(11) *Moreover, he was chuckling and making humorous observations to Fleury in Hindustani, his eyes gleaming as black as anthracite...* (British National Corpus);

(12) *...c'était un jeune homme ...aux joues roses et veloutées comme une pêche en automne* (Dumas A. Les Trois Mousquetaires).

Как показывают примеры, характеристика нецветовых особенностей внешности осуществляется с помощью различных языковых механизмов: средств морфологии *ручки* (10), синтаксиса *gleaming* (11), *veloutées* (12). Опора на репрезентант цвета, как носителя аналогичных нецветовых признаков, способствует образному представлению дополнительных характеристик человека: ср. *ручища* – «большая величина»; антрацит – «блеск»; спелый персик – «текстура».

Косвенный способ выражения дополнительных характеристик внешности человека

подразумевает их активизацию сравнением под влиянием отдельных характеристик объектов-репрезентантов цвета при отсутствии прямых языковых средств их экспликации. Характеристики объектов-репрезентантов цвета могут при этом быть выражены имплицитно (13–15), эксплицитно (16–17) или косвенно (18):

(13) *Желтые, как бивни, усы старика...* (Славникова О. Стрекоза...);

(14) *...this boy looked almost pure Indian – hair black as boot polish, with eyes to match* (Capote T. In Cold Blood);

(15) *Et les viandes de fumer et les vins de pleuvoir dans les gosiers. Ulenspiegel et le landgrave étant tous deux rouges comme braise...* (de Coster Ch. La légende...);

(16) *У них были совершенно одинаковые глаза – зеленые, как крыжовины, в светлых ресницах* (Токарева В. Гималайский медведь);

(17) *Il n'avait de repos ni nuit ni jour, il était devenu jaune comme un vieux citron; sa peau, pareille à un parchemin semblait adhérer à ses os...* (Dumas A. Le Lièvre de mon grand-père);

(18) *It [her hair] was long, almost to her waist, and white, blue-white like strands of glistening satin* (Robbins H. The Carpetbaggers).

В примерах (13–15) нецветовые признаки репрезентантов цвета активизируются в памяти без использования дополнительных языковых средств, поскольку являются типичными характеристиками соответствующих концептов: *бивни* – «размер и форма», *boot polish* – «блеск», *braise* – «повышенная температура», *крыжовины* – «величина», *vieux citron* – «текстура», *glistening satin* – «блеск». Пример (16) иллюстрирует морфологический способ выражения признака, а пример (17) – синтаксический. Косвенное выражение дополнительного признака репрезентанта цвета в (18) осуществляется через характеристику объекта, связанного с репрезентантом цвета метонимически.

Выявленная в ходе исследования оценочная функция цветовых сравнений опосредована идиоматическим характером этих словосочетаний. В описаниях посредством цветовых сравнений человек подвергается общей, эстетической, нормативной и эмоциональной оценке. В качестве непосредственного объекта оценки выступает цветовой

признак, деталь внешности, внешность или состояние человека в целом.

Оценка внешности человека может получать прямое выражение или передаваться только посредством цветowych сравнений, т. е. косвенно. При этом оценка объекта сравнения определяет выбор репрезентанта цвета, характер оценки которого согласуется с характером оценки объекта сравнения: Нами выявлены такие типы оценки репрезентантов как общая, сенсорно-вкусовая, эстетическая, этическая, эмоциональная, утилитарная, нормативная.

В случае прямого выражения оценочные характеристики внешности человека передаются с помощью определенных языковых средств как за пределами сравнительной конструкции (19, 20), так и в ее структуре (21).

(19) *То вспыхнет личико у ней, То белое, как сливки* (Некрасов Н. Горе старого Наума);

(20) *And waving her hand, white as a lily and fine as a fairy's, she vanished within the porch...* (Brontë Ch. Shirley);

(21) *Et puis, autour de toi il y avait trois femmes: une était noire, l'autre était blanche et belle comme la lune et la troisième était vieille et laide* (Fichiers, Nod nosfe).

Примеры показывают, что прямое выражение оценки объекта сравнения осуществляется при использовании таких типов языковых механизмов, как морфологический *личико* (19), фразеологический *fine as a fairy's* (20) и синтаксический *belle* (21). Пример 21 иллюстрирует экспликацию аналогии оценочной характеристики сопоставляемых объектов. Характер оценки объекта сравнения согласуется с характером оценки репрезентанта цвета: сливки (+) «утилитарная оценка», лилия (+) (эстетическая оценка), луна (+) (эстетическая оценка).

Косвенная оценка человека посредством цветowych сравнений подразумевает отсутствие средств прямой экспликации оценочной характеристики объекта сравнения в контексте и активизацию данной характеристики под влиянием оценки репрезентанта цвета. При этом оценка репрезентанта цвета не является целью говорящего, она способствует актуализации аналогичного характера оценки объекта сравнения.

Оценочные характеристики объектов-репрезентантов цвета могут получать имплицитное выражение (22–24), эксплицитное

выражение (25–26) или косвенное выражение (27):

(22) *Рядом с нею стоял старик, совершенно сказочный: коричневый как пряник, с белой сахарной бородой* (Грекова И. На испытаниях);

(23) *Aringarosa was smiling. "Indeed, Noah of the Ark. An albino. Like you, he had skin white like an angel"* (Brown D. The Da Vinci Code);

(24) *Blanc comme un mort, il [le maire] vient se mettre avec tout le monde sur la place. Il tremble tellement des lèvres et mains qu'il ne sait pas nous en dire une...* (Stil A. Le Premier choc);

(25) *Глаза у нее синие, как цветочки, и смотрела она до слез доверчиво* (Шукшин В. Ваш сын и брат);

(26) *...her lips were red as the precious coral and fragrant as the flower of Lasubon...* (Rafy Mrs., Khasi Folk Tales);

(27) *Ses yeux sont bleus, bleus comme le ciel du Poitou un jour d'été, de bel été* (Blanche et Lucie).

Имплицитно выраженная оценка репрезентанта, не требующая отдельной объективации, выявляется на основании общепринятой оценочной категоризации объектов подобного рода: пряник (+) «положительная сенсорно-вкусовая оценка»; ангел (+) «положительная этическая оценка»; смерть (–) «отрицательная нормативная оценка». Прямое выражение оценки объекта сравнения осуществляется при использовании таких типов языковых механизмов, как морфологический (25) и синтаксический (26). В (27) прилагательное *beau* объективирует положительную эстетическую оценку объекта (été), связанного с репрезентантом цвета *le ciel* метонимически. Косвенная оценка репрезентантов цвета проецируется на детали внешности человека, активизируя аналогичный характер оценки.

Проведенный анализ также выявил примеры оценочной категоризации внутренних характеристик человека посредством цветowych сравнительных словосочетаний: интеллектуальных способностей (28), жизненного опыта (29), морального облика человека (30) и др.

(28) *«Серый ты, Альбертович, как сибирский валенок. Молчал бы лучше...»* (Беляев В. Реинкарнация старых товарищей);

(29) *Mother, without consulting me, has invited a poor and poky cousin of ours to spend the holidays with us also. He is from the West, green as a gooseberry, and, what's far worse, he's studying for the ministry...* (Roe E.P. Jest to Earnest);

(30) *Tomaso refusa, me dit qu'il était sûr de son affaire, que l'avocat Barricini l'avait recommandé à tous les juges, qu'il sortirait de là blanc comme neige et avec de l'argent en poche* (Mérimee P. Colombo).

В основе категоризации внутренних характеристик человека посредством цветовых сравнений лежит активизация переносных значений цветоименований в их основании: *серый* – перен. малокультурный, необразованный *С. человек* [14, с. 583], *green* – lacking experience, not mature or wise [15, p. 521], *blanc* – «qui n'est pas souillé, coupable... Immaculé, innocent» [13, p. 189].

Таким образом, проведенный концептуальный и контекстуальный анализ сравнений подтверждает гипотезу о том, что цвет служит основой сравнения человека с определенным объектом или явлением с целью его дополнительной характеристики. Использование полученных результатов представляется перспективным для дальнейшего изучения процессов концептуализации и категоризации различных свойств объектов посредством сравнительных словосочетаний.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.
2. Гольдберг В.Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 71-80.
3. Прохорова М.Е., Болдырев Н.Н. Характеристика человека посредством цветовых сравнений: когнитивный аспект. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 251 с.
4. Болдырев Н.Н. Перспективы развития концептуального анализа // Языковая личность в контексте времени: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2010. С. 14-17.
5. Прохорова М.Е. Цветовые сравнения как средство описания облика человека и его оценки // Вестник Тамбовского университета.

Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 218-223.

6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку. Посвящается Елене Самойловне Кубряковой. М., 2002. С. 103-114.
8. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.
9. Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 15 с.
10. Прохорова М.Е. Проблема категоризации репрезентантов признаков в сравнениях // Lingua Mobilis. 2012. № 3 (36). С. 90-99.
11. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. 512 с.
12. Электронный словарь New Oxford American Dictionary, Oxford American Dictionary (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3). Oxford: Oxford University Press, 2005. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
13. Petit Robert. Dictionnaire de la langue française / ed. by Paul Robert. P.: le Robert – 107, avenue Permentier, 1985.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 750 с.
15. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by J. Crowther. Oxford: Oxford University Press, 1995. 1428 p.

References

1. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh, kategoriakh [Antropocentric nature of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1 (42), pp. 5-12. (In Russian).
2. Gol'dberg V.B. Komparativnye slovosochetaniya i komparativnaya kategorizatsiya kak otrazhenie poznaniya [Comparative combinations and comparative categorization as reflection of cognition]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2007, no. 4, pp. 71-80. (In Russian).
3. Prokhorova M.E., Boldyrev N.N. *Kharakteristika cheloveka posredstvom tsvetovykh sravneniy: kognitivnyy aspekt* [A human characteristics by means of colour comparisons: a cognitive aspect]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 251 p. (In Russian).
4. Boldyrev N.N. Perspektivy razvitiya kontseptual'nogo analiza [Prospects of concept analysis development.]. *Sbornik materialov Mezhduna-*

- rodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Yazykovaya lichnost' v kontekste vremeni"* [A digest of International scientific-practical conference "Language personality in time context"]. 2010, pp. 14-17. (In Russian).
5. Prokhorova, M.E. Tsvetovye sravneniya kak sredstvo opisaniya oblika cheloveka i ego otsenki [Color similes as means of human face description and evaluation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 218-223. (In Russian).
 6. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human's world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
 7. Boldyrev N.N. Struktura i printsipy formirovaniya otsennochnykh kategoriy. [Structure and principles of evaluative category formation] *S lyubov'yu k yazyku. Posvyashchaetsya Elene Samoylovne Kubryakovoy* [With love to language. Devoted to Elena Samoylovna Kubryakova]. Moscow, 2002, pp. 103-114. (In Russian).
 8. Boldyrev N.N. Reprezentatsiya znaniy v sisteme yazyka [Knowledge representation in the system of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiky – Issues of Cognitive Linguistics*, 2007, no. 4, pp. 17-27. (In Russian).
 9. Dmitrieva N.V. *Rol' priznaka v vybore etalona sravneniya (na materiale ad"ektivnykh sravneniy angliyskogo i russkogo yazykov)* [The role of characteristics in comparison standard (basing on the material of adjectival comparison of English and Russian languages)]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tver, 2000. 15 p. (In Russian).
 10. Prokhorova M.E. Problema kategorizatsii reprezentantov priznakov v sravneniyakh [Problem of categorization of representative characteristics in comparisons]. *Lingua Mobilis*, 2012, no. 3 (36), pp. 90-99. (In Russian).
 11. Gorbachevich K.S. *Russkiy sinonimicheskiy slovar'* [Russian dictionary of synonyms]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies RAS Publ., 1996. 512 p. (In Russian).
 12. *Electronic dictionary New Oxford American Dictionary, Oxford American Dictionary* (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3). Oxford, Oxford University Press, 2005. 1 electronic optical disk (CD-ROM).
 13. *Petit Robert. Dictionnaire de la langue française*, ed. Paul Robert. Paris, le Robert – 107, avenue Permentier, 1985.
 14. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1987. 750 p. (In Russian).
 15. Oxford Advanced Learner's Dictionary, ed. J. Crowther. Oxford, Oxford University Press, 1995. 1428 p.

Поступила в редакцию 16.04.2016 г.
Received 16 April 2016

UDC 81'33

CONCEPTUALIZATION OF PERSONAL CHARACTERISTICS DESCRIBED BY COLOUR SIMILES

Mayya Yevgenevna PROKHOROVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsional'naya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: post@tsutmb.ru

Candidate of Philology, Senior Lecturer

E-mail: may_tmb@mail.ru

Linguistic and cognitive mechanisms of meaning formation when characterizing a person by means of colour similes exemplified by Russian, English and French languages are considered. Comparison is investigated as the mechanism of interaction between the concept of an object of comparison and the concept of a colour representative which results in a new substantial filling of the first and is only implied by a simile. Bases of objects and phenomena involvement as a certain colour representatives, and provides the scheme of prototypical category of colour representatives are analyzed. The contexts illustrating description of objective and estimated characteristics of a person by similes are given. Mechanisms of their linguistic expression and cognitive basis of their highlighting when expressed indirectly are defined. Analogical connection between personal appearance and objects chosen for representation of its colour shades at the cognitive level is provided. Functions of colour similes are described: characterization of personal appearance based on a colour shade; intensification of colour; characterization of a person based on colour as a result of influence; characterization of additional parameters of personal appearance; evaluation of personal appearance and physical or emotional condition; evaluation of personal inner qualities. Such evaluative types of colour representatives as general, sensory-flavour, aesthetic, ethical, emotional, utilitarian, standard evaluation are revealed.

Key words: linguistic and cognitive mechanisms; conceptual analysis; evaluation categorization; colour simile; colour representative; prototypical category; explication; implication; objective and evaluation characteristics

УДК 81'42

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ГУМАНИТАРНОМ ВУЗЕ

© Раушан Дуйсеновна ЕЛИБАЕВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
160013, Республика Казахстан, Южно-Казахстанская обл.,
г. Шымкент (Чимкент), ул. Мадели кожа, 137
E-mail: ukgi202@mail.ru

кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики
E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

© Гульнара Шингисовна ДЖУМАГУЛОВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики
E-mail: zhumagulova-73@mail.ru

© Лазатхан Рузиллаевна АСИЛБЕКОВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
старший преподаватель кафедры «Экономика и право»
E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

© Жадыра Кабыловна ЖУНИСБАЕВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики
E-mail: ghadra7572@mail.ru

© Гульвира Токтасыновна СЕЙДИШЕВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
старший преподаватель кафедры педагогики
E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Предложен анализ изучения языковых особенностей письменной и устной речи на юридические темы, которые имеют для современного юриста большое значение. Рассматриваются языковые особенности юридических текстов на примере процессуальных документов Республики Казахстан как средства реализации межкультурной коммуникации. Доказано, что язык нормативных документов отличается точностью формулировок, безличностью и сухостью изложения (отсутствием экспрессии), высокой стандартностью, большим изобилием устойчивых оборотов и клише. В условиях постоянно расширяющихся международных контактов особую значимость приобретает изучение проблем перевода текстов правовой документации с русского языка на родной язык. Установлено, что юридические тексты занимают особое место среди других специальных текстов, поскольку они наделены юридической силой, т. е. свойством порождать определенные юридические последствия и быть обязательными для соответствующих адресатов. Студенты при работе с юридическими текстами (чтение, пересказ содержания, работа с узкоспециальными терминами, составление глоссария, планов и вопросов к текстам) имеют возможность отработать следующие навыки: повысить уровень владения юридической терминологией в ходе и чтения и слушания, совершенствовать умение грамотного письма и говорения, овладеть основами построения диалогической и монологической речи, научиться интерпретировать содержание высказываний и понимать возможный подтекст при работе с юридическими и правовыми документами.

Ключевые слова: русский язык; образовательное пространство Казахстана; юридический дискурс

В настоящее время глобализация и информатизация являются значимыми характеристиками современного образовательного пространства Казахстана. Интеграция в мировое образовательное пространство обуславливает возрастание роли русского языка как учебной дисциплины.

Подготовка квалифицированных специалистов, обладающих высокой языковой и

речевой культурой, обладающих всесторонними знаниями, широкой эрудицией и знанием основных юридических законов, – одна из первоочередных задач современного вуза, на что, в первую очередь, должны быть ориентированы все учебные планы и программы гуманитарных вузов. Особое место среди изучаемых дисциплин в профессиональной подготовке студентов принадлежит культуре

речи, основами которой должен владеть каждый образованный человек.

Изучение устной и письменной культуры речи содействует расширению кругозора студентов, воспитанию у них эстетического вкуса, закреплению умений и навыков коммуникативно-целесообразного отбора языковых единиц языка, развитию и совершенствованию способностей создавать и оценивать тексты различной стилиевой принадлежности [1, с. 41-42].

Воспитание речевой культуры студентов в процессе обучения русскому языку – одно из основных требований современного образовательного стандарта. Культуроречевой аспект красной нитью проходит через все разделы программы по русскому языку [2, с. 40].

Согласно учебному плану МОН РК, в рамках образовательной программы, в нашем вузе дисциплина «Русский язык», как обязательный компонент, читается на всех межкузыковых специальностях первого курса. «Профессиональный русский язык» – на третьем курсе. Обе дисциплины предназначены для студентов, окончивших школу с государственным, т. е. казахским языком обучения. Соответственно, «Казахский язык» читается на всех межкузыковых специальностях первого курса. «Профессиональный казахский язык» – на третьем курсе для студентов, окончивших школу с русским языком обучения. Дисциплины «Английский язык» и «Профессиональный английский язык» согласно Госстандарту образования МОН РК также входят в обязательный компонент на межкузыковых специальностях вуза, независимо от языка обучения, полученного в средней общеобразовательной школе.

Изучение языковых особенностей письменной и устной речи на юридические темы приобретает для современного юриста большое значение. Цель нашего исследования – рассмотрение языковых особенностей юридических текстов как средства реализации межкузыковой коммуникации.

Известно, что язык нормативных документов отличается точностью формулировок, безличностью и сухостью изложения (отсутствием экспрессии), высокой стандартностью, большим изобилием устойчивых оборотов и клише. Поэтому нам, преподавателям, исходя из специфики данной специальности, необходимо учитывать тот факт, что

основными критериями в обучении языковым нормам являются не только правильность и коммуникативная целесообразность, но и точность, уместность, ясность.

Юридические тексты – это специальные тексты, используемые в правовой сфере. Экстралингвистической основой всех юридических текстов служит право. Юридические тексты занимают особое место среди других специальных текстов, поскольку они наделены юридической силой, т. е. свойством порождать определенные юридические последствия и быть обязательными для соответствующих адресатов. Отсюда и следуют такие общие стилиевые черты юридических текстов, как императивность, точность, неличный характер, стандартизация, при этом каждая черта проявляется лексически и грамматически.

При работе с юридическими текстами (чтение, пересказ содержания, работа с узкоспециальными терминами, составление глоссария, планов и вопросов к текстам и проч.) студенты имеют возможность отработать следующие навыки:

- повысить уровень владения навыками чтения и слушания;
- совершенствовать умение грамотного письма и говорения;
- овладеть основами построения диалогической и монологической речи;
- научиться интерпретировать содержание высказываний и понимать возможный подтекст при работе с юридическими и правовыми документами.

В качестве текстов при обучении русскому языку студентов специальностей «Правоведение» необходимо эффективно использовать материалы следующих юридических документов: уголовное право, административное право, уголовный процесс, криминалистика. Необходимо также уделить большое внимание обогащению профессиональной лексики студентов, которые должны усвоить необходимый минимум уголовно-правовой и уголовно-процессуальной терминологии. Практический материал должен предусматривать выполнение различного рода упражнений, содержащих познавательный характер.

К примеру, можно предложить студентам-юристам следующие тексты и упражнения, некоторые из которых могут включать

переводы терминов на казахский язык, также юридические документы.

Задание 1. Найдите в тексте термины. Переведите их на казахский язык.

За отсутствием события преступления дело подлежит прекращению, когда в ходе предварительного расследования выясняется, что не было самого факта деяния, считавшегося при возбуждении уголовного дела преступлением.

Уголовное дело прекращается за отсутствием в деянии состава преступления в тех случаях, когда факт деяния установлен, но самое деяние не является преступлением.

Уголовное дело прекращается вследствие акта амнистии, а также ввиду помилования отдельных лиц.

Задание 2. Найдите в тексте юридический документ. Определите языковые особенности и стиль текста. Выпишите термины вашей специальности. Составьте вопросы.

1. Определение понятия преступления дается в ст. 9 Уголовного кодекса Республики Казахстан: «Преступлением признается совершенное общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

2. Общественная опасность – это объективное свойство деяния реально причинять существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создавать угрозу причинения такого вреда.

3. Важно установить, что именно инкриминируемое виновному деяние общественно опасно.

4. Административные правонарушения, например, также способны причинять вред личности, обществу или государству.

5. Противоречие деяния нормам других отраслей права не дает оснований для признания его преступным.

6. Методы криминалистики – это способы решения научных задач в ходе криминалистических исследований теоретического и прикладного характера [3, с. 10].

Задание 3. Работа с микротекстом. Прочитайте. Запомните полученную информацию из текста. Выпишите узкоспециальные термины.

Переведите текст на казахский язык. Определите стиль.

Прокурор

Место и значение прокурора как участника уголовно-процессуальной деятельности определяется соответствующими положениями Конституции Республики Казахстан, действующим уголовно-процессуальным кодексом (УПК) и Указом Президента Республики Казахстан, имеющим силу Закона, «О прокуратуре Республики Казахстан». При этом применение названных законов носит субсидиарный характер.

Прокуратура, входя в систему государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, имеет ряд специфических черт, обусловленных функциональной направленностью прокурорского надзора. Прокуратура, как таковая, непосредственно не применяет наказаний к правонарушителям, но использует всю силу своей власти для восстановления нарушенной законности и привлечения виновных к установленной ответственности [4, с. 25-26].

Задание 4. Прочитайте микротексты и составьте к ним вопросы. Кратко перескажите тексты. Выпишите термины специальности. Найдите правовые документы.

Подозреваемый

Процессуальная фигура подозреваемого наиболее сложная в уголовном судопроизводстве. В соответствии с ч. 1 ст. 68 УПК подозреваемый – это лицо: 1) в отношении которого возбуждено дело; 2) задержанное по подозрению в совершении преступления; 3) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения.

Таким образом, подозреваемый – это единственный участник уголовно-процессуальных правоотношений, статус которого определяется не вследствие вынесения постановления о признании лица подозреваемым, а в результате применения к данному лицу мер процессуального принуждения либо в результате возбуждения в его отношении уголовного дела в связи с подозрением в совершении преступления.

Закон РК «О борьбе с коррупцией»

Настоящий закон направлен на защиту прав и свобод граждан, обеспечение национальной безопасности Республики Казахстан от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, должностных и других лиц, приравненных к ним, путем предупреждения, выявления, пресечения

и раскрытия правонарушений, связанных с коррупцией, устранения их последствий и привлечения виновных к ответственности, определяет основные принципы борьбы с коррупцией, устанавливает виды правонарушений, связанных с коррупцией, а также условия наступления ответственности.

Настоящий закон направлен также на расширение демократических начал, гласности и контроля в управлении государством, на укрепление доверия населения к государству и его структурам, стимулирование компетентных специалистов к поступлению на государственную службу, создание условий для не подкупности лиц, выполняющих государственные функции [4, с. 25-26].

Задание 5. *Прочитайте предложения. Поставьте вопросы к временным конструкциям. Выпишите юридические термины. Пользуясь словарем юридических терминов, определите их значение.*

1. Нормативные акты, изданные с указанием срока их действия, прекращают свои действия по истечении указанного срока.
2. Надзорная инстанция рассматривает протест по вступлении приговора в законную силу.
3. По окончании допроса протокол предъявляется свидетелю для прочтения или по просьбе свидетеля прочитывается ему свидетелем [5, с. 104].

Процессуальные документы – это наиболее распространенный тип юридических текстов. Отметим также, что каждый процессуальный документ должен быть грамотным не только в правовом, но и лингвистическом смысле. При стилистической характеристике процессуальных документов необходимо иметь в виду несколько параметров – типовое содержание документов, композиционное членение текста, виды информации и способы передачи. С учетом названных параметров составляются стилистические модели процессуальных документов, схемы конструирования текстов из определенного языкового материала.

В правовой сфере широко используется не только письменная, но и устная разновидность языка. Это, в первую очередь, судебная речь – одна из форм устных публицистических выступлений юридического характера. Профессиональная речь будущего юриста немыслима без слова, которое является ос-

новным оружием, строительным материалом в любой сфере практической деятельности исполнителя закона. Так, профессия юриста требует не только четкого знания законов, но и умения владеть словом как в письменной, так и устной форме, как было нами отмечено выше. Речи государственного обвинителя и адвоката в судебном процессе, арбитраже, юридическое консультирование, допросы свидетелей, обвиняемых, ходатайств, заявлений и др. – вот далеко неполный перечень атрибутов профессиональной деятельности юриста. К примеру, на занятиях СРСП студентам-юристам можно предложить на домашнее чтение – знакомство с судебной речью известного русского юриста, блестящего оратора А.Ф. Кони.

Необходимо разъяснить студентам, что ко всем следственным и судебным процессуальным документам, устным выступлениям юриста предъявляются высокие требования не только с точки зрения их юридической грамотности, но и с языковой стороны.

Опыт работы показывает, что студентам, окончившим казахскую школу или школу с государственным языком обучения, необходимо объяснить о специфике языка права: многие слова, такие как *возбуждение, дача, эпизод, производство, квалификация* и др., отличаются от общеупотребительных слов по своему значению; своеобразна лексическая сочетаемость (*преступная деятельность, совершить преступление, дача взятки*), управление (*увольнение от должности*), порядок слов (*занятие врачеванием*) и др. При этом важно отметить, что юридический язык является стилевой разновидностью литературного языка и подчиняется его законам [1, с. 42].

Профессионально ориентированное обучение студентов-юристов основано на определенном лексико-грамматическом материале и включает следующие разделы «Стилистика. Функциональные стили речи. Особенности научного стиля»; «Моя будущая профессия»; «Культура речевого поведения в профессиональной сфере»; «Текст по специальности как ведущая единица словесной коммуникации»; «Языковые особенности текстов по специальности»; «Рассуждение как тип монолога» и др. [6, с. 42-43].

Обращают на себя внимание основные темы, необходимые для рассмотрения.

1. Язык, речь, общение в будущей профессиональной деятельности.
2. Основные типы норм. Акцентологические нормы. Нормы произношения.
3. Точность словоупотребления. Значение слова.
4. Научный стиль речи. Качества научной речи и ее языковые особенности (объективность, логичность, доказательность, точность, обобщенность и отвлеченность, насыщенность фактической информацией).
5. Термины специальности.
6. Культура устной речи и особенности речевого поведения в профессиональной сфере.
7. Устная публицистическая речь. Дискуссии, споры, дебаты, споры. Их основные цели.
8. Аргументы и их виды. Культура публичного спора.
9. Речевой этикет.
10. Правильность речи.
11. Стилистические ошибки и недочеты культуры речи юриста.

Как было отмечено выше, будущие юристы должны правильно составлять процессуальные документы, знать определение и значение основных терминов своей будущей специальности, уметь работать как с толковыми, так и со словарями юридических терминов.

Будущим юристам важны, прежде всего, навыки составления процессуальных документов. Поэтому материалом для упражнений на занятиях могут служить нормативные акты, на которых студенты наблюдают особенности языка права, и процессуальные акты, анализ которых помогает отмечать речевые, стилистические ошибки и устранять их.

Особое значение придается стилистической правке, так как на отрицательных примерах можно нагляднее выявить нарушения механизма построения речи. Со студентами пишутся стилистические диктанты. Примером неграмотного составления юридического документа может служить, к примеру, следующий микротекст:

«Берикбаева, схватив лопату, стоящую во дворе, и ей нанесла удар по голове Жакупову, пытавшему прекратить скандал, потом, забежав в комнату, забралась под стол, на котором стояла приготовленная посуда.

Включенных лиц необходимо вызвать для дачи показаний» [1, с. 43].

В условиях постоянно расширяющихся международных контактов особую значимость приобретает также изучение проблем перевода текстов правовой документации с русского языка на родной язык (см. вышеприведенные тексты). При работе с юридическими текстами необходимо включать задания на переводы терминов на казахский язык, т. к. при выполнении таких заданий студенты учатся работать с нормативными толковыми и переводными русско-казахскими и словарями юридических терминов. Так, например, студентам предлагаются следующие задания: перевести словосочетания на родной язык и определить в синонимических рядах слов нейтральные, книжные и разговорные слова: *мошенник (книжн.) – аферист (нейтр.) – нечистый на руку (разг.)* – в переводе на казахский язык – «алаяқ»; *заключить под стражу (книжн.) – арестовать (нейтр.) – посадить за решетку (разг.)* – в переводе на казахский язык – «тұтқындау» и др. Таким образом, при выполнении такого рода заданий студенты, обращаясь неоднократно к словарям, узнают сведения о сфере употребления книжных и разговорных слов, на которые указывают пометы *книжн., разг., прост., офиц.-дел.* и т. д.

Юридический текст имеет черты сходства как с научным текстом, так и с текстом инструкции, поскольку выполняет и познавательные, и предписывающие функции. Однако студентам надо разъяснить, что не все книжные слова, которые часто употребляются в публицистическом стиле, в законодательных текстах и правовых документах могут употребляться, поскольку книжным словам присущи элементы торжественности и возвышенности, не свойственные официально-деловому стилю, часть книжных слов уже устарела и редко употребляются в речи (ср.: *держава – государство* – в переводе на казахский язык – *мемлекет*); *хворь – болезнь* в переводе на казахский язык – *сырқат*; *лечебница – больница* в переводе на казахский язык – *аурухана, емхана* и др.

В правовых и нормативных документах не употребляются и фразеологизмы, придающие различные экспрессивные оттенки (ср.: *бок о бок, правая рука, с грехом пополам, без году неделя, филькина грамота,*

спустя рукава и др., а также пословицы, поговорки, крылатые выражения, метафоры и другие средства выразительности речи.

Язык права – это, в первую очередь, язык закона, с его специфической терминологией, обозначающей особые юридические понятия, со своими своеобразными словосочетаниями; это язык различных нормативных актов и правовых документов. Юридический текст – важнейшее условие правовой коммуникации. Юридические тексты, как правило, являют собой текстовые документы, несущие в себе правовую тематику.

В связи с принятым в Казахстане культурным проектом «Триединства языков», проводимым президентом Н.А. Назарбаевым [7; 8], студенты нашего вуза, независимо от формы обучения в средней школе, изучают терминологию своей будущей специальности на трех языках: государственном (казахском), русском и английском языках. Отсюда большое внимание уделяется проблемам перевода юридических текстов, терминов и правовой документации с одного языка на другой [9]. Еще одна трудность юридических переводов, как и других специализированных, заключается в необходимости иметь глубокие познания в исследуемой области и разбираться в деталях, чтобы «выстроить предложения в логически связанный текст без противоречий и недопонимания» [10, с. 78]. Данная область требует также и особой точности в формулировках, нельзя какую-то фразу переводить «приблизительно по смыслу». Даже мелкие ошибки и неточности в переводе текста могут привести к неправильному толкованию его смысла и, как следствие, «побудить к каким-либо неправильным действиям» [10, с. 79], например, к предъявлению судебного иска и т. д.

Таким образом, язык занимает особое место в профессиональной деятельности юриста, независимо от того, где она протекает, ведь юрист – это специалист в области правоведения. Регулирующая роль права определяет не только поведение людей, но и функции языка, так как язык в праве является тем материалом, из которого создаются правовые категории. Грамотно построенная речь и письмо – это показатель компетентности высокообразованного юриста. Основы профессиональной речи, полученные на заняти-

ях, – важное подспорье в образовательной модели студентов высших учебных заведений.

Список литературы

1. Санзыбаева С.К. Обучение профессиональной речи студентов-юристов // Русский язык и литература в условиях кредитной технологии обучения: Республиканский научно-методический семинар. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 120 с.
2. Тоғжанова Л.К. К вопросу о воспитании речевой культуры в процессе обучения русскому языку как неродному // Триединство языков в образовательной системе Республики Казахстан: состояние и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы: Казахский национальный медицинский университет им. С.Ж. Асфендиярова, 2015. 280 с.
3. Мусабекова У.А. Сборник упражнений по русскому языку для студентов-юристов. Шымкент: ЮКГИ им. М. Сапарбаева, 2010. 83 с.
4. Елибаева Р.Д. Сборник текстов и упражнений по русскому языку (Хрестоматия): учебное пособие для студентов юридических специальностей казахских отделений (бакалавриат). Шымкент: ЮКГИ им. М. Сапарбаева, 2015. Ч. 1. 125 с.
5. Салханова Ж.Х. Русский язык: учебное пособие для студентов юридических факультетов. Алматы: Қазақ университеті, 2012. 160 с.
6. Типовая учебная программа «Русский язык (Образование высшее профессиональное)» / сост. К.К. Ахмедьяров, Х.С. Мухамадиев. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2014. 51 с.
7. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011–2020 годы. URL: <http://www.enu.kz/downloads/gos-programma-obr-2020.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).
8. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 30 ноября 2015 г. URL: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-30-noyabrya-2015-g> (дата обращения: 11.04.2016).
9. Русско-казахский словарь юридических терминов и понятий / сост. Академик НАН Республики Казахстана д. ю. н., проф. Г.С. Сапаргалиев // О концепции правовой политики Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан. Справочная правовая система ЮРИСТ.

10. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода: сборник статей. СПб., 2004. 184 с.

References

1. Sanzybaeva S.K. Obuchenie professional'noy rechi studentov-yuristov [Professional speech education of jurists]. *Respublikanskiy nauchno-metodicheskiy seminar "Russkiy yazyk i literatura v usloviyakh kreditnoy tekhnologii obucheniya"* [Republican scientific-methodic seminar "Russian language and literature in conditions of credit technique of education"]. Almaty, Kazakh universiteti Publ., 2014. 120 p. (In Russian).
2. Togzhanova L.K. K voprosu o vospitanii rechevoy kul'tury v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak nerodnomu [On the issue of speech culture education in the process of Russian language teaching as non-native]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Triedinstvo yazykov v obrazovatel'noy sisteme Respubliki Kazakhstan: sostoyanie i perspektivy"* [Materials of international scientific-practical conference "Trinity of languages in educational system of the Republic of Kazakhstan: state and prospects"]. Almaty, Asfendiyarov Kazakh National Medical University Publ., 2015. 280 p. (In Russian).
3. Musabekova U.A. *Sbornik uprazhneniy po russkomu yazyku dlya studentov-yuristov* [A digest of exercises on Russian language for jurists]. Shymkent, South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev Publ., 2010. 83 p. (In Russian).
4. Elibaeva R.D. *Sbornik tekstov i uprazhneniy po russkomu yazyku (Khrestomatiya)* [A collection of texts and exercises on Russian language (Reading-book)]. Shymkent, South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev Publ., 2015, part 1. 125 p. (In Russian).
5. Salkhanova Zh.Kh. *Russkiy yazyk: uchebnoe posobie dlya studentov yuridicheskikh fakul'tetov* [Russian language: study guide for law students]. Almaty, Kazakh universiteti, 2012. 160 p. (In Russian).
6. *Tipovaya uchebnaya programma "Russkiy yazyk (Obrazovanie vysshee professional'noe)"* [Typical curriculum "Russian language (Higher professional education)"], compiler K.K. Akhmed'yarov, Kh.S. Mukhamadiev. Almaty, Al-Farabi Kazakh National University Publ., 2014. 51 p. (In Russian).
7. *Gosudarstvennaya programma razvitiya obrazovaniya v Respublike Kazakhstan na 2011–2020 gody* [State program of education development in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020]. Available at: <http://www.eni.kz/downloads/gosprogramma-obr-2020.pdf> (accessed 11.04.2016). (In Russian).
8. *Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. Nazarbaeva narodu Kazakhstana. 30 noyabrya 2015 g.* [N. Nazarbaev's Presidential letter of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan]. Available at: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazakhstan-30-noyabrya-2015-g> (accessed 11.04.2016). (In Russian).
9. *Russko-kazakhskiy slovar' yuridicheskikh terminov i ponyatiy* [Russian-Kazakh dictionary of legal terms and notions], compiler G.S. Sapargaliev. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, *O koncepcii pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan* [On the concept of juridical policy of the Republic of Kazakhstan]. Reference legal system LAWYER. (In Russian).
10. Gamzatov M.G. *Tekhnika i spetsifika yuridicheskogo perevoda* [Techniques and specifics of legal interpretation]. St. Petersburg, 2004. 184 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2016 г.

Received 10 May 2016

UDC 81'42

LANGUAGE PECULIARITIES OF LEGAL TEXT STUDY IN HUMANITARIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Raushan Duysenovna ELIBAEVA

South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev

137 Madeli Kozha St., Shymkent (Chimkent), South-Kazakhstani region, the Republic of Kazakhstan, 160013

E-mail: ukgi202@mail.ru

Candidate of Philology, Associate Professor of pedagogy Department

E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Gulnara Shingisovna DZHUMAGULOVA

South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Pedagogy Department

E-mail: zhumagulova-73@mail.ru

Lazatkhan Ruzillaevna ASILBEKOVA

South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev

Senior Lecturer of Economics and Law Department

E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Zhadyra Kabylovna ZHUNISBAEVA

South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Pedagogy Department

E-mail: ghadra7572@mail.ru

Gulvira Toktasynovna SEYDISHEVA

South-Kazakhstani Humanitarian Institute named after M. Saparbaev

Senior Lecturer of Pedagogy Department

E-mail: raushan_1959kz@mail.ru

The analysis of study of language peculiarities of written and oral speech considering legal themes is proposed. They are very significant for modern lawyer. Language peculiarities of legal texts basing on the example of process documents of the Republic of Kazakhstan as a means of interlanguage communication realization are considered. It is proved, that the language of normative documents has unambiguousness, impersonality and lack of expressiveness, high standard, a lot of chunk of language and clichés. In the conditions of temporary widening international contacts the study of texts translation of legal documentation from Russian into native language is very important. It is established that legal texts take special place among other special texts, because they have validity, i. e. the ability to create definite legal consequences and be obligatory for the addressee. The students while work with legal texts (reading, retelling of the content, work with specialized terms, glossary, plans and questions for text) have possibility to work out the following skills: to increase the level of legal terminology mastering while reading and listening, improve the literate writing and speaking, to gain the basis of dialogues and monologues building, to learn to interpret the content of utterance and understand possible implications while work with legal and law documents.

Key words: Russian language; Kazakhstan educational space; legal discourse

ОНОМАСТИКА

УДК 811.512.157

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЯКУТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ (по материалам трудов тюрколога Н.К. Антонова)

© Егор Револьевич НИКОЛАЕВ

Институт гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН
677007, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

E-mail: secretar@igi.ysn.ru

главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан» («Закаленный»)

E-mail: 1953307@mail.ru

Предложен анализ якутских личных имен с целью выявления особенностей национальной картины мира якутов на основе трудов тюрколога Николая Климовича Антонова. По принадлежности апеллятивных основ к языковым группам отобранные антропонимы были распределены на исконно якутские (тюркские) и заимствованные (тунгусо-маньчжурские, монгольские) имена. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа определена этимологическая характеристика антропонимов, которые доказывают южное происхождение якутских личных имен и наличие заимствованных из других языков по мере освоения северных земель. Установлено, что общетюркские слова, лежащие в основе антропонимов, обозначают явления природы, времена года, местный рельеф. Установлены монгольские заимствования, к которым относятся слова, обозначающие качество, характер, имя носителя, определены тюркские лексические параллели. Антропонимы, заимствованные из тунгусо-маньчжурских языков, репрезентируют северный ландшафт. В результате лингвистического анализа выявлено, что семантика апеллятивов и якутских антропонимов остается неизменной и является частью системы личных имен тюркских народов, отражая национальную картину мира, связанную с южной прародиной и с освоением Севера. Исследование показало, что рассмотренные якутские личные имена в большинстве своем относятся к именам-дескриптивам и именам-дезиративам.

Ключевые слова: тюркские антропонимы; якутские личные имена; национальная картина мира; имена-дескриптивы; имена-дезиративы

Антропонимика, как и любая часть лексикологии, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, в результате чего имена оказываются регистраторами явлений природы и событий, имевших место в общественной жизни [1]. Система личных имен любого народа несет на себе отпечаток национального самосознания и включается в национальную картину мира. В этом аспекте личные имена обладают яркой национально-культурной спецификой и являются важным источником лингвистических, историко-культурных знаний.

Тюркские личные имена во многом консервативны и устойчивы. «Относительная устойчивость языковой системы обеспечивает возможность сохранения и передачи знаний о мире, поскольку они способны передавать мировоззрение человека новейшего времени» [2]. Иными словами, передаваясь

из поколения в поколение, наиболее устойчивые антропонимы раскрывали картину миру не только прежних поколений, но и утверждаются в новом времени.

Современная система современных якутских личных имен одновременно имеет общие и особенные черты с другими тюркскими именами собственными, но изучению якутских личных имен пока не уделяется достаточного внимания. В научной литературе есть отдельные статьи, касающиеся семантики и структуры якутских личных имен. На основе анализа 315 мужских и женских якутских личных имен, зафиксированных органами ЗАГСа, отобранных из печатных СМИ [3–6] и выбранных из личной картотеки автора, по принадлежности к языковым группам якутские личные имена (далее ЯЛИ) условно можно разделить на две группы: исконно якутские (тюркские) ЯЛИ и заимство-

ванные ЯЛИ с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими основами.

Этимологизация антропонимов в неразрывной связи с их апелляциями может раскрыть особенности национального видения мира. Одним из источников для такой репрезентации могут служить исследования известного якутского тюрколога Н.К. Антонова (1919–2002) [7]. На основе этих материалов рассмотрим наиболее характерные якутские личные имена из двух групп.

Первая группа. В якутском языке, по Н.К. Антонову, есть «исконные, тюркского происхождения слова – это якутские именны́е основы, обозначающие все главнейшие понятия об окружающей нас неживой природе». К таким словам относятся: *кун* (солнце), *ый* (луна), *сулус* (звезда), *чолбон* (венерa; яркая звезда), *сарыал* (свет). «*Аранас сулус* (большая медведица), *хотугу сулус* (полярная звезда), *дьүкээбил уота* (северное сияние, дос. юкагирские огни) являются поздними наименованиями, возникшими на северной родине якутов» [7, с. 10–11].

Как известно, названия космических тел и природных явлений являются общетюркскими и возникли на южной родине предков якутов. В настоящее время эти слова стали частью якутского антропонимикона. Например, женские имена – *Күннэй*, *Ыйдаһа*, мужские имена – *Сулустаан*, *Чолбон*, *Сарыал*. Общность исходных основ ЯЛИ, обозначающих астрономические объекты, определяет их «общий внутренний образ», подсказанный самим объектом. ...Могло оно быть и просто унаследованным от языка-основы (в языках одной генетической семьи, группы, ветви)» [8, с. 200].

Современные женские имена *Сайыына*, *Сайынаара*, *Саина*, *Сааскылаана*, *Сааскыйа*, мужское имя *Сааскылаан* связаны с пластом общетюркских слов, обозначающих названия времен года и метеорологические явления (сайын (лето), күһүн (осень), кыһын (зима), саас (весна)) [7, с. 12].

Якутские личные имена с корнем *сай-* также можно отнести к этой группе – *Сайан*, *Сайаан*, *Сайаар*, *Сайнар*, *Сайаана*, *Саяна*. Косвенное отношение к слову *сайын* имеет и мужское имя *Самаан*, которое тоже имеет тюркские параллели: *самаан*, *сабаан* (сайын) – теплый, благодатный (лето) [9, стлб. 2061]. Например, «у осман, крымских

татар, казахов, карaimов и др. *сабан*, *сапан* означает: плуг, соха; пашня; яровой хлеб; солома. Присутствие слова *самаан* в якутском языке свидетельствует о былом занятии якутов хлебопашеством» [7, с. 12]. В современном якутском языке в основном используются заимствованные из русского языка термины, связанные с хлебопашеством.

С явлениями природы также связаны исконно тюркские ЯЛИ – *Толон* (*толон* – град), *Архаан* – западный ветер (тюрк. *арха* – спина, тыл, зад) [7, с. 13].

Как утверждает Н.К. Антонов, почти все основные якутские названия элементов рельефа местности являются исконными, тюркскими. Например, слово *айаан* и мужское имя *Айаан* означает «протока, старица реки» [7, с. 13]; бухта, протока [10, с. 26]; старое русло реки, старица, соединяющаяся с рекой только в половодье [11, с. 26]; в ССТМЯ: эвенк. *айаан*: 1. путь: ездить, переезжать, странствовать, путешествовать, перелетать (о птицах); 2. старица, протока, залив, песчаная коса [12, с. 21]. Отмечается такое же слово с идентичным значением в эвенской лексике: 1. протока, залив; 2. черепаха; морская летучая рыба (?); 3. большой, сильный (например, орел, олень, ветер, куст); 4. толстый снег [12, с. 21]. Якутский этимолог Г.В. Попов отмечает, что слово *айаан* вошло в якутский язык из тунгусо-маньчжурских языков. Это – результат влияния, а потом и распространения эвенкийского, эвенского языка на якутский язык в Верхоянском районе и Вилюйском округе Якутии [11, с. 61].

Личные имена часто отражают ландшафтно-географические познания народа, тесно связанные с этногенезом. Их фиксация и сохранение свидетельствует об историческом, географическом освоении незнакомых им ранее территорий. Так, якутские слова и антропонимы-дезиративы *Тиит*, *Кэнчээри* тоже, скорее всего, свидетельствуют о южном происхождении и постепенном заселении нынешней родины, продвижении якутов с юга на север. Якутское *тиит* (лиственница) параллельно тув. *дыт*, тел., алт., шор., хакас., в лев. диал. алтай. яз., в койбальском диалекте хакас. яз., кирг. *тыт* [7, с. 17].

Кэнчээри также имеет исконно тюркскую основу. В БТСЯЯ *кэнчээри* определяется так: поздние всходы, отава; молодые всходы растения, молодое растение; подрас-

тающее поколение, молодежь [13, с. 501-502]. В др. тюрк. яз. *кэнчээри*: ребенок, детеныш животных; монг. *хэнз* – вторая трава (вырастающая к осени после покоса); родившийся осенью; *генч* – молодой [13, с. 502]. По Н.К. Антонову, тюрк. – *кэнчи* – последний ребенок; монг.-бур.: *хэнзе* – *хэнчэ* – отава. Вероятно, этимологизируется от тюрк. *кэлин*, *кийин* (после, позже, зад, тыл) [7, с. 20]. Это слово часто присутствует в якутском эпосе олонхо:

«Арб аһыттан тэһиннээх
[С поводьями за спиной],
Айыы-хаан аймаб ын [Род айыы-хаана],
Атаб астыыр буолайыабын
[Не смей обижать],
Кэнэб эһин кэнэб эс [В будущем].
Кэнчиэрэ ыччаккар
[Подрастающему поколению твоему],
Сэттээх-сэлээннээх [Возмездие-кара],
Сэмэлээх-сун халаах буолуоб а...»
[Вина-осуждение может быть] [14, с. 155].

Н.К. Антонов в своем заключении утверждает, что «*кэнчээри* имеет: 1) отвлеченное значение; 2) не имеет связи с заготовкой сена, т. е. мог возникнуть в языке любого кочевого степного народа». То есть слово *кэнчээри* могло возникнуть не здесь, а еще там, в южных степях [7, с. 20].

Этимология слова и современного мужского имени *Эркин* тоже имеет разные версии. По Э.К. Пекарскому: *эркин*: «стена, бок, сторона; защита» [9, стлб. 904]. Н.К. Антонов сравнивает с хакас., койб. диал. – *иркин*, *еркэн* – порог, косяк, рамка двери; якутское *эркин*, по-видимому, имеет общий корень нет с этими названиями, а с чагатай. *эркинэ* – деревянное кольцо на верхушке порты; *эрк* – цитадель из представления стены юрты как защитного оружия, кольца цитадели. Но *эркин* стало обозначать не только «стену», но также и круговую балку юрты, входя в состав сложного слова *сүгэргэнэ*» [7, с. 89].

В настоящее время есть веские дополнения к истории *эркин* в качестве личного имени. Например, есть и исторические личности, присутствующие в преданиях и легендах, и эпические имена, и имена из якутского мифологического пантеона *иччи* (духов и божеств): «*Эркин Эрэлэсэ* (в олонхо «Хаан Дьаргыстай»; *Экин Абаган* – *Абаган-Эркин* (один из главных родоначальников, потом-

ков Эр Соготох Эллэя); *Сулкун-эркин* – один из лесных духов (байанай); *Суойун эркин*, *Суонан эркин*, *Сохсо эркин* – боги, которые препятствуют охоте и промыслам (седьмой род *Баай Байаная*); *Туорчут Эркин* – дух-хозяин леса» [15, с. 67]. Этнограф и историк начала XX в. Г.В. Ксенофонов общим знаменателем для всех *эркин* выделял понятие «вождества» (управление племенем, покровительство промыслу, курирование отрезком дороги и т. п.) [15, с. 68], что, вероятно, соответствует лексикографическим материалам древнетюркского языка: *irkin* – титул [16, с. 212].

Вторая группа. Монгольские лексические заимствования считаются в якутском языке одними из самых древних [17, с. 94]. Н.К. Антонов считает возможным, что слово *дуолан* имеет свои корни в монгольском слове *дуудлаба*, что означает «призыв духов (абаасы) шаманом» [17, с. 100]. В ТСЯЯ *дуолан* обозначается как «громадный, огромный; очень сильный, могучий; достигший зрелости мужчина» [18, с. 190-191]. У тофаларов: «*долу* – полный, наполненный» [19, с. 109]. Этимолог Г.В. Попов проводит параллель *дуолан* с заимствованием слова *далан* и прослеживает этот путь из монгольского слова «*долан* – большой, громадный, огромный» [11, с. 159]. В олонхо тоже можно найти использование слова *дуолан* в том же значении: «Тоф устаах дуолан хара атыыр об ус/9-летний большой черный бык [20, с. 14]. У Н.К. Антонова есть такие этимологические изыскания: «*туолан* – *тузлан* (монг.) – пятилетний (*ту* – пять). В чагатайском языке (др. узбек. яз.) *толна* – лошадь на пятом году. *Тул*, *тол*, *туол* – становится полным, достигать зрелости, а не от монг. *ту*. *Туолан* – *туоллан* – полный, дородный – туолун (внушительный, важный) [7, с. 60; 9, стлб. 2820]. Примечательно, что также есть и другая версия этимологизации слова *дуолан*: «Созвездие Большой Медведицы (бур., монг. *Долон убугун* – «Семь старцев», позднее *Долон Бурхан* – Семь богов)» [7, с. 99]. «Из добрых западных божеств у бурят наиболее известен... *Долон Хухэ тэнгри* (семь синих) – насылающий дождь [21, с. 101]. Таким образом, антропоним *Дуолан*, вероятно, наиболее близок апеллятиву со значением «большой, громадный, огромный».

В системе современных якутских антропонимов можно выделить отдельный, еще до конца неизученный пласт онимов – псевдонимы. В рамках данной статьи можно определить значение псевдонима якутского поэта, писателя начала XX в. А.А. Иванова-Күндэ. Если в БТСЯЯ слово *күндэ* определяется как «блестящий, сияющий; небольшая часть озера, отделившаяся от основного водоема; неглубокое озеро с прозрачной и чистой водой» [13, с. 646], то у Н.К. Антонова: «*күн дэ, күндэ* – зеркало озера, часть или конец большого аласа, поля с открытым озером (среднеколымский говор) от монгольского, бурятского *гун, гундуу* – глубокий. Такое заимствование «связано с освоением северной природы, когда могли проникнуть монгольские ландшафтные названия в якутском языке, пока трудно предположить... По-видимому, это произошло еще задолго до периода орхонских тюрков (VI–VIII вв.), возможно, в те времена, когда часть тюркских племен, вытесненная с монгольских и забайкальских степей, оказалась на Севере в лесной зоне среди монголоязычных исконно северных полуседлых племен» [7, с. 27-28; 22; 23].

Основы эвенкийского происхождения «...усвоены на современной территории заселения якутов, в Якутии, позже...», они «...связаны с освоением северной лесной природы» [7, с. 28]. Например, слово и ныне постепенно становящееся популярным якутское женское имя *Сибибиктэ* исходит от эвенк. слова *сивэктэ* (хвощ, молодая травка на заболоченных лужайках) [7, с. 27; 22, с. 86].

Таким образом, из всего изложенного можно сделать такие выводы:

- исходные слова современных якутских личных имен репрезентируют южное происхождение народа саха;
- семантика исходных слов и семантика личных имен в большинстве случаев совпадают и остаются неизменными, что доказывает устойчивость якутского языка к внешним влияниям;
- этимология современных якутских личных имен отражает исконно тюркский, монгольский и тунгусо-маньчжурский пласты якутского языка, соответственно отражают особенности восприятия картины мира якутов: о географическом положении, об ас-

трономических объектах, о флоре и фауне местности и т. д.;

- рассмотренные якутские личные имена можно разделить на имена-дескриптивы (описательные имена) и имена-дезиративы (имена-пожелания);

- наследие Н.К. Антонова может быть исходной точкой в этимологизировании отапеллятивных антропонимов.

Список литературы

1. Раемгужина З.М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009.
2. Азнабаева А.Ф. Интерпретация современной языковой картины мира через антропонимы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 33-36.
3. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2007 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2008. 44 с.
4. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2010 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2011. 80 с.
5. Информационно-аналитический обзор государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Саха (Якутия) за 2012 год / сост. А.Г. Михайлова. Якутск, 2013. 72 с.
6. Николаев Е.Р. Современные мужские личные имена // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 9 Международной научной конференции. Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2014. 324 с.
7. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. 175 с.
8. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М.: Издательство АН СССР, 1959. Вып. 10-13. Т. 2. 2508 стлб.
10. Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. Якутск, 1985. 200 с.
11. Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с. (Ч. 1: А–Дь)
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус; сост.:

- В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова: в 15 т. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ). 616 с.
14. *Ойуунускай П.А.* Айымньылар. Төрдүс том: Дьулуруйар Ньургун Боотур (олонхо). Маннайгы, иккис, үһүс ырыалара. Якутскай, 1959. 312 с.
15. *Никифоров В.М.* Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.
16. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
17. *Антонов Н.К.* Саха тылын туһунан бэлиэтээһиннэр [Заметки о якутском языке] // Хотугу сулус. 1969. № 10. С. 92-103.
18. Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И)
19. *Рассадин В.И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2014.
20. *Тимофеев-Теплоухов И.Г.* Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур [Строптивый Кулун Куллуустуур]. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1985. 607 с.
21. *Жуковская Н.Л.* Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1980. 208 с.
22. *Николаев Е.Р.* К вопросу об эвенкизмах в якутском антропонимиконе // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 85-90.
23. *Николаев Е.Р.* Современные мужские личные имена // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 9 Международной научной конференции. Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2014. 324 с.
2. *Aznabaeva A.F.* Interpretatsiya sovremennoy yazykovoy kartiny mira cherez antroponimy [Interpretation of modern language world view through antroponymy]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 2 (56), part 2, pp. 33-36. (In Russian).
3. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2007 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2007], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2008. 44 p. (In Russian).
4. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2010 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2010], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2011. 80 p. (In Russian).
5. *Informatsionno-analiticheskiy obzor gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Respublike Sakha (Yakutiya) za 2012 god* [Informational-analytical review of state registration of act of civil state in the Republic of Sakha (Yakutiya) for 2012], compiler A.G. Mikhaylova. Yakutsk, 2013. 72 p. (In Russian).
6. *Nikolaev E.R.* Sovremennye muzhskie lichnye imena [Modern men's personal names]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy obshchey i regional'noy onomastiki"* [Materials of 9 International scientific conference "Problems of general and regional onomastics"]. Maykop, Printing and publication department of ASU, 2014. 324 p. (In Russian).
7. *Antonov N.K.* *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on historical lexis of Yakut language]. Yakutsk, Yakut Book House, 1971. 175 p. (In Russian).
8. *Bondaletov V.D.* *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. (In Russian).
9. *Pekarskiy E.K.* *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut language dictionary]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1959, no. 10-13, vol. 2. 2508 stlb. (In Russian).
10. *Safronov F.G.* *Dokhristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri* [Pre-Christian personal names of the North-East of Siberia peoples]. Yakutsk, 1985. 200 p. (In Russian).
11. *Popov G.V.* *Etimologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Etymology dictionary of Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2003. 180 p. (Ch. 1: A–D'). (In Russian).

References

1. *Raemguzhina Z.M.* *Bashkirskiy antroponimikon v svete yazykovoy kartiny mira (aspekty formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya)* [Bashkir antroponymycon in language world view (aspects of formation and peculiarities of functioning)]. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Ufa, 2009. (In Russian).

12. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskemu slovaryu* [Comparative dictionary of Tungus-Manchzhurskiy languages. Materials to etymology dictionary], ed.-compiler V.I. Cincius, compilers V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskiy Department, 1975, vol. 1. 672 p.; 1977, vol. 2. 992 p. (In Russian).
13. *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t.* [Inabridged dictionary of Yakut language: in 15 vols.], ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, vol. 5: (Bukva K: kыtёhis gыn – keechere). 616 p. (In Russian).
14. *Ойуунускай П.А.* Айымньылар. Төрдүс том: Дьулуруйар Ньургун Боотур (олонхо). Маннайгы, иккис, үһүс ырыалара. Якутскай, 1959. 312 p. (In Yakut).
15. Nikiforov V.M. *Stadii epicheskikh kolliziy v olonkho: Formy fol'klornoy i knizhnoy transformatsii* [Stages of epic collisions in olonkho: forms of folklore and book transformations]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 208 p. (In Russian).
16. *Drevnyeturkskiy slovar'* [Ancient-Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskiy Department, 1969. 677 p. (In Russian).
17. Antonov N.K. Саха тылын туһунан бэлиэтээһиннэр. Хотугу сулус, 1969, no. 10, pp. 92-103. (In Yakut).
18. *Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Definition dictionary of Yakut language], ed. P.A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 844 p. (Bukvy G, D, D', I). (In Russian).
19. Rassadin V.I. *Sovremennyy tofalarskiy yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [Modern Tofalar language and its place in the system of Turkic languages]. Elista, Kalmyk university Publ., 2014. (In Russian).
20. Timofeev-Teploukhov I.G. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур. Moscow, Main editorial of Eastern literature of Nauka Publ., 1985. 607 p. (In Yakut).
21. Zhukovskaya N.L. Buryatskaya mifologiya i ee mongol'skie paralleli [Buryat mythology and its mongol parallels]. *Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoy Azii*. Moscow, Main editorial of Eastern literature of Nauka Publ., 1980. 208 p. (In Russian).
22. Nikolaev E.R. K voprosu ob evenkizmakh v yakutskom antroponimikone [On the issue about evenkizm in Yakut antroponymycon]. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of Humanities*, 2015, no. 2 (11), pp. 85-90. (In Russian).
23. Nikolaev E.R. *Sovremennye muzhskie lichnye imena* [Modern men's personal names]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy obshchey i regional'noy onomastiki"* [Materials of 9 International scientific conference "Problems of general and regional onomastics"]. Maykop, Printing and publication department of ASU, 2014. 324 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2016 г.
Received 15 May 2016

UDC 811.512.157

THE ETHNIC WORLD VIEW REFLECTION IN YAKUT PERSONAL NAMES (basing on the materials of turkologist N.K. Antonov)

Egor Revolevich NIKOLAEV

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

1 Petrovsky St., Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation, 677007

E-mail: secretar@igi.ysn.ru

Editor-in-chief of Journal for Children and Youth "Khatan" ("Hardened")

E-mail: 1953307@mail.ru

The analysis of Yakut personal names is made to reveal the peculiarities of ethnic world view basing on the works of turkologist Nikolay Klimovich Antonov. The chosen antroponyms were allocated basing on the belonging of appellative base morpheme to language groups into originally Yakutsk (Turkic) and borrowed (Tungusic, Mongolian) names. During comparative-competitive analysis the etymologic characteristics of antroponyms which prove southern origin of Yakut personal names and the presence of borrowed from other languages of northern earth opening up. It is established that general Turkic words, being the basis of antroponyms mean the natural events, seasons, local relief. The Mongolian borrowings denoting quality, character of the name of the bearer, Turkic lexical parallels are defined. Antroponyms borrowed from Tungusic languages represent northern landscape. At the result of linguistic analysis it is revealed that semantics of appellatives and Yakut antroponyms is unchangeable and is a part of system of personal names of Turkic peoples, reflecting ethnic world view, connected with southern ancestral home and the North opening up. The research showed that the considered Yakut personal names mostly refer to descriptive names and names-desiderates.

Key words: Turkic antroponyms; Yakut personal names; ethnic world view; descriptive names; names-desiderates

УДК 81'373.2: 82-1

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АУРЫ ПОЭТОНИМОВ НА ВЫБОР ВАРИАНТА ИМЕНОВАНИЯ РЕФЕРЕНТА

© Ксения Сергеевна ФЕДОТОВА

Донецкий национальный университет

83001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24

E-mail: donnu.rector@mail.ru

ассистент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина

E-mail: ks-weiss@mail.ru

Описано функционирование антропонимов и топонимов, относящихся к именованию одного референта: 1) *Агамемнон – Атрид*; 2) *Одиссей – Улисс*; 3) *Ольга – Эльга*; 4) *Троя – Илион*; 5) *Константинополь – Стамбул – Царьград* в поэтическом языке Н. Гумилева. Раскрыты причины выбора автором указанных собственных имен, описаны порождающие ими художественные смыслы и совокупная семантика, которая служит воплощению определенной идеи произведения и не сводима к формальному «сложению» семантически компонентов. Охарактеризовано происхождение и языковые формы некоторых топонимов, репрезентирующих объекты номинаций. Показано, что семантика собственного имени формируется во взаимодействии формы поэтонима, характера объекта номинации и тематики произведения. Поэтонимы тематически сгруппированы, схематически представлена связь разряда имени и порождаемой им семантики.

Ключевые слова: поэтоним; объект номинации (референт); семантическое поле; поэтика; национальная форма имени

Под референтом в языке понимается «любой объект, названный собственным именем» [1, с. 53]. Применительно к языку писателя поэтонимы, относящиеся к единому референту могут быть рассмотрены как в пределах одного, так и в рамках нескольких текстов автора. При этом поэтонимы, репрезентирующие в языке писателя единый объект номинации, в реальном ономастиконе могут отсылать к разным референтам.

Различие методологий в рассмотрении языка писателя и живого языка видится в отношении к первому не как к системе знаков, а как к совокупности высказываний и их смыслов, которые порождаются заново при каждом прочтении художественного произведения. Язык писателя является лексически замкнутым, но потенциально семантически бесконечным в силу диалогичной структуры отношений «автор-читатель» целым. Идею рассматривать текст не как событие языка, а как событие речи, систематически поддерживает в своих исследованиях, например, В.В. Федоров: «<...> поэтический мир, помимо изображенных в слове и подлежащих восприятию действий героев, включает в себя такие действия, субъектом которых является читатель. Переживаемая читателем эмоция, будучи событием его, вполне личной, душевной жизни, есть одновременно и собы-

тие произведения» [2, с. 212]. На принципиальное отличие лингвистического и литературоведческого подходов к исследованию художественных текстов первым в отечественной филологии обратил внимание М.М. Бахтин: «Можно идти к первому полюсу, т. е. к языку, языку автора, языку жанра <...> Можно двигаться ко второму полюсу – к неповторимому событию текста. Между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста» [3, с. 303-304]. Поэтонимология (литературная ономастика) расположилась на «экваторе» между этими двумя полюсами.

С одной стороны, предметом поэтонимологии являются собственные имена, функционирующие в одном отдельно взятом произведении, – и тогда при их описании невозможно обойти стороной порожденную их взаимодействием совокупную семантику. С другой стороны, предмет этой научной дисциплины могут быть собственные имена из разных произведений одного цикла, сборника или даже всего творческого наследия автора. Динамике изменений семантики одного поэтонима в разных стихотворениях цикла посвящена, например, статья М.В. Бувевской [4]. Попытки систематического описания писательской топонимии как

единого целого предприняты в работах И.И. Страхова [5], К.Ю. Курс [6], автора этой статьи [7] и др. В целом в поэтонимологических работах последних лет наблюдается интерес исследователей к описанию поэтонимии разных текстов одного автора, что говорит о восприятии ономастической составляющей языка писателя как художественного единства, раскрытие структурных, тематических и семантических взаимосвязей которого помогает понимать авторской поэтики.

В этой статье предпринята попытка рассмотреть разные по форме, но отсылающие к одному референту поэтонимы, функционирующие в лирике Н.С. Гумилева. К таким собственным именам относятся части одной антропоформулы (имя, фамилия, прозвище, родовое имя и т. д.) и национальные формы одного и того же имени.

Описание причин употребления автором подобных собственных имен, порождаемых ими художественных смыслов и совокупной семантики важно для многогранного представления поэтонимии писателя: предпочтений в выборе онимной лексики, художественных идей, которые автор воплощает благодаря употреблению поэтонима в той или иной языковой форме. При этом семантическое «поле», которое имеет имя в художественном тексте, формируется взаимодействием формы имени, характера объекта номинации и контекста, потому что «доминирующим, определяющим выбор онима для конкретного объекта реального мира является фактор системности, а в формировании поэтонимосферы доминантой оказываются коннотирующие возможности собственных имен» [8, с. 277].

Зафиксировано более пятидесяти случаев употребления различных по форме антропо- и топонимов, относящихся к одному объекту номинации в поэзии Н.С. Гумилева. Каждая пара или, в одном случае, триада таких имен заслуживает отдельного рассмотрения. В статье приведены лишь некоторые из них, выявлены причины выбора того или иного собственного имени в зависимости от его семантики и роли в стихотворении, проведены параллели с некоторыми другими тематически близкими произведениями Н.С. Гумилева.

Лирический герой стихотворения «Воин Агамемнона» тоскует по своему погибшему

военачальнику, названному в тексте по родовому имени – *Атридом*: / *Смутную душу мою тяготит / Странный и страшный вопрос: / Можно ли жить, если умер Атрид, / Умер на ложе из роз? //* (здесь и далее тексты стихотворений цитируются по [9]).

Атридами именовали потомков Атрея, отца Агамемнона и Менелая. Греческий миф свидетельствует о жестоком характере Атрея: желая отомстить своему брату Фиесту, он убил его сыновей и приказал приготовить из их тел обед, который Фиест в неведении съел. Позже сам Атрей погиб от руки другого сына Фиеста – Эгисфа. В «Одиссее» Гомера Эгисф убил вернувшегося из Троянской войны Агамемнона и вступил в связь с его женой Клитемнестрой. Внутриродовая вендетта прервалась после смерти сына Агамемнона Ореста, убившего предателя Эгисфа и свою неверную мать Клитемнестру. Последний сюжет неоднократно воплощался в мировой литературе: у Еврипида, Расина, Вольтера, Гете. Н.С. Гумилева же, вероятно, больше привлекала противоречивая личность отца Ореста. Ключ к пониманию того, что речь в стихотворении идет именно об Агамемноне, дает упоминание о нем как о «вожде золотоносных Микен», и заголовок, – по имени в тексте произведения он не назван, а поэтоним *Атрид* может относиться также к Менелая и Оресту. Но именно благодаря родовому имени воплощается идея преемственности, ответственности потомков за действия предков – идея, в общем близкая Гумилеву как «последователь» Адама: / *И в юном мире юноша Адам, / Я улыбаюсь птицам и плодам //* («Влюбленные, чья грусть, как облака»); / *Но я рад, что еще ребенок / Глотнул воздушной волны. // Он будет ходить по дорогам / И будет читать стихи, / И он искупит перед Богом / Многие наши грехи //* («Новорожденному»).

Взаимосвязь имен *Атрид* и *Агамемнон* в приведенном примере служит порождению художественных смыслов, которые надстраиваются над смысловым полем отдельно взятых поэтонимов: *Агамемнон* – герой, храбрый воин / *Атрид* – потомок Атрея = *Агамемнон* – прекрасный воин, предательски убитый потомок Атрея. При этом принадлежность *Агамемнона* к древнему роду оценивается положительно, сам же лирический герой представлен как безродный и, в срав-

нении с погибшим, ничтожный: / *Что я? Обломок старинных обид, / Дротик, упавший в траву. / Умер водитель народов, – Атрид, / Я же, ничтожный, живу* /. Обломок – нечто не цельное, утратившее связь с изначальным единством. С этой точки зрения Агамемнон – не «обломок», а продолжатель, естественный результат и следствие «старинных обид».

Вариативны сюжеты легенд и мифов, связанных с гибелью Агамемнона: у Гомера воина убивает Эгисф, но в трагедиях, например, в «Орестее» Эсхила, причина смерти героя – его жена Клитемнестра. Она убила Агамемнона из мести за свою дочь Ифигению и желания связать судьбу с Эгисфом. В стихотворении Н.С. Гумилева прямо о причине гибели Атрида не сказано, но предположение возможно: как *Ева* – виновница изгнания Адама («Адам»), так *Клитемнестра* – виновница гибели Агамемнона.

Поэтоним Агамемнон в стихах Н.С. Гумилева встречается три раза (с учетом заголовка), в которых семантическое поле объекта номинации – «герой, сильный воин, человек, одержимый битвой»: / *И в дни прекраснейшей войны, / Которой кланяюсь я земно, / К которой завистью полны / И Александр и Агамемнон* / («Ода Д'Аннунцио»); / *Я так часто бросал испытующий взор / И так много встречал отвечающих взоров, / Одиссеев во мгле пароходных контор, / Агамемнонов между трактирных маркеров* / («Современность»). Но совокупное употребление этих имен в одном произведении расширяет семантический спектр поэтонима, добавляет к нему значение родовой преемственности, взаимосвязи времен и поколений.

В стихотворении «Отвечай мне, картонажный мастер» упомянуто название легендарного города Троя: / *В этом мире есть большие звезды, / В этом мире есть моря и горы, / Здесь любила Беатриче Данта, / Здесь ахейцы разорили Трою!* / – речь идет о древнем городе глазами современных поэту людей. Происхождение названия Трои (греч. Τροία) связывают с именем древнего царя Троса, внука Дардана, как это описано у Гомера. В его честь получила название и местность Трояда. Но в «Илиаде» Гомера более употребительно иное название, произошедшее, как и название поэмы, от имени Ила, сына Троса, – Илион (Ιλιον): / *Царь Эрихфо-*

ний родил властелина могучего Троса; / Тросом дарованы свету три знаменитые сына: / Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный / (песнь XX) [10, с. 386]. И хотя с Троей и Илионом чаще всего связывают одну и ту же местность, второй топоним представляется более редким и – почему-то – более древним. «/ *Вот Антином... разъяренные / взгляды... / Сам он громаден и грузен, как слон, / Был бы он первым героем Эллады, / Если бы с нами отплыл в Илион* /» – в стихотворении «Избиение женихов» и топонимизмом Эллада, и топонимизмом Илион передают названия местностей глазами древних людей (древних греков).

Поэтонимы Троя и Илион семантически дифференцированы: каждое имя выполняет свою роль в тексте, называет местность с разных «точек зрения» (термин Б.А. Успенского). При этом акцентируется не этимология поэтонима (этимологически более древним является топоним Троя), а степень его узуральности.

Интересна триада топонимов *Константинополь – Стамбул – Царьград*. Имена этого древнего города, стоящего по обоим берегам Босфора, в разные времена были названиями столиц трех империй: Римской, Византийской и Османской. Имя Константинополь город получил в честь императора Константина Великого, при котором христианство стало официальной религией Римской империи. Этот топоним встречается только в заголовке одноименного стихотворения, в тексте же город назван *Стамбулом*: / *Еще близ порта орали хором / Матросы, требуя вина, / А над Стамбулом и над Босфором / Сверкнула полная луна* / («Константинополь»). Поэтоним в тексте представляет местность глазами лирических субъектов – мусульман паши и его жены. Название Стамбул город получил после того, как был завоеван турками. Название же Константинополь – греческое, христианское, а также более распространенное в начале XX в. Гумилев-автор именует город по-христиански, как его было принято именовать в России во времена поэта. Но там, где важно передать атмосферу жизни в городе через поступки персонажей, их глазами – Н.С. Гумилев возвращает городу его турецкое название.

На Руси столицу христианской державы Византии называли Царьградом: / *Ответь,*

*ужели так и надо, / Чтоб был, свидетель злых обид, / У золотых ворот **Царьграда** / Забыт Олегов медный щит? / «Швеция»*) – контекст отсылает к историческому событию – походу русского князя Олега на Византию в 907 г. По преданию, в память об успехе военного предприятия князь прибил свой щит к воротам города («Победой отм»). С точки зрения языка Стамбул, Константинополь и Царьград – названия одного и того же города, но в разные периоды истории. Но с точки зрения поэтики это не совсем так: *Царьград* – это *древний город*, упомянутый в контексте описания событий древнерусской истории, а *Стамбул* и *Константинополь* – *города, современные поэту*. Потому фактически объекты номинации в триаде этих топопоэтонимов разные. Для Н.С. Гумилева важно было выбрать такое название, которое, кроме простой номинации местности, характеризовало бы город изнутри художественного мира, глазами персонажей произведений.

Предпочтение той или иной национальной формы имени в зависимости от контекста наблюдается в паре поэтонимов *Одиссей* – *Улисс*, первый из которых употреблен четыре раза в четырех стихотворениях и используется в значении «легендарный герой, персонаж поэм Гомера»: */ И смерть придет ко мне на зов, / Как **Одиссей**, боец в Пергаме / («Моя душа осаждена»), / Встал **Одиссей** на высоком пороге, / В грудь Антиноя он бросил стрелу / («Избиение женихов»), / Брось, **Одиссей**, эти стоны притворные, / Красная кровь вас с землей не разлучит / («Ахилл и Одиссей»), / И пальма, о которой **Одиссей** / Рассказывал смущенной Навзикае / («Об Адонисе»)). Все примеры содержат отсылки к сюжетам или текстам поэм Гомера, а сам воин представлен в героическом ореоле.*

Как известно, имя Одиссей (Ὀδυσσεύς) – греческое, а Улисс (Ulysses) представляет собой римский вариант именованного героя. Последний поэтоним менее частотен (упомянут два раза в двух стихотворениях), но его семантика иная: *Улисс* – «легендарный мореплаватель, путешественник, авантюрист»: */ Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий, / Синдбад-Мореход и могучий **Улисс**, / О ваших победах гремят в дифирамбе / Седые валы, набегая на мыс! / («Вы все, паладины Зеленого Храма»), / Неужель хоть одна есть крыса / В грязной кухне иль червь в норе, /*

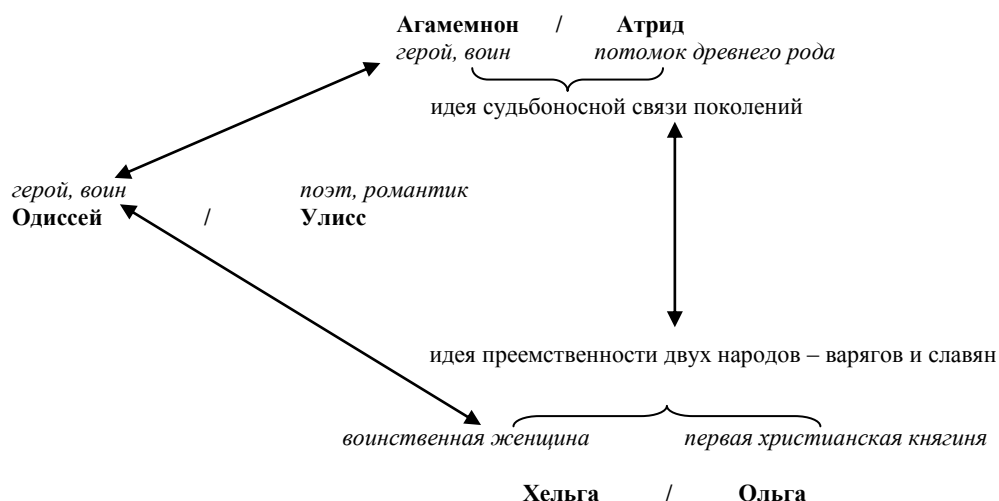
*<...> / Что не слышат **песен Улисса**, / Призывающего к игре? / («Снова море»)). В поэтонимном ряду в первом примере *Улисс* соседствует с именами первооткрывателей, авантюристов и завоевателей. Во втором примере семантика поэтонима расширяется: *Улисс* – поэт, *Улисс* – игрок. Это имя лишено аллюзий на сюжеты гомеровских поэм, которые сопровождают поэтоним *Одиссей*. Вместо этого имя *Улисс* звучит в совершенно других тональностях – от мажорно-героической к минорно-романтической. И как результат – становится в новые поэтонимные ряды. Общие семы «воин», «герой», «боец» выявлены у поэтонимов *Одиссей* – *Ахилл* – *Агамемнон*, а семы «поэт», «авантюрист», «романтик» – у имен *Улисс* – *Синдбад* – *Сенегамбий* – *Помпей*. Имея в виду жизненный путь Н.С. Гумилева, Л.М. Сорокина назвала его поэтом-воином [11]. Такая характеристика применима и к его творчеству: два начала – поэзия и борьба – гармонично взаимодействуют, дополняют друг друга в художественном мире поэта.*

*/ Все забыл я, что помнил ране, / Христианские имена, / И **твое лишь имя, Ольга**, для моей гортани / Слаще самого старого вина /* – так в одноименном стихотворении представлено имя русской княгини, вдовы убитого древлянами князя Игоря Рюриковича. Ольга первой из русских правителей приняла христианство, в православной традиции она причислена к лику святых за начало внедрения христианских традиций в языческое славянское общество. Но в «Повести временных лет» описаны и другие, менее благородные, «деяния» княгини: желая отомстить за убийство мужа, она неоднократно расправлялась с древлянами: уничтожила их поселение, заживо сожгла в запертой бане прибывших к ней послов: */ «**Ольга, Ольга!**» – вопили древляне / С волосами желтыми, как мед, / Выцарапывая в раскаленной бане / Окровавленными ногтями ход /*. «Желтоволосые» древляне – славяне, призывая княгиню, они зовут ее славянским именем, но Н.С. Гумилев называет ее иначе: */ «**Эльга, Эльга!**» – звучало над полями, / Где ломали друг другу крестцы / С голубыми, свирепыми глазами / И жилистыми руками молодцы /* – так призывали во время битвы бесстрашные воины (скорее всего, варяги) свою княгиню.

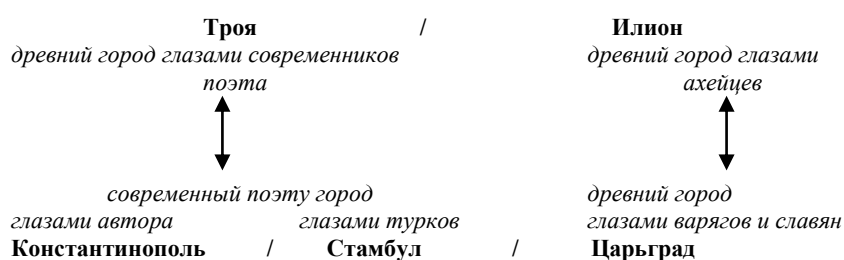
Имя Ольга было заимствовано в эпоху Древней Руси и является вариантом древнескандинавского имени Эльга (Хельга, Helga) [12, с. 170], значит, имя это – варяжское, а Рюрик и его преемники, как известно, были варягами, т. е. язычниками. Н.С. Гумилев акцентирует и противопоставляет национальные формы имен для того, чтобы воплотить идею столкновения и борьбы двух миров – языческого и христианского – в истории Древней Руси. И варяжское, дикое, начало воспринято поэтом положительно – как двигатель развития, преобразования и становления Руси. В более раннем, чем «Ольга»,

стихотворении «Швеция» Русь представлена как страна, родственно и исторически связанная с северными народами: / *Для нас священная навеки* / Страна, ты помнишь ли, скажи, Тот день, как из Варягов в Греки / Пошли суровые мужи? /. Но, обращаясь к современности, поэт сетует на утраченные связи и память об исторической преемственности, и как следствие этого – вражду народов: / *И неужель твой ветер свежий* / Вотще нам в уши сладко выл, / *К Руси славянской, печенежской* / Вотще твой Рюрик приходил? /.

Приложение 1. Тематические взаимосвязи антропонимов с единым объектом номинации



Приложение 2. Тематические взаимосвязи топонимов с единым объектом номинации



Анализ тематических связей рассмотренных имен выявил зависимость порождаемой поэтонимом семантики. Так, в схеме тематических взаимосвязей антропоэтонимов с единым референтом (приложение 1) выделена общая сема «герой» в именах *Агамемнон*, *Одиссей*, *Эльга*. Варианты этих имен дополняют (*Атрид*), расширяют (*Ольга*) семантику указанных поэтонимов, или функционируют как самостоятельные поэтонимы, лишь формально сохраняющие со своим вариантом единый объект номинации (*Улисс*). При этом совокупная семантика, порождаемая взаимодействием пар *Агамемнон* – *Атрид* и *Ольга* – *Эльга*, не только не определяется формальным сложением двух семантических компонентов, но представляет собой надмирное (надтекстовое) единство, цель которого – воплотить определенную художественную идею. Так, для пары *Агамемнон* – *Атрид* это идея судьбоносной связи поколений, ответственности потомков за дела предков, а в паре *Ольга* – *Эльга* – идея исторической преемственности двух народов – славян и варягов.

В приложении 2 схематически представлены тематические взаимосвязи топопоэтонимов с единым референтом. Поэт выбирает форму топопоэтонима в зависимости от героя или персонажа, с которым это имя будет сюжетно связано. Выделяются названия местностей, представленные глазами современников поэта, и названия, показанные глазами древних людей.

Так, в паре *Троя* – *Илион* оба топопоэтонима содержат отсылку к древнему городу, но название *Троя* более распространено, т. е. более узуально, потому при именовании этой местности глазами ахейцев поэт выбирает более редкую форму *Илион*.

В триаде *Константинополь* – *Стамбул* – *Царьград* последний топопоэтоним репрезентирует город глазами древних славян и варягов, а первые два – тот же город, но глазами современников поэта. При этом турецкое название *Стамбул* употреблено в сюжете, раскрывающем взаимоотношения мусульман паши и его жены, т. е. выбран тот вариант имени, который использовали турки. А поэтоним *Константинополь*, употребленный в заголовке этого стихотворения, свидетельствует о восприятии города глазами автора – как древнего города-столицы первой христианской империи Византии.

Анализ тематических связей рассмотренных имен выявил зависимость порождаемой поэтонимом семантики и его разряда. Так, в схеме тематических взаимосвязей антропоэтонимов с единым референтом (Приложение 1) выделена общая сема «герой» в именах *Агамемнон*, *Одиссей*, *Эльга*. Варианты этих имен дополняют (*Атрид*), расширяют (*Ольга*) семантическое поле указанных поэтонимов, или функционируют как самостоятельные поэтонимы, лишь формально сохраняющие со своим вариантом единый объект номинации (*Улисс*). При этом совокупная семантика, порождаемая взаимодействием пар *Агамемнон* – *Атрид* и *Ольга* – *Эльга*, не только не определяется формальным сложением двух семантических компонентов, но представляет собой надмирное (надтекстовое) единство, цель которого – воплотить определенную художественную идею. Так, для пары *Агамемнон* – *Атрид* это идея судьбоносной связи поколений, ответственности потомков за дела предков, а в паре *Ольга* – *Эльга* – идея исторической преемственности двух народов – славян и варягов.

В приложении 2 схематически представлены тематические взаимосвязи топопоэтонимов с единым референтом. Поэт выбирает форму топопоэтонима в зависимости от героя или персонажа, с которым это имя будет сюжетно связано. Выделяются названия местностей, представленные глазами современников поэта, и названия, показанные глазами древних людей.

Так, в паре *Троя* – *Илион* оба топопоэтонима содержат отсылку к древнему городу, но название *Троя* более распространено, т. е. более узуально, потому при именовании этой местности глазами ахейцев поэт выбирает более редкую форму *Илион*.

В триаде *Константинополь* – *Стамбул* – *Царьград* последний топопоэтоним репрезентирует город глазами древних славян и варягов, а первые два – тот же город, но глазами современников поэта. При этом турецкое название *Стамбул* употреблено в сюжете, раскрывающем взаимоотношения мусульман паши и его жены, т. е. выбран тот вариант имени, который использовали турки. А поэтоним *Константинополь*, употребленный в заголовке этого стихотворения, свидетельствует о восприятии города глазами ав-

тора – как древнего города-столицы первой христианской империи Византии.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
2. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия. Донецк, 2008.
3. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
4. Бувеская М.В. Центробежные и центростремительные силы в поэтонимосфере лирического цикла // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2009. Вып. 13. С. 7-21.
5. Страхов И.И. Ономастика М.М. Пришвина, отражающая Тверской край // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 320-326.
6. Курс К.Ю. Большая родина в поэзии И.В. Исаковского // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 291-300.
7. Федотова К.С. От о. Цитеры до Парижа (трансформация топонимов в поэтическом мире Г. Иванова) // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 332-342.
8. Калинин В.М. О проблематике теории поэтонимосферы // Имя собственное в жизни и литературе. К., 2015. С. 273-280.
9. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1998–2001. Т. 1-4. Стихотворения. Поэмы.
10. Гомер. Илиада / пер. с др.-греч. Н. Гнедича. М., 1978.
11. Сорина Л.М. Поэт и воин Первой мировой войны Н.С. Гумилев. URL: <https://gumilev.ru/biography/46/> (дата обращения: 01.02.2016).
12. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен (около 2600 имен). М., 1966.

References

1. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terms]. Moscow, 1978. (In Russian).
2. Fedorov V.V. *Problemy poeticheskogo bytiya* [Problems of poetic existence]. Donetsk, 2008. (In Russian).
3. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the

hero. To the philosophic basis of humanities]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

4. Buevskaya M.V. *Tsentrobezhnye i tsentrostremitel'nye sily v poetonimosfere liricheskogo tsikla* [Centrifugal and circular force in poetonymosphere of lyric cycle]. *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiy sbornik* [East-Ukrainian linguistic collection]. Donetsk, 2009, no. 13, pp. 7-21. (In Russian).
5. Strakhov I.I. *Onomastika M.M. Prishvina, otrazhayushchaya Tverskoy kray* [M.M. Prishvin's onomastics reflecting Tverskoy krai]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 320-326. (In Russian).
6. Kurs K.Yu. *Bol'shaya rodina v poezii I.V. Isakovskogo* [Big native land in I.V. Isakovskiy poetry]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 291-300. (In Russian).
7. Fedotova K.S. *От о. Tsitery do Parizha (transformatsiya topopoetonomov v poeticheskom mire G. Ivanova)* [From the island Cyter to Paris (toponym's transformation in an artistic world of Georgiy Ivanov)]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 332-342. (In Russian).
8. Kalinkin V.M. *O problematike teorii poetonimosfery* [About problems of poetonymosphere theory]. *Imya sobstvennoe v zhizni i literature* [Personal name in life and literature]. Kiev, 2015, pp. 273-280. (In Russian).
9. Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. Stikhotvoreniya. Poemy* [Complete set of works in 10 vols. Poetry. Poems]. Moscow, 1998–2001, vol. 1-4. (In Russian).
10. Gomer. *Iliada* [the Iliad], trans. from Ancient Greek N. Gnedich Moscow, 1978. (In Russian).
11. Sorina L.M. *Poet i voyn Pervoy mirovoy voyny N.S. Gumilev* [The poet and the warrior of the World War I N.S. Gumilev]. Available at: <https://gumilev.ru/biography/46/> (accessed 01.02.2016).
12. Petrovskiy N.A. *Slovar' russkikh lichnykh imen (okolo 2600 imen)* [Russian dictionary of personal names (about 2600 names)]. Moscow, 1966. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.04.2016 г.

Received 24 April 2016

UDC 81'373.2: 82-1

INFLUENCE OF SEMANTIC AURA OF POETONYMS ON VARIANT OF NOMINATION OF ABSTRACTER CHOICE

Kseniya Sergeevna FEDOTOVA

Donetsk National University

24 Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

E-mail: donnu.rector@mail.ru

Assistant of General Linguistics and Language History named after E.S. Otin Department

E-mail: ks-weiss@mail.ru

Functioning of antropoetonyms (human names in literary works) and topopoetonyms (place names in works of art) such as 1) *Agamemnon – Atrides*, 2) *Odysseus – Ulysses*, 3) *Olga – Helga*, 4) *Troy – Ilion*, 5) *Constantinople – Istanbul – Tsarigrad* used in poetry by N. Gumilev have been considered. The whys and wherefores of poetonym usage are revealed, its artistical meaning and cumulative semantics which externates particular writer's ideas and cannot be leaded out of given semantic components simple addition. Etymology and linguistics forms of protonyms (names used as a basic source of its variant in literary art) are described when it is needed. The point that semantic sphere of proper name is organized by cooperation of proper names form, nominative object type and themes of literary work has been shown. Cooperation between class of poetonyms and meaning which they have in a plot is schematically illustrated.

Key words: poetonym; nomination object (abstracter); semantic sphere; poetics; national form of proper name

УДК 81'373.2

КАВКАЗСКИЙ ОНОМАСТИКОН В ПРОЗЕ ГАРИЯ НЕМЧЕНКО КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «КАВКАЗ»

© Саида Казбековна САПИЕВА

Адыгейский государственный университет

385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

E-mail: adsu@adygnet.ru

кандидат филологических наук, кафедра русского языка как иностранного

E-mail: atika16@yandex.ru

Предпринята попытка комплексного описания топонимической единицы *Кавказ* в синхронии и диахронии с учетом истории ее становления, рассмотрения топонима Кавказ в лексико-семантическом аспекте (с элементами исторического комментария), что позволило выявить топонимические универсалии и уникальные элементы, обусловленные всей сложностью и своеобразием культурно-исторического развития данного региона России. При характеристике современного состояния лингвокогнитивных исследований в качестве основной проблемы обозначена ориентация на ту роль, которая отводится топонимическим единицам в концептуализации и категоризации окружающей действительности. Выявляются способы репрезентации концепта *Кавказ* в индивидуально-авторском дискурсе на материале прозы Г.Л. Немченко, что позволяет эксплицировать знания и представления автора о Кавказе и отражает ментальные особенности писателя как языковой личности – носителя русской культуры. Представляя национальный колорит, характерный для кавказских народов, Г.Л. Немченко использует кавказскую экзотическую лексику, в состав которой входят как нарицательные, так и собственные имена. Рассматриваются два разряда онимов: *антропонимы*, куда входят реальные и ирреальные онимы, и *топонимы*, куда входят хоронимы, ойконимы, оронимы и гидронимы. Обосновывается полифункциональность имен собственных в творчестве писателя: во-первых, они отражают культурное наследие народов Кавказа: специфику каждого этноса, с одной стороны, и их духовное единство – с другой; во-вторых, они репрезентируют важнейший процесс этноязыкового и этнокультурного контактирования в условиях современности; в-третьих, они являются ярким выразительным средством идейного замысла писателя. Осмысление лексемы *Кавказ* на материале ономастического пространства прозы Г.Л. Немченко позволяет выявить и сравнить особенности восприятия образа Кавказа в сознании российского социума и в авторском восприятии.

Ключевые слова: концепт; топонимы; антропонимы; индивидуально-авторский стиль; диалог культур

Испокон веков имена людей считались хранителями человеческих тайн, своего рода кодами этнического сознания, благодаря которым можно было выявить особенности духовной культуры народа, его традиции, религиозные взгляды и эстетические представления. «Личные имена представляют собой активные языковые средства, отражающие как прошлое народа, так и современный уровень его жизни и практической деятельности» [1, с. 23].

Ономастическая лексика, репрезентирующая концепт *Кавказ* в текстах Г.Л. Немченко, образует объемное ономастическое поле, включающее в себя:

1) наименования территорий и природных объектов: хоронимы (*Россия, Адыгея, Осетия*); ойконимы (город *Майкоп*, аул *Гатлукай*, окказиональные административные наименования типа *Асланопад – городок* («выросший на окраине Майкопа вокруг дома

президента Аслана Джаримова») («Вольный горец») [2, с. 60], и «благостные названия станиц в предгорьях Кавказа *Отрадная и Удобная, Спокойная и Надежная, Изобильная и Благодарная, Бесстрашная и Отважная*» [2, с. 12]; гидронимы (река *Псекупс*, река *Терек* и т. д.); оронимы (гора *Эльбрус, Кавказский хребет*);

2) личные реальные и ирреальные имена персонажей (антропонимы – *Ирбек Кантемиров, Юнус Чуяко, Тембот Керашев*, мифонимы – *Сосруко, Сырдон, Тлеши* и др.).

Особый фрагмент ономастического пространства в текстах Г.Л. Немченко образуют личные имена, которым писатель уделяет первостепенное значение, поскольку, по мнению писателя, имя уже само по себе это и знак, и символ, и судьба, и, своего рода, орудие познания другого мира и другой культуры. Недаром встарь у абазин дальний набег именовался: «поход за именем». Не случайно

у знаменитых русских меценатов существовал девиз «*Богатство – государству, имя – себе*».

Как известно, в системе языковых средств все содержательно, все элементы стилистически взаимообусловлены и органически связаны с содержанием. Антропонимы, входящие в структуру произведения, связаны с содержанием как один из элементов художественного выражения. Большей частью они выступают в роли маркеров реальной действительности и используются в портретных зарисовках.

В текстах Г.Л. Немченко кавказский антропонимикон представлен достаточно широко: здесь можно встретить имена черкесов, балкарцев, осетин, чеченцев, абхазов и многих других представителей кавказских этносов. Самую активную группу составляют адыгские имена. Писатель использует около 100 имен, которые являются именами как главных, так и второстепенных персонажей. В каждом рассказе имя главного героя помогает реализовать творческий замысел автора. Широкое использование личных имен кавказцев позволяет Г.Л. Немченко не только представить их фонетическое своеобразие, но и передать образ горского человека через закрепленное за ним имя. Например:

«Прошло уже около двух десятков лет – может быть, теперь я не узнал бы Магомеда в толпе... Но ощущение острого и глубокого ума, удивительной доброжелательности и природного изящества до сих пор живы в памяти...» («Счастливая черкеска») [3, с. 80].

«И для начала он посылал Казика с его цирком куда подальше, а потом начал посылать с поручениями... Как настоящий кавказец, Казик старшему подчинялся, но ночью, ткнувшись в подушку, скрипел зубами и молча глотал слезы. Достоинство Казика страдало [3, с. 48].

Г.Л. Немченко в своих произведениях использует личные имена как информативные знаки, свидетельствующие об авторском отношении к описываемым событиям и выступающие в роли *хронотопов кавказского общества*:

«В каждом народе есть люди, которые своим подвижническим примером и безукоризненным нравственным опытом не только скрепляют прошлое с настоящим,

но и настоящее с будущим... Таков Ирбек Кантемиров, одним своим незапятнанным именем сплавивший нынче и много-страдальную Осетию, и сбитый с толку... Северный Кавказ, и всю беспокойную страдающую Россию [3, с. 61].

Автор намеренно сохраняет тот звуковой облик и точность передачи имен для того, чтобы показать их национальную специфику, связанную с образом жизни горцев, с религией и другими факторами, так или иначе отражающихся в их значениях. Адаптированные к русской языковой системе кавказские имена читателю предоставляются как *исконного типа*, например, адыгские *Учужук* (кабард. дословно «сын Увыжа»), *Пишмаф* (адыгпши – «князь», маф – «счастливый»), *Шхамбий* (адыг. шыхам – «головы» + бий «господин»), так и *заимствованного типа* (преимущественно из мусульманского мира). Например, адыгские *Хаджекыз* (от тюрк. «беленькая девушка»), *Зоя* (от греч. «жизнь»), *Шамиль* (от араб. «всеобъемлющий») и ряд других [4].

Проблему межнациональных взаимоотношений и ее особую актуальность в сегодняшние дни писатель поднимает в книге «Счастливая черкеска». В других рассказах Г.Л. Немченко искренне и с большим уважением отзывается о своем старшем друге и побратиме, используя согласованные и несогласованные прилагательные. Ср.: «*Великим Горцем*», «*Великим Джигитом*» и просто «*Человеком с большой буквы*».

Описание жизни и цирковой деятельности *Ирбека Кантемирова* и его семьи – знаменитых братьев *Хасанбека* и *Мухтарбека* во главе с их отцом – родоначальником цирковой конной династии *Алибеком Тузаровичем*, является очередным свидетельством не только богатейшей культуры народов Кавказа, но и символизирует образец высокого кавказского рыцарства, а их искусство – пример взаимопроникновения и диалога национальных культур.

Герой многих рассказов писателя *Ирбек Кантемиров* представляет собой типизированный образ горца, синтезирующий в себе лучшие черты не только осетинского, но и всего кавказского этноса.

«Больше двадцати лет назад мой покойный друг Георгий Черчесов познакомил меня с Ирбеком Кантемировым, цирковым наезд-

ником, профессиональным джигитом, а самое главное – удивительным человеком, прожившим очень сложную жизнь, но и к почтенным годам **сохранившим в себе и незамутненную всемирной славой душу, и все самые лучшие, самые благородные качества легендарных кавказских наездников тех времен, о которых сложены героические песни и написаны толстые романы...**» [3, с. 16-17].

«Откуда в нем (Ирбеке. – С. С.), и действительно, было столько мужества и терпения? В горькие для страны дни – столько достоинства и самоотверженности, почти отчаянного великодушия, которое по горскому кодексу чести выше храбрости» [3, с. 206].

Примеры взаимовыручки, сплоченности, благородства, щедрости и доброты всегда в текстах Г.Л. Немченко сопровождают образы кавказских героев:

«До чего мягок, до чего добр, сердечен и обаятелен был он (Ирбек. – С. С.) в обычной жизни... «и не знал ни зависти, ни злости» [3, с. 146-147].

Сквозь призму образов известных осетинских джигитов в произведении «Счастливая черкесска» раскрывается тема человеческой тайны. Так, после очередного захватывающего циркового представления *Мухтарбек Кантемиров* предстает не как «неутомимый гигант», а как опустивший голову и задыхающийся от усталости человек, который вдруг понимает, что *«тайна, которую, глядя на осетинских наездников, все хотелось постичь, – в бесконечном преодолении препятствий, которые возникают и в нас самих, и вокруг нас. Полное и мужества, и тяжелого труда, и, бывает, муки преодоления, которое позволяет не только всегда выглядеть в глазах других и сильным, и обязательно достойным – но быть таким и на самом деле, и в жизни»* [3, с. 28].

Эти препятствия бывают самого разного характера, в т. ч. и межличностного, межязыкового, и дальнейший ход их развития или их преодоление зависит только от верности предпринятых человеком действий:

«Так оно в жизни устроено: каждое наше слово и каждый поступок отзываются в душе кого-то другого. Чем они отзываются? Трудным ли размышлением о преда-

тельстве или благодарностью за уроки добра и мужества?» [3, с. 27].

Слова писателя трудно комментировать. Часто даже в самих вопросах, обращенных к читателю, заложена глубинная мысль о необходимости гуманных отношений. И в этом плане образ *Ирбека Кантемирова* и его семьи олицетворяет тот самый гуманизм и толерантность, без которых невозможно представить современное духовное общенародное единство.

Являясь вербальным воплощением авторского замысла, имена собственные концентрируют в себе большой объем информации, а в некоторых случаях выступают в роли *ключевых текстообразующих единиц*, способствующих пониманию целостного смысла художественного произведения. Особую роль в этом плане играет имя великого осетинского джигита – циркача. Слово-сочетание *Ирбек Кантемиров* стало своеобразной «когнитивной опорой», скрепляющей его род и объективирующей концептосферу: патриарх рода *Алибек*, в 1907 г. выступивший впервые в цирке г. Батуми, его сыновья *Ирбек*, *Хасанбек*, *Мухтарбек*, *Маирбек* и сыновья его сыновей.

В индивидуально-авторской картине мира Г.Л. Немченко немисливо представление Кавказа без образа этого человека, что подтверждается и антропонимическими данными. Антропоним *Ирбек* в произведениях Г.Л. Немченко повторяется 346 раз, что свидетельствует о его знаковой и ценностной роли в раскрытии идейного содержания художественного текста. Имя *Ирбек* (и его варианты *Ирбек Кантемиров*, *Кантемиров Ирбек Алибекович*) содержит в себе сведения не только о конкретном реальном человеке и его жизнедеятельности, но и дополнительную информацию об особенностях культурных традиций, присущих его народу, и, в целом, о коллективной ментальности кавказцев.

В рассказах Г.Л. Немченко, наряду с реальными героями, мы встречаем и *ирреальные антропонимы*, называющие героев нартского эпоса, мифов и сказаний. Несмотря на малочисленность мифонимов в текстах, они также выполняют важную функцию, способствуя выявлению специфики национальной культуры жителей Кавказа, в данном случае адыгского и осетинского этносов. Так, мифонимы *Сосруко* и *Сырдон* – имена героев

нартского эпоса – в рассказах писателя чаще встречаются в диалогах персонажей и используются в качестве сравнительной характеристики. Например, когда *Ирбек Кантемиров* демонстрирует навыки мастерства в обращении с лошастью, восхищая зрителей, *Мухтарбек* сравнивает его с героем из осетинского эпоса:

«– **Сырдон!** – коротко сказал *Мухтарбек*. И вздохнул.

Я сперва не понял, наклонился к нему: что, что?

– Герой из наших «Нартов», – сказал *Миша*. – Из эпоса. **Сырдон...** то над ним смеются. То он что-нибудь такое устраивает. Нарты уговорили его зарезать последнего барана, потому что близится, мол, конец света – зачем тебе баран? Перед этим решили искупаться, а когда вышли из реки, не нашли своей одежды. Где она?.. А **Сырдон** им говорит: я бросил ее в огонь под котел, в котором варится мой баран. Зачем она вам? Все равно – конец света...» [3, с. 67].

И далее *Гарий Леонтьевич*, наблюдая за *Мухтарбеком*, угадывает в его образе адыгского бога кузнечного ремесла – *Тлешиа*:

«У меня был с собой любительский фотоаппарат, попросил братьев стать рядом: такие все-таки разные! Сухой и тонкий *Ирбек* в выцветшей джинсовой куртке и в мягких сапогах и бородастый, с широкой, как у кузнеца, грудью *Миша*... вот кто, и действительно, – **нарт!**»

Вот еще пример, где цирковой силач в разговоре *Махмуда* с писателем ассоциируется с героем адыгского нартского эпоса *Сосруко*.

– Так и что с циркачом?

– Увезли его тут же на полutorке – у них как раз автобус сломался, у циркачей... А когда отец спросил утром председателя: ну, как, мол, там этот приезжий **Сосруко**? Председатель поморщился и говорит: не спрашивай, *Абдуллах*! Лучшие не спрашивай [2, с. 159-160].

В рассказах *Гария Леонтьевича* особое место занимает мифоним *Уастарджи*. Бог *Уастарджи*, особо чтимый осетинами святой, самый главный персонаж в пантеоне осетинских божеств. В религии осетин он представляется покровителем мужчин, воинов, путников, защитником людей честных, бичом воров, плутов, клятвопреступников,

убийц. О степени культа бога *Уастарджи* можно судить по тому, что его имя нередко произносится рядом с именем Бога. С молитвы об *Уастарджи* начинается и кончается традиционный осетинский стол:

«Министр... сперва предложил тост в честь покровителя путников доброго бога **Уастарджи**, который, спасибо ему, помог гостю благополучно добраться к порогу дома старого друга... [2, с. 24].

Имя всевышнего Аллаха звучит почтительно в устах его героев:

«Спрашиваю: а сколько потом еще коней увели?

– Слава **Аллаху**, – отвечает, – больше ни одного не увел. Даже не пробовал. Может потому и остался самым удачливым? [5, с. 312].

– И не дай **Аллах**, потому что на это нельзя смотреть, как пятеро одного бьют [2, с. 449].

Таким образом, в художественном мире писателя взаимодействуют имена реальных лиц и имена героев кавказского эпоса. Относясь к традиционному фонду литературы народов Кавказа, мифонимы выступают как неотъемлемая часть ономастического пространства и реализуют текстообразующие номинации, благодаря которым они участвуют в репрезентации концепта *Кавказ*.

Как известно, топонимы выполняют важную функцию в жизни цивилизованного общества, они являются социальными ориентирами и «визитными карточками» стран и народов. В силу исторических условий и давнего возникновения, топонимы – это еще и своеобразные памятники истории, отражающие историко-культурные вехи жизни разных народов, живые свидетели былых событий [4, с. 56].

Уникальный этнический состав населения Кавказа, сложившийся в процессе освоения этих земель представителями разных народов, нашел отражение в существующих ныне названиях географических объектов. О некоторых из них повествуется в рассказах *Г.Л. Немченко*, где топонимы по своей функциональной направленности обозначают те географические объекты и места, где локализуется жизнь героев рассказов. По нашим данным, в рассказах *Г.Л. Немченко* функционируют 43 топонима, находящихся

на территории Кавказа. Эти топонимы делятся на следующие группы:

оронимы (названия гор – 8): *Кавказ, Кавказский хребет, Эльбрус, Казбек, Физиабго, Ахметка, Фишит, Лагонаки*;

хоронимы (названия национально-административных территорий – 12): *Абадзехия, Адыгея, Азербайджан, Армения, Бжедугия, Ингушетия, Кабарда, Осетия, Грузия, Чечня, Черкесия, Шапсугия*;

ойконимы (названия населенных пунктов – 15): аулы *Афипс, Бесленей, Гатлукай, Кошехабль, Малоабазинка, Пчегатлукай, Псебай, Урупский*; станицы *Абадзехская, Келермесская*; города *Владикавказ, Грозный, Майкоп, Нальчик, Тбилиси*;

гидронимы (названия рек – 9): *Афипс, Белая (Шхъагуацэ), Куржипс, Лаба, Пескупс, Теберда, Терек, Уруп, Фарс*.

Гарий Леонтьевич в своих текстах старается не просто употреблять то или иное название определенной местности, но и представляет дополнительную информацию о ней, иногда в форме метафоры. Так он описывает гору *Ахметку*, своим названием обязанную легенде о доблестном воине *Ахмете*, который здесь когда-то погиб:

– Вот это и есть *Ахметка*. Высокая гора, та, что справа. Место знаменитое: *кухня погоды для всего Северного Кавказа...*

– Так уж и для всего? – засомневался Володя... [3, с. 91-92].

А.В. Суперанская считает, что топонимия хранит в себе сведения о духовной культуре людей, ее создавших (слово, использованное в качестве основы названия, мотивировка названия, связь названия с культурно-историческим назначением именуемого объекта) [6]. В этом плане топонимическая лексика Кавказа, представленная в художественной картине мире писателя, является ключом, памятником и проводником в историю кавказского этноса и тем самым репрезентирует исследуемый концепт.

Таким образом, в своих рассказах писатель не случайно представляет читателю многообразие кавказских онимов, поскольку именно они отражают ценнейшие знания о мире носителей горских языков. Кавказские имена в своей семантике отражают бытовую и духовную стороны жизни горцев, их мировоззрение, мироощущение, систему ценностных ориентиров, которые в своей совокупно-

сти создают феномен *кавказской идентичности* или *кавказскости*, по определению А.Ю. Шадже, предполагающей под собой «дух, характер кавказских народов, кавказский менталитет» [7, с. 129]. Это, по мнению А.С. Щербак, объясняется тем, «что из концептосферы национального языка в концептосферу онимов отбирается лишь то, что имеет особое значение для формирования ментальных доминант этноса» [8, с. 5; 9]. В прозе Г.Л. Немченко структура концепта *Кавказ* вбирает в себя не только значимые для писателя простые ментальные образования, но и другие, более сложные, являющиеся *концептами* в индивидуально-авторской картине мира.

Содержание ономастических категорий (антропонимических и топонимических [10; 11]) обладает высокой ценностью, поскольку, с одной стороны, отражает особенности авторского творчества, с другой – представляет этнокультурные знания, аккумулирующие сведения о национальной специфике жителей Кавказа. Более того, включенные в текст ономастические единицы воспроизводят значимые биографические факты, связанные у писателя с Кавказом, что находит отражение практически во всех разрядах антропо- и тополексем. Например, здесь встречаются имена родных, друзей, близких, коллег, наименования многочисленных географических объектов и природных мест, в которых жил или которые посещал писатель.

Кавказские онимы, репрезентируя концепт *Кавказ*, служат той цементирующей базой многонационального региона, где каждый народ на протяжении многих веков хранит свои неповторимые традиции и где все вместе они воссоздают то единое духовное пространство, которое объединяет их на общей родине – России.

Список литературы

1. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / отв. ред. Р.Ю. Намитокова. М.: Флинта: Наука, 2012. 584 с.
2. Немченко Г.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Рассказы. М.: Современник, 2000. 511 с.
3. Немченко Г.Л. Счастливая черкеска. Владикавказ: Ир, 2008. 207 с.
4. Намитокова Р.Ю., Абрегов А.Н. В мире имен собственных. Майкоп: Издательство АГУ, 1998. 116 с.

5. Немченко Г.Л. Газыри: рассказы, записи, строки из дневника. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2006. 384 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
7. Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры / под ред. А.В. Дмитриева. Майкоп: Издательство АГУ, 2001. С. 128-145.
8. Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина; ООО «Центр-пресс», 2008. 197 с.
9. Щербак А.С. Способы репрезентации антропонимического концепта // Когнитивные исследования языка. Вып. 17. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 459-463.
10. Щербак А.С. Репрезентация концептуальной категории время в региональном топонимиконе // Когнитивные исследования языка. Вып. 15: Механизмы языковой когниции: сборник научных трудов / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Москва; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 143-148.
11. Щербак А.С., Казанкова А.А. Концептуальное мировосприятие топонимического пространства Тамбовского края (на примере Жердевского района) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 243-248.
12. [Maykop, Adygeya Republican Book Publ., 2006. 384 p. (In Russian)].
13. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p. (In Russian).
14. Shadzhe A.Yu. Fenomen kavkazskoy identichnosti [Caucasian identity phenomenon]. *Ocherki kavkazskoy kul'tury* [Caucasian culture sketches], ed. A.V. Dmitriev. Maykop, ASU Publ., 2001, pp. 128-145. (In Russian).
15. Shcherbak A.S. *Regional'naya onomastika v kognitivnom aspekte* [Regional onomastics in cognitive aspect]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., LLC "Tsentr-press", 2008. 197 p. (In Russian).
16. Shcherbak A.S. Sposoby reprezentatsii antroponimicheskogo kontsepta [The means of antroponymic concept representation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 17. Aktual'nye problemy vzaimodeystviya myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Cognitive researches of the language. Issue 17. Relevant problems of mental and language structures interaction]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2014, pp. 459-463. (In Russian).
17. Shcherbak A.S. Reprezentatsiya kontseptual'noy kategorii vremya v regional'nom toponimikone [Represenation of conceptual category of time in regional toponymicon]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 15: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive researches of the language. Issue 15. Mechanisms of language cognition: a collection of scientific works], series ed. N.N. Boldyrev, executive ed. of the issue V.Z. Dem'jankov. Moscow, Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2013, pp. 143-148. (In Russian).
18. Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Kontseptual'noe mirovospriyatie toponimicheskogo prostanstva Tambovskogo kraia (na primere Zherdevskogo rayona) [From the experience of studying of areal characteristics of oikonyms with dialect bases in comparison with areals of corresponding dialect lexical units]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 243-248. (In Russian).

References

1. *Svodnyy slovar' lichnykh imen narodov Severnogo Kavkaza* [Summary dictionary of personal names of North Caucasus peoples], executive ed. R.Yu. Namitokova. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 584 p. (In Russian).
2. Nemchenko G.L. *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 4. Rasskazy* [Collected edition: in 5 vols. V. 4. Short stories]. Moscow, Sovremennik Publ., 2000. 511 p. (In Russian).
3. Nemchenko G.L. *Schastlivaya cherkeska* [A happy Circassian]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2008. 207 p. (In Russian).
4. Namitokova R.Yu., Abregov A.N. *V mire imen sobstvennykh* [In the world of personal names]. Maykop, ASU Publ., 1998. 116 p. (In Russian).
5. Nemchenko G.L. *Gazyri: rasskazy, zapisi, stroki iz dnevnika* [Cartridge belt sewn on a Circasian coat: short stories, notes and lines from the diary]. Maykop, Adygeya Republican Book Publ., 2006. 384 p. (In Russian).
6. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p. (In Russian).
7. Shadzhe A.Yu. *Fenomen kavkazskoy identichnosti* [Caucasian identity phenomenon]. *Ocherki kavkazskoy kul'tury* [Caucasian culture sketches], ed. A.V. Dmitriev. Maykop, ASU Publ., 2001, pp. 128-145. (In Russian).
8. Shcherbak A.S. *Regional'naya onomastika v kognitivnom aspekte* [Regional onomastics in cognitive aspect]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., LLC "Tsentr-press", 2008. 197 p. (In Russian).
9. Shcherbak A.S. *Sposoby reprezentatsii antroponimicheskogo kontsepta* [The means of antroponymic concept representation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 17. Aktual'nye problemy vzaimodeystviya myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Cognitive researches of the language. Issue 17. Relevant problems of mental and language structures interaction]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2014, pp. 459-463. (In Russian).
10. Shcherbak A.S. *Reprezentatsiya kontseptual'noy kategorii vremya v regional'nom toponimikone* [Represenation of conceptual category of time in regional toponymicon]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 15: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive researches of the language. Issue 15. Mechanisms of language cognition: a collection of scientific works], series ed. N.N. Boldyrev, executive ed. of the issue V.Z. Dem'jankov. Moscow, Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2013, pp. 143-148. (In Russian).
11. Shcherbak A.S., Kazankova A.A. *Kontseptual'noe mirovospriyatie toponimicheskogo prostanstva Tambovskogo kraia (na primere Zherdevskogo rayona)* [From the experience of studying of areal characteristics of oikonyms with dialect bases in comparison with areals of corresponding dialect lexical units]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 243-248. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.04.2016 г.
Received 12 April 2016

UDC 81'373.2

CAUCASIAN ONOMATOLOGY IN GARIY NEMCHENKO'S PROSE AS A REFLECTION OF CONCEPT "CAUCASUS"

Saida Kazbekovna SAPIEVA

Adyghe State University

208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adygea, Russian Federation, 385000

E-mail: adsu@adygnet.ru

Candidate of Philology, Russian Language as Foreign Department

E-mail: atika16@yandex.ru

The attempt of complex description of toponymic unit Caucasus in synchrony and diachrony is made taking into consideration the history of its making, consideration of toponym Caucasus in lexico-semantic aspect (with elements of historical comments). All these factors let reveal toponymic universal and unique elements, established by the complexity and peculiarity of cultural-historic development of this region of Russia. While giving the characteristics of modern state of linguistic and cognitive research a basic problem is orientation on the role which is given to toponymic units in conceptualization and categorization of the reality. The ways of concept Caucasus representation are revealed in individual-author discourse basing on the prose of G.L. Nemchenko, that let explicit the knowledge and ideas of author about Caucasus and reflects mental peculiarities of the author as language personality – the bearer of Russian culture. Representing national color being a characteristic feature for Caucasian peoples, G.L. Nemchenko uses Caucasian exotic vocabulary, including common names and proper names. Two categories of onyms are considered: antroponyms, which include real and not real onyms and toponyms which include choronyms, oykonoms, oronyms and hydronyms. The poly functionalism of proper names in works of the writer is founded. Firstly, they reflect cultural heritage of Caucasian peoples: specifics of every ethnos on the one hand and their spiritual unity on the other. Secondly, they represent the important process of ethnic language and ethnic cultural contact in the conditions of modern world. Thirdly, they are expressive mean of ideas of the writer. The cognition of the lexical unit Caucasus basing on the material of onomastic space of G.L. Nemchenko prose let reveal and compare the peculiarities of the image of Caucasus perception on Russian society and author's consciousness.

Key words: concept; toponyms; antroponyms; individual and author's style; dialogue of cultures

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.067.2

ДРЕВНЕРИМСКИЙ КУЛЬТ ФАВНА: МОТИВ ЛУПЕРКАЛИЙ В ФИЛЬМЕ ЛАРСА ФОН ТРИЕРА «ЕВРОПА»

© Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: post@tsutmb.ru

кандидат филологических наук, доцент

E-mail: Vla-Kolchanov@yandex.ru

Исследован фильм Ларса фон Триера «Европа» (1991). Необходимость анализа вызвана, во-первых, социально-общественным фактором – все продолжающимся в современной Германии синдромом вины за гитлеризм, во-вторых, сложностью и многозначностью киноленты, кодированностью, недостаточным уровнем интерпретации ее мифологических, театральных и психотерапевтических основ, синтетических связей с архаикой и модернизмом. В исследовании предпринимается попытка рассмотреть драму в рамках древнеримского ритуала, средневековой драмы-мистерии и лечебного сна – гипноза. Для этого реконструируются модель Луперкалий и образы луперков, рассматриваются стадии и этапы мистерии, экранные способы воссоздания в фильме ярко выраженного юнговского архетипа – «ухода рыцаря в темноту». Особое внимание обращено на специфику триеровской аллюзии, на сатирический прием экзерсиса – озорного, буйного окарикатуривания «священного и мирского». Этим обусловлен комплексный метод исследования, включающий историко-культурный, мифопоэтический и политический комментарий. Их использование помогает по-новому вписать произведение Л. фон Триера в кинематографический процесс, проследить путь эволюции европейского кино о Второй мировой войне.

Ключевые слова: Л. фон Триер; К.Г. Юнг; кандидат; Луперкалий; ликантропия; архетип; амбивалентность; катарсис; гипноз; А. Гитлер; парципация

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

О. Мандельштам

Картина датского режиссера Ларса фон Триера «Европа» – любопытный кинематографический феномен, культурная матрица, рассчитанная на некий трансперсональный порядок, разновидности которого К.Г. Юнг называл архетипами [1, с. 95-128; 2]. Эти архетипы, полагал он, хотя целиком погружены в наше бессознательное, во сне могут всплывать вновь, обеспечивая духовное обновле-

ние, чувство освобождения от вины и априорную готовность к воспроизведению мира.

В данном фильме Л. фон Триером использовался архетип «ухода рыцаря в темноту» [3, с. 51] и один из видов лечебного сна – психотерапевтический гипноз. Для современной Германии, не избавившейся от синдрома вины за гитлеризм перед другими народами, экранный гипноз получился особенно актуальным и аффектированным.

Гипнотический сон в фильме выполняет функцию архитектоники, он соизмеряет монтажные куски, формально скрепляет, проклеивает, окрашивает сюжет, придавая трагедии мистериальный характер. Некоторые эпизоды погружены в сон наиболее отчетливо. Уличные сцены под ночным небом, комната с барельефом лабиринта, видная через стенной пролом рядом с закрытой дверью, койки в гигантском зале отдыха проводни-

ков, на одной из которых засыпает герой, спальня вагон, где он выполняет работу помощника проводника, рождественская месса в церкви св. Христофора с раскрывшейся в небо башней, экзамен с разборкой постели в купе, маркирование мелом ботинок спящих пассажиров, – все говорит о непрекращающемся состоянии гибернации.

Сомнамбулизм картины усиливают комбинированные съемки – периодически появляющийся экран кинотеатра, на фоне которого происходят душевные потрясения главного героя. Сидящий в задумчивости на сцене, он запечатлевается перед огромным кадром с названием фильма «Вервольф», его объяснение с возлюбленной экранируется быстротекущей рекой и лунными бликами, тикают увеличенные во много крат часы взрывного механизма с пробегающим мимо героем-неудачником и т. д. К комбинированным относятся и кадры, в которых черно-белая лента приобретает подцветку, – цвет получают определенные предметы и лица. Это интимные моменты, выходящие за пределы иллюзии кинодокументалистики, в ощущении которой нас держит режиссер. Цвет применяется для отметки трагедийно-любовного начала и жертвенного экстаза. Так, поочередно меняют окраску главные персонажи Лео и Кэт, а кадр с желтой газетой в ванной отца Кэт сменяется следующим – с красной кровью, заполняющей серую комнату и затопляющей холл. Всем ходом повествования режиссер показывает сон как аналогию смерти, смерть как транс, точнее, смерть первую, клиническую, – при жизни, ибо тот, кто посвящен в смерть первую, согласно заветным чаяниям мистерий – «умереть не может» [4, с. 250-265].

На роль благородного рыцаря избирается чистый душой Леопольд Кесслер, молодой человек с незапятнанной репутацией, выросший в США, но являющийся немцем по происхождению. Леопольд страстно желает участвовать в возрождении страны после войны, но оказывается участником погребальной церемонии. Погребальной церемонии особенной – попадая в эту мистерияльную зону, он становится кандидатом в мистерию ликантропии. Сегодня, в эпоху цивилизации, ликантропией называется психическая болезнь, вид одержимости, при которой человек обретает повадки волка. Но принад-

лежит кинокартина к другому ряду – к древним пастушеским ритуалам, к церемонии, обращенной к древнеримскому культу Фавна, в которой очищение и посвящение молодых неофитов в подземных пещерах осуществляли луперки, жрецы-проводники, переодетые в волчьи шкуры, а сами обряды назывались обрядами-луперкалиями. Фавн был нечистым и лукавым лесным духом, насылающим кошмарные сны и эпидемии, мор и болезни [5, с. 555-556], но отправление ритуала способствовало национальному оздоровлению и единению. Неофит, испытывающий подобное посвящение, также получал впоследствии волчью шкуру – знак особого покровительства темного козлоподобного существа. Отголоски этого обряда слышны сегодня разве что в сказках о волках, донесших до нас редуцированные отрывки мифа.

Духовное содержание очищения и посвящения в Луперкалиях до конца не выяснено, но, думается, режиссер вполне верно передал смысл старинной инициации и провел зрителя через глубины и лабиринты ада, чтобы закрепить в его сознании механизм табу. Механизм настолько древний и универсальный, что, когда, например, христианская церковь начала с триумфом расширять свое присутствие в Европе, то применила его в средневековых мистериях: ввела дьяблерию и изменила сам облик дьявола. Прекрасному юноше, каким он изображался в искусстве до X в., «после Собора в Клуни» (956 г.) было решено придать черты Фавна [6, с. 167]. Языческий Фавн, как и другие сатиры, стал инкубом, «ангелом экстаза».

Мистерияльная зона возникает в центре Европы – это американская оккупационная зона. Жизнь немцев приобретает здесь маргинальное положение: они волки-оборотни, верволки, их можно поймать, повесить, как хищников, для устрашения других волков и козлиных стад. Культ Фавна-ликантропа проигрывается и в том, что Германия становится для героя не «Гер + манией» (сагой о человеке, антропоманией, и сам он – лицом, участвующим в акте вочеловечения, «Гер + маном», что в переводе с немецкого на христианский означает «се человек»), а «Лик + антропо + манией» – Повелительницей волков, а сам он – участвующим в акте превращения в Ликантропа. Герой услышал зов

священной римской матери-волчицы и приехал на него как зачарованный.

Рассказывая миф о Фавне, психотерапевт ведет обобщенного зрителя (на экране это «вы») и показывает ему психологию неофита, руководимого луперками. Луперки надевают форму, напоминающую форму СС – дядя, инспектор, экзаменаторы, другие проводники вагонов, – и вместе с остальными персонажами фильма обитают не столько в демилитаризованной зоне, сколько в зоне депромышленной: разрушаются в ней даже строительные краны. Деиндустриализация еще больше подчеркивает состояние ликантропоцентрическое – дикого леса. Тропой леса, местом гона ликантропов становится «Центропа» – железнодорожная компания, связывающая рельсами места выпаса волков – города Германии. Гон, как и положено, совпадает в фильме со временем рождественских святок и Нового года, когда, по европейским поверьям, считается, что волки «пасутся», отворяя нечистым духам люки ада [7].

Подготовка к посвящению в Проводники – самая первая, вводная часть фильма, первая стадия мистерии – чистилище. Она соткана из мизансцен, предваряющих великий спуск в подпольную область человеческого сознания. Каждая мизансцена представляет собой тот или иной маркер мистериума, площадки входа, и имеет как национальные, так и общемировые очертания.

Пройдя через внешнюю решетку сортировочного депо, кандидат попадает за внутреннюю решетку, открывающую павильон депо, где душа встречается со всеми участниками недавнего военного противостояния: здесь находятся русские, американцы, немцы, здесь встречается и первый вож кандидата – дядя, согласившийся найти работу своему племяннику из Америки. Помещение павильона напоминает некий сортировочный лагерь-пересылку: пассивные, дремлющие в касках русские, как бы отдыхающие после исполненного освободительного долга, активные, охраняющие залу с карабинами в руках, перенявшие инициативу у русских американцы и подготовленные, сгруппированные для отправки немцы. Над дверью-решеткой зритель может рассмотреть номер депо, напоминающий о нереалистической картине происходящего: 28406-40. Первая группа цифр при их суммировании дает 20

бесовских таможен (сколько существует в житиях христианских святых) на пересылке в загробный мир, вторая символизирует сорокадневное времяпребывание в нем. В дальнейшем появятся и другие загробные цифры – номера купе 1, 3 и 9 в вагоне – этапы знакомства души с загробным миром и временного возвращения на землю.

Этот начальный эпизод сменяется другим. В полуразрушенном здании депо, представляющем собой грандиозную металлоконструкцию с протекающей крышей, дядя надевает на голову стул, – поступок, имеющий амбивалентное значение – одновременно он символизирует как шлем крестоносца, защищающий голову от падающего града стрел, так и ковчег всемирного потопа, обрушившегося на Третий Рейх. Дядя носит его с собой за спинку на руке, в качестве зонтика, но стул является и аллегорическим местом для сидения в оккупационной зоне.

Настоящая родственность дяди, несмотря на одинаковость фамилий Кесслер (что с немецкого означает «жопченая и просоленная свинина»), уже в начале фильма подвергается некоторому сомнению. Письмо в затертом конверте от брата с просьбой походатайствовать о месте для сына не показывается кандидату, а только переворачивается в руке, на расстоянии, неудобном для чтения. Видимо, дядя проделывал подобную процедуру неоднократно и для других немцев, возвращающихся в Германию, на что указывает крайняя потрепанность конверта. Заметим, что остальные немцы в лагере-депо не сидят, а стоят, и только дядя в форме проводника занимает привилегированное положение – он имеет стул. О других немцах он вообще замечает новоиспеченному племяннику: «Все немцы, с которыми ты встретишься, – на вид будут очень дружелюбны, но не верь этому – они все захотят у тебя что-нибудь урвать. На самом деле все немцы тебя будут ненавидеть, и, по-моему, они совершенно правы. Мы все живы лишь по милости американцев».

В следующем эпизоде он снимет мерку для формы племянника: железнодорожная форма, по его утверждению, будет сшита через 12 часов, что в мистериях указывает на их начало, – отправление культа мертвых должно начинаться в полночь. Оно и начинается – перед стеклянной решеткой стены-окна, где на голову кандидата накладывается

мерка из железного обруча, а на тело – выкройка. Процедура сама по себе должна привести кандидата в трепет: в аду головы грешников сковываются горячими обручами, а тела оборачиваются огненными простынями. Смысл такого переодевания поистине прозрачен, как и сама стеклянная комната с работающими в ней старушками и девочкой, – аллегорически выражающих бренность человеческой жизни, вечность смерти и нового рождения. Простыня наброшена и на подвешенное зеркало, также символизируя похороны покойника. Драпировку снимают и предлагают герою как бы войти в свое отражение, покинуть реальный мир и перейти в мир зазеркалья и собственной тени. Эта тень красноречиво показана на левой стороне тела кандидата (в отражении зеркала на правой), в то время как правую занимает выкройка. Загробная симметрия становится более яркой, когда зритель видит в зеркале еще одно зеркало с входом в его раму, в зал, где крестообразно поставлены лестницы. Последнее – возможный маркер средневековых театральных мистерий с их ярусами верха (рая) и низа (ада) [8], а тележка с занавешенным во весь киноэкран зеркалом означает смену декораций и важную метаморфозу героя.

Поэтому в следующей сцене появляется самая ответственная таможня чистилища. Кандидат попадает на медосмотр и взвешивается на огромных медицинских весах, причем в рамках оккупационной зоны аллегория оказывается совсем библейской: «Мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» [9]. Чтобы не быть очень легким, на гиревую сторону весов добавляется еще одна гирька, а чтобы не отдавать царство Мидянам и Персам (американцам и русским) – отдается плата. Немецкие врачи, как и положено демонам судилища, берут положенную мзду из бумажника и пропускают кандидата дальше.

Дополнение к чистоте, невинности и стерильности кандидата на пути чистилища вносит дядя. Он выполняет комплекс манипуляций, связанных с обрядами магии: подстригает неофиту волосы, т. к. в них все еще может прятаться душа; осматривает ногти, т. к. под ними может оставаться земля; настраивает линию судьбы на ладонях канди-

дата по собственной (хиромантический обряд) и начищает снятую с дверей двойную хрустально-стеклянную огруглую ручку. Последнее еще больше должно усилить неразрывную духовную связь дяди и племянника: стеклянная ручка – это и материал будущего ада, и гипнотический шарик в руках магического оператора; его двойственность идентифицирует судьбы, делает связь в глазах кандидата неразрывной.

Немаловажной частью инициации является зубной эликсир и процесс очистки и стерилизации полости рта, который устраивает дядя. Через полость рта выходит у человека душа, и само слово «эликсир» должно, видимо, по мысли режиссера, отсылать зрителя к бессмертию души, в которое посвящается кандидат, ассоциироваться с т. н. напитком бессмертия, или сомой. Вож сплевывает его обратно в кружку, давая двусмысленный кивок головой – намек ученику на выбор: сплюнуть или проглотить. Поступок ученика не показан, но второй более оправдан: в искусстве магии первое действие направлено от оператора на внешний объект или реципиента, второе реципиент направляет на себя. Этот опьяняющий напиток забвения абсолютно не идентичен тому, который употребляет дядя впоследствии, после отправления поезда. Закрывшись в служебном купе, он забывается стаканом американского виски. Его служба в должности жреца «Вервольфа» начинает заканчиваться, луперк впадает в анабиоз, передавая эстафету другим луперкам – в период волчьего гона, или выпаса волков. Ретиво исполняет жреческое, колдовское руководство над кандидатом он только в первом, вокзальном, приграничном пути, пограничном состоянии сознания кандидата и дает волю собственному сну и отдохновению, когда пограничное состояние кандидата сменится стадией активного транса – поезд наконец-то тронется и наберет ход. В дальнейшем его роль будет более инертна – дядя станет реагировать только тогда, когда кандидат попытается каким-то образом уклониться от программы посвящения – как здесь, на вокзале, когда он задерживает черные шторы в зале отдыха проводников от непомерного любопытства молодого племянника. «Эти люди работают по ночам», – останавливает руку ученика наставник, но Леопольд, ложась на койку в этом гигантском

зале, напоминающем морг, замечает, что от дрожи и холода не может уснуть и потому накрывает себя всей одеждой из содержимого своего американского чемодана. Между тем, остальные проводники не мерзнут, как показывает кинокамера сверху: спят полу-прикрытыми, с руками поверх одеял. Штора, таким образом – драпировка магии, закрывающая живое от не-живого, граница сеанса, вызывающего пробное летаргическое состояние. Второй раз Лео попытается поднять штору, когда поезд тронется, и успеет увидеть, как реальная Германия с ее послевоенной нищетой, холодом и толпой голодных мальчишек остается на перроне.

В этой первой части фильма – стадии чистилища – присутствует и другая таможня, на которой следует остановиться подробнее. Она также отмечена денежным взносом и представлена встречей на дрезине с инспектором, который «ждет на третьем поворотном круге». Таможня типичная, если поставить образ инспектора в раму египетской «Книги мертвых». С дальнего ракурса, с которого начинается сцену режиссер, «круг» получает графическое сходство с черным солнцем загробного мира, а движение инспектора навстречу неопиту – явление умершему его духовного воплощения – бога Осириса. Телодвижениями и повадками (отведенной в сторону головой, поглаживанием усов, закинутой назад рукой, в фуражке и шинели с поднятым воротником) новоявленный Осирис-«инспектор» напоминает А. Гитлера. Таким образом, по словам фройлен Шульце, получившей на таможне мзду, Леопольда здесь «ждет большой сюрприз» – сам фюрер берет в руки основное шефство над душой кандидата. Как бог, он ведает выдачей «Правил для служащих», контролирует ремонт поездов и следит за выполнением расписания железных дорог. Дрезина, приводимая в движение дядей, – первая, пробная сцена движения поезда. Как выясняется в разговоре, главное служебное лицо железной дороги – инспектор – также начинал свою карьеру с проводника спального вагона, и, по его мнению, эта должность является более важной, чем должность машиниста поезда или диспетчера, ибо «только проводник спального вагона непосредственно связан с пассажирами». «Я думал, что я уже говорил вам, гер Кесслер: вагон 2306 снова на ходу. У вашего племян-

ника здесь будет отличное начало карьеры», – поздравляет инспектор подчиненного на выходе вагона из ремонтной мастерской, тем самым маркируя начало нападения на СССР и одновременно начало заката Третьего Рейха.

Сдвигая дату нападения на один день, режиссер тем самым создает картину парципации: второй раз вагон 1 класса с таким номером, вышедший из капитального ремонта, может отправиться только в подпольную область человеческого существования. Подчеркивается она тем, что вагон из мастерской вывозят дети, т. к. именно дети больше других подвержены агрессивному состоянию вплоть до синдрома ликантропии: их неустойчивая, несформированная психика, попавшая в состояние эпилептических сумерек, дает возможность стереть память, уничтожить страницы неприглядного прошлого, принести духовное освобождение от вины отцов и установить с ними связь.

К закону племенной сопричастности в мире мертвых можно отнести и следующий эпизод. При входе в вагон представитель молодого поколения немцев Кесслер получает от инспектора леденцовые конфетки. Они также утверждают сопричастность, но в довольно-таки непростой и странной форме. По форме этой любопытно отследить механизм использования Триером экзерсиса, его излюбленного сатирического приема, подобно шелковой нитке, продергивающей грубый холст жизни. Достаются конфетки из бонбоньерки, что указывает на их строение – в виде леденцовых облаток, или капсул, и, как мы узнаем в дальнейшем, заполучает инспектор бонбоньерку из Америки в дар от миссис Пульман, вдовы известного американского железнодорожного магната и изобретателя вагонов экстра-класса.

Безусловно, вдова исторического Пульмана оказывается здесь ни при чем, – но Триер намекает на сепаратную сопричастность некоторых милитаристски настроенных промышленных и финансовых кругов США к попытке организации нового фронта против СССР. Чем закончились эти попытки, знает каждый: сепаратные переговоры между начальником стратегических сил США в Европе А. Даллесом и начальником штаба СС К. Вольфом получили широкий общественный резонанс и были немедленно прерваны руководством стран-союзниц, а через месяц

Адольф Гитлер и Ева Браун покончили жизнь самоубийством, приняв капсулы с ядом. «Мистер Пульман всегда носил ее в кармане, возьмите парочку, пожуйте, раз уж так принято в нашей стране», – предлагает американскому подданному Лео Кесслеру инспектор.

В этой черной шутке, по сути дела, концентрируется процесс окарикатуривания сцены с инспектором, а заканчивается он во второй части фильма. Облатки из бонбоньерки превращаются в обряд святой евхаристии, благодаря которой кандидат в мистериях приобщается к телу бога. В соборе, лишенном башни, возлюбленная Кесслера вервольфовка Катарина из рук священника-духовника вкушает гостию. Так симметрией достигается экзерсис, разновидность гротеска, – озорная, по-детски буйная карикатура на нацистскую чету и ее закулисную политику. Пока же, в момент входа в вагон, зрителю остается только гадать – какую роль выполняет волшебная бонбоньерка в кармане инспектора. На входе и беглом знакомстве с вагоном первая стадия мистерии, – чистилище – подготовка к спуску, – завершается.

Вторая часть – стадия гона ликантропа в пещерные пропасти ада, дисфорический экстаз, сменяющий дисфорические сумерки, второе летаргическое погружение – начинается с набирания поездом хода и знакомства с Катариной Хартманн, дочерью владельца железнодорожной компании «Центропа». Знакомство сопровождается поднятием шторы и медленным проездом мимо повешенных на гидравлическую колонку юноши и девушки, вервольфовцев-партизан; колонка, от которой заправляются паровозы, напоминает мировое древо с висячими на нем мертвыми плодами. Именно после него появляется первый явный кадр с экрана кинотеатра, возле которого сидит Кесслер, и именно после него Катарина Хартманн на первой разостланной постели неопытного проводника рассказывает о страшном тоннеле впереди следования поезда в Берлин. Оцепенение Катаринины в тоннеле, мигание света недвусмысленно намекают на ту трансформацию, которая совершается с человеком при переходе из жизни в смерть. Мифологические координаты ее аллюзийно переплетаются с переходом Адама и Евы от древа познания добра и зла к мытарствам и мукам. И паровоз в тоннеле с

имперской эмблемой на топке-брюхе дан как образ такого перехода. Он показан здесь величественным стальным волком, погружающим рейх в потусторонний мир. Ночной волк везет старую Германию, – с военнопленными, концлагерями, общими (народными) вагонами, и хотя еще работает герой-«идеалист» в головном вагоне экстра-класса, который будет подвергать его насильственным остановам, срывая стоп-кран и возвращая на землю, – паровоз-волк мчит по тоннелю напористо и сердито, – и кажется, что ничто не сможет остановить его поступательного хода, как и хода мировой истории.

С начала отправления поезда вся вторая стадия посвящения целиком связана с новым вожем – своеобразной «Беатриче» Лео – Катариной. Прежний «Вергилий», дядя-проводник, отходит на второй план, а на первый выступает она, возлюбленная Кэт, с ее отцом, хозяином железнодорожного концерна «Центропа» Максом Хартманном, работающим сперва на нацистов, а после войны на американцев. Макс Хартманн создал эту великую железнодорожную сеть, в одиночку (без матери) воспитал одержимую высокими помыслами дочь. Когда-то он подарил своему сыну Лоуренсу, брату Кэт, большую игрушку – огромную детскую «Железную дорогу», но тот оставил без внимания этот чаемый всеми детьми подарок, и вот теперь его использует окрыленная патриотическими чувствами дочь, вербующая новоявленного кандидата в сеть «Вервольфа». Она и целует первый раз кандидата по-волчьи, – под столом, на четвереньках, и половой акт совершает в месте явно маргинальном и асоциальном – на запыленном чердаке особняка Хартманнов, прямо на игрушечной дороге.

Акт кровосмешения с волчицей, как и положено у волков, завершается настоящей жертвой – смертью прежнего вожака стаи. По-фрээрски, а точнее, по-фрейдистски, получается, что молодой человек-волк поднимается в праисторическое племя, чтобы спать со своею матерью. Поэтому режиссер последовательно переносит камеру уровнем ниже, в комнату с наполненной до краев ванной, где отец Катаринины Макс Хартманн кончает жизнь самоубийством. Казалось бы, к суициду ведут подметные письма с угрозой, которые Катарина подсылает отцу за сотрудничество с оккупантами, но на самом

деле – это ответ на то унижение, которому он подвергается от американцев и акт самопожертвования в процессе передачи прав вожака стаи.

Унижение наглядно показано в истории проверки анкеты об отношении к бывшему режиму, в которой оказывается, что Макс не только не участвовал в фашистских акциях, но даже там же, на чердаке, укрывал беглого еврея, опознавшего в нем своего спасителя. На поверку выясняется, что это всего-навсего спектакль, разыгранный американским полковником Алексом Харрисом, другом Хартманна: пойманный на разграблении военного американского склада вор (его играет сам Триер) под видом жертвы Холокоста задействуется в формальном процессе поиска сочувствующих фашистам.

Казнь условного спасителя свершается, и казнь уже не иудейская (на кресте), а американская – линчующая. Герой убивает себя бритвой в ванне, наполненной горячей водой, путем линча. И в этом проявляется одна антиамериканская сторона кинокартины: в конце фильма Леопольд Кесслер выхватывает автоматическую винтовку из рук афроамериканца и ведет голливудскую пальбу, тем самым показывая, что вместо негров теперь беглыми или восставшими рабами могут стать – немцы. Ванна с водой и кровью – это уже другая сторона символа, сторона христианской мистерии – чаша Грааля, которую так безуспешно пытался найти Третий Рейх. Капли крови Христа, собранные римским легионером во время казни в волшебную чашу, превращаются в поток крови, захлестнувший арийских безумцев в XX в. Рушится не только железная дорога, объединяющая Германию, но и великая идея нации. Недаром детский поезд в мансарде к концу фильма сходит с рельсов, символизируя крушение рейха, а самоказнь создателя «Центропы» проявляет в себе ликантропическую сущность поведения: самоиссечение шкуры волка, к породе которого принадлежал герой, вынужденный выход из состояния, очень напоминающего древнеегипетский обряд со шкурой у текену [10] или чудесное освобождение Христа от пелен.

Первого катарсиса инициация достигает на том этапе, когда главный герой впервые срывает стоп-кран на старой сортировочной станции для похорон тела хозяина «Центро-

пы». Но захоронение вождя в земле, похристиански, не получается, похоронную церемонию, которая попадает под приказ «запрета собраний и процессий», прерывают американцы, требующие конфискации гроба. Поэтому гроб возвращается, но возвращается на другой поезд, вернее, в железнодорожную будку, застрявшую в месте столкновения двух поездов. Таким образом, получается, что, с одной стороны, с оккупационными войсками достигается компромисс, т. к. после смерти владельца «Центропы» компания конфисковывается американцами, с другой стороны, со стороны немцев, – обряд проводится «тайком, как делали древние христиане в своих катакомбах». Железнодорожная будка одновременно становится и памятником на кладбище погибших паровозов, и монументом немецкому железнодорожному магнату, и усыпальницей древнего германского короля, и подземной часовней первых христиан. Последнее особенно примечательно. Аллегорически выражая возможность воскрешения священного трупа, Катарина во время похорон принимает позу Девы Марии из иконографического сюжета «Оплакивание Христа».

Образ скорбящей Катаринины может быть истолкован и по-другому, но также с амбивалентных позиций. В следующей сцене события перенесутся на месяц вперед, и герой снова попадет на общее собрание и процессию. На этот раз на полуночную рождественскую мессу и обряд Святого Причастия в церкви, из которой степень ее разрушения и наименование бросают новый отсвет на хартманновские похороны. Во-первых, исчезновение башни в интерьере при входе намекает на чудо раскрытия небес, связь с Духом Святым, во-вторых, имя святого Христофер напоминает путь, какой прошла церковь на заре своего существования. Святой Христофер (от греч. «несущий Христа») в западной традиции был казнен в III в. императором Дагнусом путем отсечения головы за то, что перенес младенца Христа через реку, и тот в благодарность за это показал место на земле, где из воткнутой ветви расцветет плодоносное дерево [11]. Следует заметить, что христианский святой Христофер был кинокефалом, или Псеглавцем, т. е. человеком с головой собаки, волка или шакала, вариантом египетского Анубиса, что с еще

большей силой должно удержать Лео Кесслера в пространстве Луперкалий и посвящения в смерть. Другими словами, включая скрытый мотив декапитации волка, режиссер намекает на страсти Хартманна как мученика арийской расы и его канонизацию в сознании героя. Есть и обратная сторона сцены с рождественской мессой. Видение разрушенной войной башни на церкви подчеркивает безблагодатность службы и отправляющих ее, недаром вместо голубя на прихожан спускается снег. Не повторяется и другое чудо, связанное с подвигом св. Христофера – Катарина преклоняет колени перед пустым местом на земле.

Религиозный катарсис оказывает огромное впечатление на кандидата. В этот момент его и встречает руководитель «Вервольфа», намекая на акции возмездия американцам и сотрудничающим с ними, и, чтобы заставить кандидата остаться на волчьей тропе, применяет прием удержания возлюбленной самки волка. «Милая подружка», «такая сильная», станет рычагом к установке взрывного устройства в поезде. Задействуя этот рычаг, режиссер применяет потрясающий фабульный ход: герой и героиня едут в параллельных поездах, и их прощание наводит на мысль о подводной стихии, – поезда расходятся, «как в море корабли». Тогда Леопольд и принимает твердое решение подвесить к вагону бомбу.

История с установкой бомбы – это еще один этап посвящения в смерть. При установке Кесслер теряет форменную фуражку, и дядя надевает на голову кандидата белый чепец, сделанный из носового платка. Объяснение этому можно найти в том факте, что в мистериях кандидат – лицо еще не посвященное, невоплощенное, он уподобляется невинному младенцу или «мальчишке-соплячку», водящему за нос серьезных дядей. Поэтому белая (непорочная) шапочка для гер Кесслера просто необходима – в это время начинаются настоящие мытарства кандидата в железнодорожники – он должен сдать экзамен: вовремя расстелить постель, ответить на вопрос касательно инструкции уборки вагонов, начистить и пометить мелом ботинки. С одной стороны, они подчеркивают аккуратность и немецкий порядок, с другой – должны вызывать в памяти ассоциации с приготовлением покойника к похоронам.

Именно последние – не помеченные мелом ботинки – становятся той одной каплей,

которая переполняет чашу крови и приводит заложника «Вервольфа» к теракту и смерти. Происходит Великое освобождение духа – пойманной и прикованной наручниками в купе вервольфовки Катарины, руководителя подполья, которого с окровавленным лицом проводят мимо Кесслера, матери-еврейки, желающей попасть в Палестину, всех немцев и американцев попавшей в загон «Европы». Главный проводник поезда-стаи, едущий параллельно на автомашине, схвачен, и место Фавна становится вакантным. Герою не остается ничего, как только занять это вакантное место и пустить поезд с моста там, где когда-то совершали теракты лесные братья.

Доведенный до последнего отчаяния и ужаса кандидат совершает акт, противоположный его собственному образу. Безропотный козлик Кесслер (белая шапочка с узелками-рожками, сделанная из носового платка) превращается в момент наивысшего напряжения в настоящего Фавна – териоморфного козла-пожирателя. Амбивалентно же волк по крови превращается в волка-вожака, погружающего стаю в ночной сон. Да и все время в фильме – ночь – суточное время волка; сорвавшийся с моста поезд становится волком, прыгнувшим в воду с ночной волчьей тропы. Большую смысловую нагрузку здесь несут часы бомбы на экране кинотеатра. Их обратная нумерация циферблата символизирует дисбаланс, дисфункцию времени, характерную для большого взрыва, космический прыжок времени, тот последний этап посвящения, когда наступает глубокий сон-транс. Им и завершается художественная антиномия режиссера. Перед зрителем возникает абсолют или великая пучина: «океан, отражающий небо» или его противоположность – «глубокое море», «устойчивый эпитет которого» в мифологии – «бесплодное» [12].

Такая сгущенная амбивалентность и мифологизм финала, – окончательного «ухода рыцаря в темноту», приводит архетип, как и положено по Юнгу, к символическому выводу – неоднозначному ответу на вопрос: кто же такой Леопольд Кесслер? Проводник и вожатый, олицетворение идеи национального или «сон разума, рождающий чудовищ»? Вдохновитель крещения Германии в смерть и новую жизнь или провозвестник темных инстинктов? Или невинная жертва, попавшаяся на крюк – «копчено-соленая свинина»,

как переводится с немецкого его фамилия, которая вместе с именем направлена на модернистскую игру с творчеством культмассового британского писателя-баталиста Лео Кесслера (наст. Чарльз Уайтинг), написавшего 350 книг о войне? В любом варианте ответ не будет точным. Режиссер сочиняет не «драму характеров», а «драму-мистерию», и строит сюжет по законам этого религиозно-драматургического жанра, где все, что мы видим, является «сказкой о майе» [13, с. 355], искаженным подобием действительности, историей прыжка души в эмбриональное состояние, а в рамках постмодернизма – окарикатуренной репрезентацией нацистского времени и пространства. Соединяя тему реваншизма и загробный сюжет, триеровский экзерсис подчиняет себе даже сквозной мотив – протяжный и продолжительный зов крови, как бы повторяющий голос самого дьявола из драмы-мистерии И.В. Гете: «Кровь, надо знать, совсем особый сок» [13, с. 62].

Список литературы

1. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Изд-во «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991. 186 с.
2. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
3. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
4. Тибетская книга мертвых. СПб.: Амфора, 1999. 271 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.
6. Хьюз Р. Небеса и ад. М.: Изд-во АДЕ «Золотой век», 1998. 356 с.
7. Иванов Вяч.Вс. Древнебалканский и общиндоевропейский текст мифа о герое – убийце Пса и евразийские параллели // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5. Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009. С. 88-107.
8. Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3. С. 139-140.
9. Дан. 5: 26-28.
10. Спенс Л. Египетские мистерии. М.: Сфера, 2003. 352 с.
11. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Христофор (дата обращения: 12.02.2016).
12. Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века / Академия наук СССР; Институт истории естествознания и техники. Гл. 3. Мифологические истоки учения об элементах «стихий» – рубеж между мифом и наукой. URL: <http://groh.ru/gro/chem/chem3.html> (дата обращения: 12.02.2016).
13. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2.

References

1. Yung K.G. *Arkhetip i simbol* [Archetype and symbol]. Moscow, "Renessans" SP "IVO-SiD" Publ., 1991. 186 p. (In Russian).
2. Yung K.G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [The soul and myth: six archetypes]. Kiev, State Library of Ukraine for Youth Publ., 1996. 384 p. (In Russian).
3. Khyubner K. *Istina mifa* [The truth of myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p. (In Russian).
4. *Tibetskaya kniga mertvykh* [Bardo Thodol]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999. 271 p. (In Russian).
5. *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [The myths of the peoples of the world. Encyclopedia: 2 vols.]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2. (In Russian).
6. Kh'yuz R. *Nebesa i ad* [The heaven and the hell]. Moscow, ADE "Zolotoy vek" Publ., 1998. 356 p. (In Russian).
7. Ivanov Vyach.Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 5. Mifologiya i fol'klor* [Selected works on semiotics and history of culture. V. 5. Mythology and folklore]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 88-107. (In Russian).
8. Sisikin V. *Dionisov master* [Dionisov master]. *Pod'em* [Rise], 1989, no. 3, pp. 139-140. (In Russian).
9. Dan. 5: 26-28. (In Russian).
10. Spens L. *Egipetskie misterii* [Egyptian mysteries]. Moscow, Sfera Publ., 2003. 352 p. (In Russian).
11. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Svyatoy_Khristofor (accessed 12.02.2016).
12. *Vseobshchaya istoriya khimii. Vozniknovenie i razvitie khimii s drevneyshikh vremen do XVII veka* [General history of chemistry. The appearance and development of chemistry from ancient times till XVII century], Akademiya nauk SSSR, Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki. Gl. 3. *Mifologicheskie istoki ucheniya ob elementakh "stikhii"* – rubezh mezhd mifom i nauko. Available at: <http://groh.ru/gro/chem/chem3.html> (accessed 12.02.2016).
13. Gete I.V. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected edition in 10 vols.]. Moscow, Khudozh. lit Publ., 1976, vol. 2. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 7.067.2

ANCIENT-ROMAN FAUN CULT: THE MOTIVE OF LUPERCALIA IN THE FILM OF LARS VON TRIER "EUROPA"

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsional'naya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: post@tsutmb.ru

Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: Vla-Kolchanov@yandex.ru

A film of Lars von Trier "Europa" (1991) is studied. The analysis of the film is caused by social factor – the continuing syndrome of guilt for Hitlerism and the complexity and richness of the film, ciphers and the lack of the level of interpretation of its mythological, theatre and psychotherapy basis, synthetic links with archaic character and modernism. The attempt to consider the drama within the framework of ancient-Roman ritual, Middle age drama-mysteries and sleep therapy – hypnosis is made. The model of Lupercalia and the images of Luperci are reconstructed. The stages of mystery, screen ways of reconstruction of Jung archetype – "departure of knight into darkness" are considered. The attention is paid to specifics of Trier's allusion, on satirical perception of exercise. He derides it in impetuous, mischievous way of "sacral and secular". The complex method of research is founded, including historical-cultural, mythopoetic and political comments. Their use helps consider Trier's work of art in a new way in cinematography process, trace the way of evolution of European cinema about World War II.

Key words: L. von Trier; C.G. Jung; candidate; Lupercalia; lycanthropy; archetype; ambivalence; catharsis; hypnosis; A. Hitler; participation

УДК 81'42

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ

© Светлана Владимировна КОРОСТОВА

Южный федеральный университет

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

E-mail: rectorat@sfedu.ru

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка

E-mail: svetolen@yandex.ru

Исследованы эмоциональные ситуации и способы их представления в русских художественных текстах XIX–XX вв. Установлено, что концептуализация действительности в сознании говорящего предопределена не только его интеллектуальной, но и эмоциональной деятельностью, что эмоциональные ситуации познаются человеком через жизненный опыт, который позволяет установить логическую связь между событиями. Художественная литература актуализирует связи и отношения, существующие в реальной действительности, в т. ч. и сценарии эмоциональных ситуаций. Доказывается, что представления об эмоциогенной ситуации в сознании человека формируются гораздо раньше, чем появляются знания о языке, что эмоции вытекают из когнитивных интерпретаций окружающих эмоциональных событий; когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. Обосновывается, что чем выше степень истинности, достоверности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции, на которого оказывается воздействие; условие существования эмоции – ее непреднамеренность. Решение вопроса о восприятии состояния субъекта в эмоциональной ситуации менее всего связано со способом представления эмоций (вербальным или паравербальным), однако неотделимым от эмоциональной компетенции, т.е. знаний о способах выражения и означивания эмоций. Анализ репрезентированных в художественном тексте эмоциональных ситуаций позволяет выявить доминирующие эмотивно-оценочные смыслы.

Ключевые слова: литературная коммуникация; сценарий эмоциональной ситуации; эмоциогенность текста; эмотив

Художественный текст представляет субъективную сферу человека, пропущенную сквозь субъективность автора и обращенную к воспринимающему его читателю. Художественная литература – это результат творческого процесса познания себя и окружающего мира. «Искусство, – утверждает А. Моруа, – это попытка создать рядом с реальным миром другой, более человечный мир. Человек знает два типа трагического. Он страдает от того, что окружающий мир равнодушен к нему, и от своего бессилия изменить этот мир. Ему тяжело чувствовать приближение бури или войны и знать, что не в его власти предотвратить зло. Человек страдает от рока, живущего в его душе. Его гнетет тщетная борьба с желаниями или отчаянием, невозможность понять самого себя. Искусство – бальзам для его душевных ран. Подчас и реальный мир уподобляется произведению искусства. Нам часто внятны без слов и закат солнца, и революционное шествие. В том и другом есть своя красота. Художник же упорядочивает и подчиняет себе природу. Он

преображает ее и делает такой, какой создал бы ее человек, «будь он богом». <...> Без страстей нет искусства. Это относится и к художнику, и к зрителю. Бетховен не написал бы своих симфоний, не будь его жизнь полна страданий: тот, кто прожил безоблачную жизнь, не поймет симфоний Бетховена. Мы понимаем поэтов и музыкантов постольку, поскольку они близки нам по духу» [1, с. 31-32].

Действительно, эмоциональные ситуации познаются человеком через жизненный опыт, который позволяет установить связь между событиями. Наш субъективный опыт – это часть оценочной системы, которая непосредственно связана с представлением о ценности, ориентированном на позитивный поведенческий стереотип. Эмоции, по словам Кэррола Э. Изарда, стали признаком человечности. Не менее важным известный ученый-психолог считает способность сопереживать чужим эмоциям, способность к эмпатии, равно как и способность выразить эмоцию словами [2, с. 8-9].

Создатель текста в процессе вербализации замысла оценивает собственное переживание как приятное или неприятное, а изображаемую эмоциональную ситуацию как хорошую или плохую для самого себя и для погруженного в нее героя. Автор является наблюдателем и над самим собой, и над репрезентируемым и воплощаемым в художественном тексте миром. В то же время эмоциональная компетенция читателя, т. е. знания о выражаемых в конкретных ситуациях эмоциях, становится необходимым условием существования смыслового пространства текста.

Художественный текст как художественная модель мира концентрирует в своей содержательной структуре бесчисленное множество эмотивно-оценочных смыслов. «Смысл, – пишет А.С. Кравец, – есть субъективная (человеческая) конструкция мира в нашем сознании. С другой стороны, смысл всегда «схватывает» мир в его свойствах, отношениях, т. е. объективен (конечно, в той или иной степени) по своему содержанию» [3, с. 14]. Извлечение смыслов в процессе понимания, восприятия тесно связано с интерпретацией неоднозначных языковых элементов, в основе которой лежат знания о мире и широкий контекст коммуникации.

Концептуализация действительности в сознании говорящего предопределена не только его интеллектуальной, но и эмоциональной деятельностью, поскольку человек прежде всего существо душевное и духовное. Как справедливо замечает А.А. Дасько, «кроме собственно витальной необходимости человек испытывает *необходимость эмоционального взаимодействия* с окружающим миром, с себе подобными, и *необходимость духовного движения* в собственном существе» [4, с. 314]. Действительно, эмоциосфера оказывается не менее важной для существования самой личности, для миропонимания носителя языка.

Эмоциональность в непосредственном общении как динамической структуре диалогического взаимодействия может иметь лишь паралингвистические средства выражения (мимика, жесты), которые интерпретируются как особая знаковая система, отражающая эмоциональный сценарий и опирающаяся на типичную коммуникативную ситуацию. Нельзя не согласиться с исследователями

когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [5, с. 318]. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. В каждой конкретной эмоциогенной ситуации, т. е. ситуации, вызывающей эмоциональную реакцию, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. На наш взгляд, чем выше степень истинности, достоверности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции, на которого оказывается воздействие. Условие существования эмоции – ее непреднамеренность. Вопрос о восприятии состояния субъекта в эмоциональной ситуации, по нашему мнению, менее всего связан со способом представления эмоций (вербальным или паравербальным), однако неотделим от эмоциональной компетенции, т. е. знаний о способах выражения и означивания эмоций.

Социокультурный опыт носителя языка формирует знания о сценарии коммуникативной ситуации и о стереотипе поведения собеседника. Если говорящий ожидает вполне определенный эффект от поведения адресата (в т. ч. и речевого), исчисляемый сценарием ситуации и знаниями о речевых стратегиях и тактиках, то эмоции могут быть вызваны неожиданным изменением сценария. Можно предположить, что эмоциональное состояние и осознание ситуации как эмоциональной есть результат действия «эффекта обманутого ожидания». Анормативность поведения другого и, следовательно, непредсказуемость исхода ситуации каузирует вербализованную или невербализованную репрезентацию эмоционального состояния субъекта речи. Именно оценочная интерпретация событий, их идентификация как эмоциогенных в сознании говорящих создает условия для выражения эмоциональных состояний. По мнению А.Н. Леонтьева, собственно эмоции «имеют отчетливо выраженный ситуационный характер, то есть выражают оценочное отношение к складываю-

щимся или возможным ситуациям» [6, с. 265-267].

С точки зрения субъекта эмоционального состояния процесс вербализации эмоций не имеет своей целью коммуникацию как обмен информацией, как взаимодействие, хотя эмоциональные переживания пронизывают все стороны жизни человека, в том числе и общение. Появление и проявление интенций говорящего в процессе выражения эмоций переводит сам акт из эмоционального в коммуникативный, предполагающий воздействие на адресата, тем самым переводя его в игру, в которой нет места истинным эмоциям. Например, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» есть эпизод, в котором автор представляет эмоциональное состояние персонажа, намеренно нарушая установленный сценарий ситуации: «Она вынула платок и заплакала» (т. 1, гл. XI). Поскольку общие фоновые знания, позволяющие интерпретировать ситуацию, содержат информацию о последовательности действий и о семиотике эмоциональных проявлений – плач как невербальный компонент эмоциональной ситуации содержит преимущественно негативную информацию, которая может явиться для адресата сигналом о сочувствии, – то «неправильный коммуникативный сценарий» свидетельствует о преднамеренности выражения эмоций и, следовательно, об их ложности.

Эмоциональная составляющая – один из компонентов акта номинации, который соотносится с когнитивной и коммуникативной составляющей. В исследовании когнитивной стороны эмоциональных состояний и их репрезентации в дискурсе необходимо учитывать характер ситуации и позицию говорящего/мыслящего субъекта. Известно, что понятие когнитивного сценария эмоций широко используется в психолингвистике (см. работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева и др.) для описания эмоциональных концептов (счастье, гнев, страх и т. п.), культурно и этнически обусловленных, сложных структурно-смысловых вербализованных состояний, которые базируются на понятийной основе и включают в себя образ и оценку. Вербализация эмоций – это процесс, объединяющий механизмы сознания, способствующие порождению речи, и

акты бессознательного, инстинктивного выражения эмоциональных переживаний.

Литературная (художественная) коммуникация представляет собой один из совершенных типов общения. Она позволяет человеку, вступившему посредством художественного текста в контакт с другим человеком, приобрести интеллектуальный, жизненный, эмоциональный опыт. Особенность русской художественной литературы в том, что в силу более позднего формирования по сравнению с европейской она заставляет читателя удивляться изображенной действительности, почувствовать каждое ее событие.

Сценарий эмоциональной ситуации отражается в событийной структуре русского художественного текста, проявляясь прежде всего в диалогах персонажей. Интерпретация автором возможного в реальной действительности эмоционального события в художественном тексте имеет целью заставить читателя сочувствовать, переживать изображаемое, декодируя в своем сознании структуру сценария от конца к началу. Причем чем более нарушен привычный сценарий и речевые тактики, тем более неожиданным, деавтоматизирующим восприятие адресата оказывается событие, тем более эмотивным порождаемый текст для воспринимающего. В романе В. Набокова «Защита Лужина» представлен диалог двух героев, один из которых выражает эмоциональную реакцию на событие чужой речи: *Он подошел к ней близко, странно приоткрыв рот, отчего необыкновенное выражение какой-то страдальческой нежности появилось на его лице.*

«Вы добрая, отзывчивая женщина, – протяжно сказал Лужин. – Честь имею просить дать мне ее руку».

Он отвернулся, как будто окончив театральную реплику, и стал тростью выдалбливать узорчик в песке.

«Вот тебе шаль», – сказал сзади нее запыхавшийся голос дочери, и шаль легла ей на плечи.

«Да нет, мне жарко, не надо, какая там шаль...» (Набоков В. Защита Лужина, гл. 7).

Последнее высказывание с эмотивно-оценочным значением репрезентирует эмоциональное состояние героини как результат «обманутого ожидания», поскольку коммуникативная ситуация-стимул оказалась не

только неожиданной и не желаемой для интерпретатора, она также явилась нарушением принятых в социуме и закономерно протекающих действий, предшествующих выраженному намерению жениться. Охватившая героиню тревога вызвана внутренним конфликтом между реальным положением дела, свершившимся событием и представлением о благополучном его исходе. Эмоциональное состояние волнения, негативного предчувствия отражено и в незаконченности эмотивного высказывания, и во введенном предложении-коммуникативе, типичном для диалога. Причем осознание негативного развития и последствий коммуникативной ситуации выражено в тексте имплицитно: с помощью предложения с невербализованным концом, который имеет, как правило, большую степень детерминированности, чем начало (ср.: *«Какая там шаль, когда здесь такое происходит»*). Предложение с энантиосемичным значением (*Какая там шаль...* в значении <мне сейчас не до этого>) является последним звеном в ряду смысловых повторов, которые интенсифицируют репрезентацию эмоционального состояния говорящего персонажа.

Воспринимая репрезентацию эмоциональной ситуации, интерпретатор русского художественного текста, владеющий языковыми, лингвистическими и коммуникативными компетенциями, как правило, не испытывает чувство тревоги. Человек как «живая система» (термин У. Матурана) действует прогностически: «что произошло однажды, произойдет вновь», причем это положение истинно и для формирования эмоциональной компетенции, понимания эмоциональных ситуаций [7, с. 124-126].

Эмоциогенным, т. е. вызывающим эмоциональную реакцию, может быть само содержание текста, те факты реального мира, которые в нем отражены, по сути вербализованные эмоциональные ситуации. Этот тип эмоциогенности не зависит от качества языковых единиц, составляющих текст. В каждой конкретной эмоциогенной ситуации отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Вопрос о восприятии эмоционального состояния говорящего в коммуникативной ситуации неотделим от эмоциональной компетенции, т. е.

знаний о способах выражения и означивания эмоций.

Исходя из теоретических положений концепции М.М. Бахтина, понимание текста – это процесс, состоящий из отдельных актов или уровней, каждый из которых выполняет свою функцию: восприятие текста; узнавание текста и понимание его общего значения в данном языке; понимание его значения в контексте данной культуры; активное диалогическое понимание его смысла, совпадающее с его формированием [8, с. 361]. Таким образом, понимание текста предполагает выход за пределы восприятия смысла знаков, и к нему можно отнести процесс интерпретации, при этом учитывая его ассоциативную связь с другими текстами и культурным контекстом. Именно оценочная интерпретация событий, их идентификация как эмоциогенных в сознании говорящих создает условия для выражения эмоциональных состояний и квалификации ситуации как эмоциональной. Например, вызывает позитивное эмоциональное состояние реципиента отрывок из романа М.А. Шолохова «Поднятая целина», представляющий эпизод, когда дед Щукарь сварил для пахарей кашу, в которой потом была найдена лягушачья лапка:

...Быть может, на том дело и кончилось бы, если бы вконец разозленный бабами Щукарь не крикнул:

– Мокрохвостые! Сатаны в юбках! До морды тянетесь, а того не понимаете, что это не простая лягушка, а вустрица!

– Кто-о-о-о?! – изумились бабы.

– Вустрица, русским языком вам говорю! Лягушка – мразь, а в вустрице благородные кровя! Мой родный кум при старом прижмем у самого генерала Филимонова в денщиках служил и рассказывал, что генерал их даже натоцк сотнями заглатывал! Ел прямо на кореню! Вустрицаию из ракушки не вылупится, а он уж ее отель вилочкой позывает. Проткнет наскрозь и – ваших нету! Она жалобно пишиит, а он знай ее в горловину пропихивает. Апочему вы знаете, может, она, эта хреновина, вустричной породы? Генералы одобряли, и я, может, нарошно для навару вам, дуракам, положил ее, для скусу... (Шолохов М.А. Поднятая целина, кн. 1, гл. XXXVI).

Правдоподобность данной ситуации художественного мира не нуждается в верифи-

цируемости, в контексте изображенных писателем событий герой воспринимается интерпретатором как чувственный образ, вызывающий своим поведением эмоциональную индикацию. Хотя, несомненно, эмоциогенным в данном фрагменте оказывается и представленный монолог героя, т. е. особые языковые средства, усиливающие эмоциональный эффект.

Автор художественного текста прогнозирует ожидание читателя, реципиента. Эмоциогенным можно признать авторское предпочтение, которое он отдает тем или иным языковым средствам, а также приемам организации самого текста, тем или иным поворотам сюжета. Очевидно, что слово в тексте теряет свою определенность, «отдельность», оно может получить иной смысл в эмоциональной ситуации, именно внутритекстовая мотивированность слова делает его эмоциогенным. Причем чем менее предсказуемы для читателя языковые средства и / или развитие сюжета, тем более эмоциогенным оказывается сам текст. Например, во фрагменте романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», где речь идет о митинге в Старгороде в честь пуска первого трамвая, реализуется эффект «непредсказуемости сюжета» и приобретают новый смысл известные лексические единицы:

Гаврилин начал свою речь хорошо и просто.

– Трамвай построить, – сказал он, – это не ешак купить.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу. Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные... (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев, гл. XIII).

Авторское отношение к эмоциональной ситуации репрезентируется в тексте и возбуждает не только мысли, но и эмоциональные переживания реципиента, который, создавая мысленный образ на основе общих фоновых знаний, представляет комичность описанной ситуации, выражает эмоциональную реакцию, заражаясь авторским субъективным

отношением к событию. При восприятии текста сознание реципиента, интерпретатора, его личностные качества, его жизненный опыт и знания взаимодействуют с информацией, которая поступает из разных уровней языкового пространства текста и подтекстовых структур. Вследствие активной роли читателя, привносящего в художественный текст собственные представления о жизни и жизненных ценностях, становится возможным существование нескольких различных интерпретаций одного текста, что объясняется также разным уровнем готовности к пониманию и разными характеристиками языковых личностей. Размышляя об интерпретативной деятельности в литературной коммуникации, Р. Барт отмечал: «В самом деле, чтение – это языковая работа. Читать значит выявлять смыслы, а выявлять смыслы значит их именовать, но ведь все дело в том, что эти получившие имена смыслы устремляются к другим именам, так что имена начинают перекликаться между собой, группироваться, и эти группировки вновь требуют именования: я именую, отбираю имена, снова именую, и в этом-то, собственно, и заключается жизнь текста...» [9, с. 37-38].

Эмоциогенным может быть художественный текст, который подтверждает позитивные или негативные ожидания реципиента. Например, при чтении детектива или восприятии трагедии читатель / зритель заранее настроен на аномативные с точки зрения коллективного сознания ситуации, которые при восприятии могут вызвать у адресата эмоциональную напряженность и негативные эмоции страха, ужаса, злости и т. п. Например, при чтении эпизода из повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» может появиться чувство страха, испытываемого и выражаемого персонажем, выступающим в качестве жертвы: – *Идите сюда, тетенька: я боюсь, – еще слезливее позвал он через секунду...* (Лесков Н. Леди Макбет Мценского уезда). Однако необходимо учитывать, что восприятие текста всегда избирательно и может зависеть от психического состояния интерпретатора, его интеллектуального уровня и эмоциональной эмпатии. Иногда читатель может просто не заметить особые языковые средства, в частности тогда, когда для него крайне важна сама текстовая информация.

В психике человека преобладают отрицательные эмоции, т. к. они являются жизненно важными. Именно эти эмоциональные состояния становятся стимулом к изменению индивидуумом своего психического состояния и окружающего мира, хотя сами изменения не всегда могут оцениваться позитивно. Репрезентация в художественном тексте негативных эмоциональных ситуаций и состояний имеет целью воздействовать на сознание и поведение реципиента. Несмотря на превалирование в целом средств выражения негативной оценки в языке, что объяснимо психологически, в речи, тексте все же преобладают субъективно-оценочные средства, актуализирующие положительные коннотации. Говоря о причине такого положения, Ф.Г. Самигулина замечает, что «именно душевность как национальная черта определяет преобладающую положительную направленность этой эмоциональности в языковых средствах, помогающих наладить дружеский контакт» [10, с. 481].

Экспрессивность текста порождается коммуникативными целями автора и прагматическим назначением самого текста. В результате воздействия эмотивно-оценочного пространства художественного текста в сознании воспринимающего субъекта, адресата появляется концептуальная структура, сохраняющая информацию об эмоциональных переживаниях, расширяющая его собственную эмоциональную сферу и формирующая субъективное отношение к самому тексту [11, с. 131-132].

Говоря об эмоциогенности языка, следует обратить особое внимание на эмотивы, т. е. лексические единицы, фразеологические сочетания, отдельные части речи, синтаксические конструкции, основной функцией которых является выражение эмоций, но которые также могут служить маркерами эмоциональной ситуации в тексте.

Базовой единицей речи является высказывание, и в этом утверждении заключен известный полемический смысл, истоки которого – в полемике М.М. Бахтина и В.В. Виноградова. М.М. Бахтин называл предложение как единицу языка «ничье», поскольку в нем нет оценки с точки зрения истинности или ложности. Основная идея М.М. Бахтина состояла в том, что тему высказывания нужно рассматривать как содержательную пози-

цию говорящего, которая способна вызвать ответную содержательную позицию слушающего. Концепция диалогического общения постулировала как полное равноправие говорящего и слушающего, так и преобладание позиции слушающего, а в литературной коммуникации – интерпретатора. По М.М. Бахтину, текст обязательно подлежит множественной интерпретации, однако не существует бесконечной интерпретации. Границу интерпретативной деятельности ученый видит в речевом жанре, который существует, когда человек сталкивается с ним. Речевой жанр представляет собой внутреннюю форму ситуации общения, тип события. В литературной коммуникации процесс интерпретации предполагает ожидание определенной структуры жанра, в частности жанра ссоры, конфликта и т. п.

Прагматика эмотивных высказываний, маркирующих эмотивные ситуации в тексте, определена их функционированием в сфере адресата, «ты»-сфере, содержащей эмоции, оценки, взгляды говорящего на положение вещей, выражающей его отношение к миру и другим людям. Такой сферой можно признать художественную коммуникацию, отражающую авторскую картину мира. Динамическое коммуникативное пространство художественного текста предопределяет динамику смыслопорождения, возможность синтаксических трансформаций субъективно-оценочного характера. Для эмотивных синтаксических конструкций, функционирующих в художественном тексте, характерна тенденция к поляризации негативных и позитивных эмотивно-оценочных смыслов, развитие семиимпликационных значений, слияние эмоций и оценок в высказываниях, позитивных по форме и негативных по порожаемому и воспринимаемому смыслу.

Создавая одно из первых в языкознании лексикографических описаний элементарных синтаксических единиц русского языка – синтаксем, Г.А. Золотова особое внимание уделяет их функциональной типологии. Большинство синтаксических конструкций с эмотивно-оценочным смыслом включает обусловленные синтаксемы, которые не выражают своего значения вне конструкции, определенной модели. Например, среди обусловленных синтаксем с предлогом *от* в словаре выделяется экспрессивная модифи-

кация оценочной модели, в основе которой – «компонент со значением субъекта или каузатора потенциального действия, прагматические или эмоциональные последствия которого оцениваются в предложении» [12, с. 81]. В качестве иллюстрации приводится диалог персонажей из рассказа В.М. Шукшина:

– У нее дочь в городе.

– Да это-то!.. Это и у меня вон сын в городе. Толку-то от их нынче. (Шукшин В. Бессовестные).

Обусловленная синтаксема разговорного характера входит в состав фразеологизированной конструкции с семиимпликационным значением (ср. *Нет никакого толку*). Начальное предложение ответной реплики представляет собой эмотивное высказывание – коммуникему, передающую вполне определенный эмотивно-оценочный смысл: <Меня не удивляет полученная информация, поскольку я знаю, что она не может повлиять на события, изменить ситуацию, поэтому я не придаю значения тому, что сказано собеседником, и оцениваю саму ситуацию как негативную>. Вероятно, такого рода высказывания могут содержать не один, а несколько эмотивно-оценочных смыслов, актуализация которых в сознании реципиента зависит от осознания параметров представленной ситуации и других эмоциогенных факторов.

С точки зрения психологии, смысл есть элемент когниции и аксиологизации окружающего человека мира. Существуют три плоскости существования смыслов: плоскость объективных отношений, плоскость психологического субстрата и плоскость образа мира. В плоскости объективных отношений между субъектом и миром находится жизненный смысл, т. е. объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни. В плоскости психологического субстрата смысла (неосознаваемых механизмов внутренней регуляции жизнедеятельности) существуют смысловые структуры личности – жизненные отношения, образующие целостную систему, регулирующие жизнедеятельность субъекта в соответствии с логикой жизненной необходимости. В плоскости образа мира в сознании субъекта, как замечает Е.В. Шелестюк, «существует личностный смысл – эмоционально окрашенная репрезентация объектов,

явлений и событий либо их структурная трансформация в соответствии с мотивами, потребностями и ценностями субъекта (выделение сознанием того, что значимо для субъекта, осмысление места объектов в его образе мира)» [13, с. 9-10]. Именно существование личностного смысла, отражающего пристрастность сознания реципиента по отношению к извлекаемому из содержания художественного текста эмотивно-оценочному смыслу, порождает эмоциональную индикацию, т. е. отражение эмоционально-оценочных характеристик чувственного образа.

Преднамеренное обращение к эмотивам (языковым единицам, предназначенным для выражения эмоций) в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. Нельзя не согласиться с утверждением Т.Б. Заграевской, что «апеллируя к эмоциям, человек верифицирует свои оценки, подтверждает истинность своего высказывания, тем самым связывая результат познания объективной реальности с тем эмоциональным компонентом, который ему сопутствует» [14, с. 107].

Таким образом, вопрос о репрезентации эмоциональных ситуаций в русском художественном тексте непосредственно связан с исследованием способов выражения эмоций персонажей, сценариев эмоциональных ситуаций и их последствий, отраженных в последующем повествовании. Можно с уверенностью говорить о непосредственной связи между языковым представлением эмоционального состояния говорящего и коммуникативной ситуацией – стимулом эмоционального события. Знание структуры сценария эмоциональной ситуации позволяет дифференцировать оценочное значение высказывания – позитивное или негативное, – лежащее в основе вербализованной эмоции, а также выявить специфику когнитивных процессов, определяющих способы выражения эмоциональных переживаний.

Список литературы

1. Моруа А. Надежды и воспоминания: художественная публицистика: пер. с фр. М.: Прогресс, 1983. 408 с.
2. Carrol E. Izard. The Psychology of Emotions. Plenum Press. New York; London, 1991.

3. *Кравец А.С.* Категориальная оппозиция субъективного и объективного смыслов в герменевтическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №4. С. 11-15.
4. *Дасько А.А.* Ценностные концепты в языковой картине мира // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. С. 311-316.
5. *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект: сборник. М.: Прогресс, 1996. С. 314-385.
6. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004. С. 257-268.
7. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект: сборник. М., 1996. С. 124-147.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
9. *Барт Р. S/Z.* / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
10. *Самигулина Ф.Г.* Языковое сознание и культурная специфика эмотивной картины мира: прагматика диминутивности // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: материалы 1 Международной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 478-483.
11. *Коростова С.В.* Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 224 с.
12. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
13. *Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: ракурсы адресанта и адресата. Челябинск, 2008.
14. *Заграевская Т.Б.* Эмотивность и экспрессивность в структуре виртуальной реализации оценки // Язык как система и деятельность – 5: материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 107-109.
- of subjective and objective meanings in hermeneutic discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2014, no. 4, pp. 11-15. (In Russian).
4. *Das'ko A.A.* Cennostnye koncepty v jazykovoj kartine mira [Axiological concepts in language world view]. *Kognitivnaja lingvistika: novye paradigmy i novye reshenija* [Cognitive linguistics: new paradigms and new decisions], ed.-compiler M.V. Pimenova. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2011, pp. 311-316. (In Russian).
5. *Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A.* Kognitivnaja struktura jemocij [Cognitive structure of emotions]. *Jazyk i intellekt: sbornik* [Language and intellect]. Moscow, Progress Publ., 1996, pp. 314-385. (In Russian).
6. *Leont'ev A.N.* Potrebnosti, motivy, jemocii [Needs, motives, emotions]. In: Viljunas V. *Psichologija jemocij* [Psychology of emotions]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004, pp. 257-268. (In Russian).
7. *Maturana U.* Biologija poznanija [Knowledge biology]. *Jazyk i intellekt* [Language and intellect]. Moscow, 1996, pp. 124-147. (In Russian).
8. *Bahtin M.M.* *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Written word aesthetics]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 423 p. (In Russian).
9. *Bart R. S/Z.* [S/Z], translated from French, ed. G.K. Kosikova. Moscow, Jeditorial URSS Publ., 2001. 232 p. (In Russian).
10. *Samigulina F.G.* Jazykovoe soznanie i kul'turnaja specifika jemotivnoj kartiny mira: pragmatika diminutivnosti [Language cognition and cultural specifics of emotive world view: diminutively pragmatics]. *Materialy 1 Mezhdunarodnoj konferencii "Lingvokul'turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polijetnicheskogo regiona"* [Materials of 1st International conference "Linguistic and cultural phenomenon in communicative space of political region"]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2014, pp. 478-483. (In Russian).
11. *Korostova S.V.* *Jemotivno-ocenochnye smysly v russskom hudozhestvennom tekste* [Emotive-evaluative senses in Russian literary text]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014. 224 p. (In Russian).
12. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju.* *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of Russian language]. Moscow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language RAS, 2004. 544 p. (In Russian).
13. *Shelestjuk E.V.* *Rechevoe vozdejstvie: rakursy adresanta i adresata* [Speech influence: addressant and addressee views]. Chelyabinsk, 2008. (In Russian).

References

1. *Morua A.* *Nadezhdy i vospominanija: hudozhestvennaja publicistika* [Hopes and memoirs: fictionalized journalism]. Moscow, Progress Publ., 1983. 408 p. (In Russian).
2. *Carrol E. Izard.* *The Psychology of Emotions.* Plenum Press. New York, London, 1991.
3. *Kravec A.S.* Kategorial'naja oppozicija sub'ektivnogo i ob'ektivnogo smyslov v germe-nevticheskom diskurse [Categorical opposition

14. Zagraevskaja T.B. Jemotivnost' i jekspressivnost' v strukture virtual'noj realizacii ocenki [Emotive-ness and expressiveness in the structure of virtual realization of evaluation]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Jazyk kak sistema i dejatel'nost' – 5"* [Materials of International scientific conference "Language as a system and activity – 5"]. Rostov-on-Don, Southern Federal

University Publ., 2015, pp. 107-109. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2016 г.
Received 20 May 2016

UDC 81'42

EMOTIONAL SITUATIONS OF LITERARY TEXT: WAYS OF EMOTIVE-EVALUATIVE SENSES EXPRESSION

Svetlana Vladimirovna KOROSTOVA

Southern Federal University

105/42 BolshayaSadovaya St., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006

E-mail: rectorat@sfedu.ru

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department

E-mail: svetolen@yandex.ru

Emotional situations and ways of their presentation in Russian literary texts of XIX–XX century are studied. It is established, that conceptualization of reality in the consciousness of the speaker is defined not only by intellectual, but also emotional activity, that emotional situations are known by a person due to life experience, which let establish logical connection in events. Literary texts actualize the links and relations, existing in reality, including emotional situations script. It is proved, that the ideas about emotive situation on human's consciousness are formed earlier than the knowledge appear in language, that emotion appear from cognitive interpretations of the emotional events surrounding us, cognitive interpretations of events are connected with the level of socialization of language personality, the volume of knowledge about the world and the realia. It is founded that the higher the truth, veracity and depth degrees of emotional act, anyway it supposes the others as an object of intention, on which the influence is made, the conditions of emotion existence are its involuntariness. The question decision considering the perception of subject state in emotive situation is less connected with the way of emotions representation (verbal or non-verbal), but inseparable of emotional competence, including knowledge of the ways of expression and meaning of emotions. The analysis of emotional situations represented in literary text let reveal dominating emotive-evaluative senses.

Key words: literary communication; emotional situation script; text emotive component; emotive